

ДОНЧО И ЮЛИЯ ПАПАЗОВЫ

ПОД ПАРУСОМ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Глава I ПОДГОТОВКА

Глава V КУРС НА КУБУ!

Глава II СОФИЯ-ГИБРАЛТАР

Глава VI ВОЛНЫ, ПАРУСА

Глава III ГИБРАЛТАР-ЛАС-ПАЛЬМАС

Глава VII ПАССАТЫ

Глава IV ОТДЫХ

Глава VIII ПОСЛЕДНИЕ 900 МИЛЬ

Товарищам Юлии и Дончо Папазовым, участникам экспедиции "Планктон III"

Дорогие товарищи!

От всего сердца поздравляю вас с успешным окончанием экспедиции "Планктон III" и награждением вас орденом Народной Республики Болгарии.

Переход через Атлантический океан от Гибралтара до Кубы на обычной корабельной спасательной шлюпке уже сам по себе является подвигом, который ярко показывает высокие морально-волевые качества молодого болгарского поколения, выросшего и воспитанного в условиях социализма. Тот факт, что вы переплыли океан не ради личной славы, а как исследователи, поставившие перед собой большую цель, возвышает ваш личный успех до уровня самопожертвования ученых-гуманистов, которые испытывали на себе и доказывали правильность своих открытий.

Мы, ваши соотечественники, гордимся вами, вашей смелостью и упорством, вашей самоотверженностью и силой духа. Мы гордимся тем, что как настоящие дети социалистической Родины вы сразу же по прибытии на далекий кубинский берег отправили первые слова благодарности в адрес руководителей, ученых, рабочих, которые поддержали вас в смелом начинании. У нас, к сожалению, есть еще люди, не желающие брать на себя заботы и боящиеся ответственности. Но в нашей стране много людей — и с каждым годом их становится все больше, — которые сами готовы участвовать и всеми силами поддержат любое смелое, благородное дело, предпринятое на благо Родины, для торжества наших великих коммунистических идеалов, для счастья человека и человечества.

Благодарю вас, дорогие товарищи, за большой подарок, который вы преподнесли нашей социалистической Родине накануне 30-й годовщины исторической победы 9 сентября 1944 года!

От всего сердца желаю вам успеха в осуществлении программы "Планктон", счастья вам и вашей маленькой дочери!

2 августа 1974 года Ваш Тодор ЖИВКОВ

Глава I ПОДГОТОВКА

Романтика начинается с организации

Современная романтика — это прежде всего хорошая организация дела. Может быть, для кого-то это покажется преувеличением, но предугадать всякую неожиданность, предусмотреть любую мелочь, разработать подробную программу, зажечь и вдохновить сотни людей почти столь же трудно, как и пересечь Атлантику.

Бесперывная беготня с портфелем, набитым бумагами и рекомендательными письмами, изрядно надоедает, но она сталкивает вас с новыми людьми. Кто-то готов помочь сразу же, других приходится убеждать. Невольно становишься дипломатом и психологом.

Трудно передать на бумаге атмосферу доверия и понимания, отметить сотни дружеских жестов, теплых слов и рукопожатий — этих бесчисленных знаков веры в ваше предприятие. Теперь я знаю, что такая вера не только обязывает, но и придает новые силы. С момента, когда экспедиция перестает быть твоим частным делом, с момента, когда ты начинаешь сознавать себя посланцем своей страны, меняется масштаб прежних твоих представлений, и ты думаешь уже не столько о спортивном или научном интересе, сколько о том, чтобы оправдать доверие всех, кто подготовил и обеспечил твоё путешествие...

Взвешенный риск

Во время подготовки наибольшее внимание мы уделили надежности снаряжения, хотя нам было ясно, что задуманные нами исследования могут иметь цену лишь в том случае, если они будут проводиться в "обычных" условиях, в которых оказываются жертвы кораблекрушений. Следовательно, у нас не должно было быть ничего, что ставило бы нас в привилегированные условия.

Мы решили отправиться на бескилевой спасательной шлюпке с парусами. Это, конечно, не самая удобная посуда для трансатлантического путешествия. Следует заметить при этом, что мы вообще не видели раньше океан — даже с берега. Мы не имели понятия о том, какова океанская волна, что представляют собой океанские течения. Все это усложняло эксперимент, увеличивало риск, но ведь среди жертв кораблекрушений большинство вообще не имеет серьезного представления о море, о парусах и т. д. Необходимо было заранее предусмотреть все факторы, могущие оказать неблагоприятное воздействие на ход путешествия. Чтобы ничего не упустить из виду, чтобы скоординировать все вопросы, я разработал вначале общий график, а впоследствии составил частные графики для самых важных этапов. Мы определили приблизительный маршрут, сроки и наши резервы.

При подготовке все факторы, влияющие неблагоприятно, были оценены по десятибалльной шкале. Для ряда из них мы наметили "контрмеры". В тех случаях, когда мы не чувствовали себя уверенно, мы спрашивали совета специалистов. Нам помогли моряки, химики, геофизики и конструкторы. С их помощью нам удалось предусмотреть все отрицательные моменты и, следовательно, уменьшить риск.

При сильном волнении и крепком ветре бескилевая лодка с парусами очень легко может перевернуться. Капитан Методиев и его помощник вычислили, в каких условиях наша лодка сохранит устойчивость при полных парусах. Зная это, мы всегда могли вовремя уменьшить паруса или поставить шлюпку под нужным углом к ветру.

Во время шторма может оборваться фал *. Тогда парус падает. Чтобы поднять его, нужно продеть новый фал через блоки топа мачты, а для этого приходится карабкаться вверх. Чтобы обезопасить себя от этой эквилибристики, мы предусмотрели пять запасных фалов. Во время наших прежних экспедиций в Черном море мы обнаружили ошибки и недочеты в снаряжении, что помогло нам избежать многих неприятностей в Атлантике. Это в первую очередь касается организации рабочего места, укладки багажа и испытания шлюпки.

В экспедициях, подобных нашей, маловато романтики. Почти все время занято тяжким, однообразным трудом. Сравню для наглядности морскую яхту и открытую бескилевую спасательную шлюпку.

Если большая волна накроет яхту, это не причинит яхтсмену ни малейшего беспокойства, так как яхта водонепроницаема. Во время шторма или урагана, если судно находится вдалеке от оживленных океанских путей, яхтсмен убирает паруса и скрывается в каюте. Яхта отдается на волю волн — ведь киль не позволит ей перевернуться. Здесь есть к тому же все удобства: нормальные койки, жилое пространство, место для приготовления пищи, рукомойник, холодильник, радар, радиопеленгатор и т. д. Яхта оснащена современными парусами, которые позволяют ей идти против ветра. И наконец, на многих яхтах смонтировано автоматическое рулевое управление, освобождающее от непрерывной вахты на румпеле.

Спасательная шлюпка лишена всех этих преимуществ. Она может плыть только по ветру или в лучшем случае перпендикулярно его направлению. Если вы проскочите порт, то уже не сможете вернуться обратно.

Я не хочу поставить под сомнение подвиги яхтсменов. Я только сравнил возможности обоих типов судов.

Предварительно объявленная программа

Наши хлопоты находились в тесной связи с научной программой. Мы собирались исследовать состояние человека, поставленного в тяжелые условия полной изоляции, без связи с берегом. Из опыта двух предыдущих плаваний по Черному морю мы знали, что организованный, психически уравновешенный человек обладает почти невероятной в обычных условиях сопротивляемостью. Он может приспособиться к постоянному холоду, к нескончаемой работе, к вечной сырости, к тесноте, к отсутствию всего того, с чем мы словно срослись в нормальной жизни. Но к некоторым вещам невозможно привыкнуть — это недосыпание, изматывающая жара.

В наши прежние экспедиции мы отправлялись с заранее объявленной программой, в которой точно указывались промежуточные порты, конечная цель плавания, сроки прохождения различных пунктов, виды исследований и т. д. Многие советовали нам поступить по примеру большинства путешественников и не называть точно порты Лас-Пальмас и Сантьяго-де-Куба, а указать вообще Канарские острова и остров Куба. Нам объясняли, что на бескилевом паруснике в океане очень трудно выйти к цели и что, если нам не удастся выполнить программу, никто не станет делать скидку на трудности путешествия, а будут говорить о плохой подготовке. Мы не согласились с этими доводами, так как хотели установить, можно ли достаточно точно управлять примитивной шлюпкой.

Что мы исследуем

Как ведет себя человеческий организм в экстремальных ситуациях, какова его работоспособность в таких условиях, каковы взаимоотношения в микрогруппе “муж — жена” — эти вопросы будут еще долгое время представлять интерес для науки. Наши исследования в этой области включены в программу “Интеркосмос”. Вероятно, наш опыт будет учтен при подготовке смешанного космического экипажа.

Ответ на вопрос, может ли зоопланктон использоваться в качестве пищи потерпевшими кораблекрушение и как он усваивается организмом, позволил бы сделать выводы и о том, сколько времени могли бы выдержать без всякой помощи жертвы морской катастрофы, и о том, насколько вероятно то, чтобы зоопланктон стал составной частью нашей повседневной трапезы. Ведь масса этих микроорганизмов в пять-шесть раз больше массы всего живого на нашей планете. И может быть, именно с помощью зоопланктона разрешится вопрос пропитания человечества в недалеком будущем.

Другим основным пунктом программы является испытание самого массового спасательного средства — конвенционной спасательной шлюпки с парусами, открытой и без балластного кия. Ей доверена жизнь миллионов моряков и пассажиров на всех морях и океанах. Такие продолжительные испытания спасательных лодок в естественных условиях до сих пор не проводились. В программу “Планктон” включены две экспедиции в Черном море и одна в Атлантическом океане для подробного изучения действий лодки и всего ее оснащения согласно конвенции об охране человеческой жизни на море (СОЛАС-60), а также экспедиция в Тихом океане, где мы будем экспериментировать с лодкой улучшенной конструкции и по-новому оборудованной.

Наконец, мы будем собирать пробы планктона, вести дневники и отснимем телевизионный фильм.

Маршрут экспедиции “Планктон III” проходил от Гибралтара до Сантьяго-де-Куба в два этапа:

Гибралтар — Лас-Пальмас — 700 миль;

Лас-Пальмас — Сантьяго-де-Куба — 3700 миль.

Это расстояния по прямой. На деле пройденный путь оказался значительно длиннее.

Программа “Планктон” будет длиться 12 лет. Это первая программа такого рода. Во время всех экспедиций мы ставим себя добровольно в тяжелые условия и ограничиваем питание. Например, во время экспедиции “Планктон II” в Черном море мы потребляли только 35 процентов минимально необходимых калорий и 60 процентов необходимой воды.

Наши предшественники

Вопрос о том, как родилась идея программы “Планктон”, нам задавали сотни раз, и мы всегда затруднялись ответить на него.

Прежде всего на меня оказал влияние дерзкий эксперимент врача Алена Бомбара, дерзнувшего в одиночку бороться с океанской стихией. В 1952 году он пересек Атлантику за 65 дней на резиновой лодке с парусом. На борту “Еретика” не было пищи и воды. Основной Целью Бомбара было доказать, что потерпевшие кораблекрушение имеют возможность спастись и что большая часть из них погибает не от лишений, а от страха и отчаяния.

До него, в 1928 году, военный летчик Франц Ромер пересек Атлантический океан на обыкновенной байдарке. Ромер запасся 250 килограммами консервов и 250 литрами воды. Он хотел доказать, что человек даже на маленьком суденышке может бороться с океаном, и думал личным примером вдохнуть веру в будущих жертв кораблекрушений.

31 марта 1928 года Франц Ромер достиг самого северного из Антильских островов — Сент-Томаса. Его основная цель была достигнута. На втором этапе — Сент-Томас — Нью-Йорк — Ромер исчез во время шторма.

Аналогична судьба его последователя, Энглера, который погиб неподалеку от Канарских островов.

Успешно закончились обе экспедиции либерийского врача Линдемана, который в 1955 году пересек Атлантический океан на западно-африканской пироге, а в 1956 году на каноэ. Подобно Бомбару, он проводил наблюдения над собой и исследовал возможность пить морскую воду. Его вывод категоричен: потребление морской воды вредно; это одна из причин гибели людей в океане.

Мы пристально изучили опыт всех наших предшественников и постараемся избежать их ошибок. В нашей программе единственным пунктом, совпадающим с их задачами, является исследование человеческого организма и психики в условиях кораблекрушения, но, кроме самонаблюдений, мы будем проводить и периодические исследования с помощью специально подготовленных тестов. А широкие исследования питательных качеств зоопланктона проводятся впервые в мире.

* Словарь морских терминов приведен в конце книги (Примеч. ред.)

Глава II СОФИЯ-ГИБРАЛТАР

Проводы в Софии

30 марта 1974 года. Холодный ветренный день. С раннего утра нагружаем и нагружаем бедный “рено”, который постепенно оседает чуть ли не до земли. Заднее сиденье завалено до крыши, и Дончо придется высовываться из окошка, чтобы посмотреть назад. На багажнике громоздится тюк высотой в полтора и длиной в два метра. Укрываем его брезентом, затягиваем веревками, но он, конечно, будет клониться на каждом повороте.

Разумеется, машину окружает толпа зевак, наперебой подающих советы. Это больше всего действует нам на нервы. Но наконец садимся в “рено”. Я кладу на колени баллон с пропан-бутаном — он откуда-то вывалился в последний момент, и мы не смогли найти для него более безопасного места. Дончо жмет на клаксон, мы медленно катим со двора.

Едем в Институт педиатрии, где наша дочка Яна останется на все время путешествия.

Сегодня Яне исполняется восемь месяцев. Она смотрит на нас большими смеющимися глазами, тянет ручонки то ко мне, то к Дончо. Мне так грустно, что я не смею ни обнять ее, ни сказать ей что-нибудь ласковое. Дончо как будто владеет собой лучше. Все вокруг плачут, а я не могу. Слова застревают в горле.

Я знаю, что здешние врачи чудесные люди и очень любят Яну. Знаю, что здесь за ней будут смотреть лучше, чем дома. Но, покидая институт, я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься обратно.

Дончо тоже смотрит мрачно и, забыв о багаже, мчит так, словно уходит от погони.

Заезжаем в Спортпром, чтобы кое-как впихнуть в машину спальные мешки, пуховые куртки, штормовки и парадные белые костюмы, в которых мы собираемся ступить на американский берег. Все высыпает проводить нас. Заводят пластинку с какой-то морской песней. Обнимают, жмут руки, желают счастливого пути.

Объезжаем еще несколько мест, где принимаем на борт “рено” запасную резиновую лодку, такелажные скобы, блоки, талрепы.

Наконец, совершенно задавленные снаряжением, покидаем Софию. Багаж на крыше стонет, скрипит, качается, и поэтому мы едем очень медленно.

На капоте у нас развевается синий вымпелок с вышитыми на нем словами: “Участникам экспедиции “Планктон III” от болгарских яхтсменов”. Не знаю, из-за этого вымпела или из-за чудовищного багажа люди узнают нас — то и дело нам машут и что-то кричат.

Может быть, мы будим давно оставленные мечты? Так много взволнованных до слез мужчин и женщин, которые обнимают нас и от всего сердца желают успеха. Признаемся, этот энтузиазм кажется нам несколько неожиданным. Болгары никогда не были нацией мореходов, и мы думали, что океан — это нечто весьма далекое и неопределенное для рядового болгарина.

Если не считать того, что у нас несколько раз лопались шины, мы едем без происшествий. На следующий день к вечеру добираемся до Варны. Дончо останавливает машину возле одной из лучших гостиниц. После короткого препирательства с администрацией получаем ключи от номера. Лифт, конечно, не работает. Переносим багаж из машины на четвертый этаж. Наверх отправляются сухари, книги, кастрюли, спиннинги, бутылочки для проб, матрацы и десяток мешков. Сваливаем все это посреди номера и ложимся спать.

Тяжелая артиллерия — это Божидар

Рано утром отправляемся к Божидару Фролошки, нашему другу и неизменному помощнику. Божидар — технический директор БМФ *. Первым делом он заявляет, что больше не хочет слышать ни о каких экспедициях, но мы немедленно выкладываем список дел, которые можно уладить только с его помощью. Божидар вздыхает и снимает телефонную трубку...

Так начинались и все последующие дни. Рано утром — на “совещание” к Божидару. Что еще не сделано, что нужно достать. Телефонные звонки, споры. Затем в Навигационный отдел с затасканным списком оборудования шлюпки. Начальник отдела отправляет с нами кого-нибудь из своих людей, и мы начинаем обходить корабли и склады. Конвенцией установлен обязательный список вещей, которые должны находиться в спасательной лодке. Большой части из них у нас пока недостает.

За двадцать дней голое корыто, которое сняли с парохода “Бенисаф”, сделалось судном для трансокеанского плавания.

Плотники несколько подняли низкую рубку, уложили до середины шлюпки палубу. Сколотили койки, под которые мы упрячем часть багажа. Я наименовала их сундуками. Кроме того, у нас будет двойной пол. Здесь также поместится багаж. Рубку оснастили люком, иллюминатором и двумя окошками, открывающимися в сторону носа.

В механическом цехе нам сделали талрепы, такелажные скобы, блоки и полую алюминиевую мачту. Пропустили сквозь нее провода, чтобы на тале могла светить лампочка. Для нее и для радиостанции мы возьем аккумуляторы.

Новые помощники, старые заботы

Дел у нас было много, и казалось, что они никогда не кончатся. Начали приезжать журналисты. Чтобы заснять последние приготовления, прибыла группа Болгарского телевидения. Дончо бегал с утра до вечера как заведенный и, чтобы впоследствии избежать неприятных открытий, старался делать все сам или хотя бы наблюдать за всеми приготовлениями. А я ходила на учебный корабль “Родопы” и тренировалась вместе с курсантами на радиотелеграфе. Курсанты посматривали на меня с любопытством, и поначалу я чувствовала себя несколько неловко. Но постепенно мы привыкли друг к другу.

Из Софии приехали помогать кое-кто из наших друзей. Заплетали канаты. Набивали мешочки песком для балласта, а я их зашивала. Возле “Джу” (так мы окрестили нашу посудину) постоянно толпились люди. Меньшинство что-нибудь делало. Большинство задавало вопросы и щелкало фотокамерами.

Группа курсантов Военно-морского училища подготовила чертежи шлюпки и составила подробный список ошибок, которые мы можем совершить, если захотим перевернуться.

Оставалась проблема с водой. Одни предлагали сделать баки из оцинкованной жести, но это предложение не прошло, так как выяснилось, что сварные швы непременно проржавеют. Кроме того, баки были бы слишком велики и потому неудобны. До отплытия оставалось десять дней, а мы все не могли найти наилучший способ хранить воду.

Кто-то вспомнил, что видел в кино воду в консервных банках. Мы решили узнать на консервном комбинате “Янко Костов”, смогут ли там закупорить банки с водой. У нас было припасено 20 ящиков горнобанской минеральной воды. Недолго думая, Дончо погрузил их на машину и помчался на комбинат.

Нам не только бесплатно закупорили воду, но и подарили целый ящик абрикосового компота. Воду перелили из бутылок в консервные банки и 18 минут кипятили ее в автоклаве при температуре 120° С. Похоже, это было ошибкой. Минеральная вода, видимо, взаимодействовала с металлом банок — в океане она пахла ужасно. Да и на вкус вода оказалась малопривлекательной. Мы использовали ее (хорошенько прокипятив) только для приготовления чая.

Но тогда мы не знали всего этого и по-детски радовались удачному решению “водного вопроса”. Когда Дончо грузил консервные банки в порту, в толпе зевак комментировали:

— И они толкуют про планктон. Да с такой приправой можно съесть все, что угодно.

Банки (их было 320) заполнили все пустоты. Впоследствии, что бы нам ни приходилось искать, мы непременно наткнулись на эти банки.

Мы торопились закончить укладку багажа, чтобы хоть раз выйти в море. Очень важно было увидеть, как “Джу” сидит в воде. Надо было ликвидировать возможный крен. И самое главное — узнать, как она будет вести себя под парусами. Кроме штатного снаряжения спасательной лодки — грота и стакселя общей площадью 17 квадратных метров, — мы хотели поднять двойные стаксели, чтобы “поймать” пассат. Нам много раз доводилось читать, что двойные стаксели — улада всякого мореплавателя-одиночки...

Шитьем парусов занялся боцман морского клуба. Но он только испортил превосходный дакрон, и нам пришлось отказаться от его услуг. В конце kohliob паруса сшил известный яхтсмен Рафаил Овчаров.

“Джу” становилась все более надежным судном. Специалисты усилили крепление румпеля. На вершине мачты установили только что привезенный из Софии радиолокационный отражатель. Его сделал Сергей Куприянов, с которым Дончо познакомился во время одной научной конференции. Сергей пообещал изготовить для “Джу” радиолокационный отражатель, чтобы нас засекали идущие мимо корабли. Он не только выполнил свое обещание, но и приехал собственноручно установить свое детище.

Провожая нас, Сергей сказал:

— Знаете, я совсем не боюсь за вас. Что-то подсказывает мне, что у вас все будет отлично.

Потом мы вспоминали эти слова в самые трудные минуты.

Даю бесплатные советы по оснащению экспедиции

Я комплектовала багаж по спискам. Пронумеровав все мешки, я составила списки их содержимого — один экземпляр списка я клала в соответствующий мешок, другой оставался в моем блокноте.

Первый мешок. Предметы туалета

1. Пенофикс — 30 тюбиков (единственное, что пенится в морской воде. С его помощью мы мылись и стирали).
2. Зубная паста “Мери” — 20 тюбиков (осталось еще на пять таких путешествий).
3. Жидкость для полоскания рта.
4. Сосновый вазелин — 5 тюбиков.
5. Крем для бритья — 2 тюбика.
6. Шампунь (не понадобился).
7. Мыло (не пригодилось).
8. Вата — 10 пакетов (оказалось мало).
9. Зеркало.
10. Кисточка для бритья.
11. Крем для лица — 6 тюбиков.
12. Зубные щетки — 4 штуки.
13. Белый кувшинчик — в нем 2 губки и термометр.
14. Пергидроль.
15. Две бритвы.

Второй мешок. Пожитки Дончо

1. Грелка.
2. Штормовой костюм.

3. Белый парадный костюм (не пригодился).
4. Новый синий свитер.
5. Старый синий свитер.
6. Синяя пижама.

Никак не могу отучить его от синего. Он и машину красит в синий цвет. Стоит ему увидеть что-нибудь синее, как он сразу же лезет в карман за бумажником.

7. Носовые платки.
8. Бежевый свитер.
9. Синие брюки.
10. Коричневые шорты.
11. Оранжевые плавки.
12. Синие плавки.
13. Синяя рубашка.

14. Тельняшка.
15. Носки.
16. Трусы (конечно, синие).
17. Белые шапочки — 12 шт.
18. Белая майка.
19. Синяя майка.
20. Еще одна синяя майка.
21. Махровая синяя майка.
22. Старые ботинки.

Третий мешок. Кухня

1. Две эмалированные миски.
2. Полулитровая мензурка, внутри 6 ножей.
3. Две маленькие кастрюльки (разумеется, синие.)
4. Никелированная сковорода (никуда не годится).
5. Зеленый пластмассовый черпак.
6. Большая алюминиевая кастрюля, внутри зубочистки, прищепки для белья (необходимейшая вещь).
7. Кастрюлька для приготовления кофе, внутри мельница для черного перца.
8. Ситечко.
9. Две щетки для мытья бутылок.
10. Роскошный фарфоровый чайник.
11. Воронка для керосина.
12. Две льняные скатерти (роскошь).
13. Две синие тарелки с парусниками.
14. Две деревянные тарелки.
15. Алюминиевая кружка.
16. Мышеловка (идея Дончо).

Четвертый мешок. Юлия

1. Белая ночная рубашка с вышивкой (?!).
2. Белые хлопчатобумажные сорочки.
3. Бежевая шерстяная блузка.
4. Красная шерстяная блузка.
5. Две хлопчатобумажные тенниски.
6. Белый хлопчатобумажный пуловер.
7. Белый парадный костюм (мне он тоже не пригодился).
8. Грелка.
9. Штормовой костюм.
10. Пять белых шапочек.
11. Кожаный костюм.
12. Три малых полотенца.
13. Большое махровое полотенце.
14. Новые джинсы.
15. Старые джинсы.
16. Клетчатая юбка.
17. Пакет с простынями и наволочками.
18. Купальники — несколько.
19. Пять пар кожаных перчаток.
20. Белый халат.
21. Туфли.

На будущее будем знать: нужно больше обуви и хотя бы одну пару сапог. И ни в коем случае не брать такую прорву одежды.

Пятый мешок. Безымянный

1. 45 банок вареной телятины по двести граммов в каждой (через две недели испортились).
2. 5 банок томат-пасты.

Шестой мешок. Питье

1. Абрикосовый компот — 15 банок.
2. Растворимый кофе (нельзя, как выяснилось, пить в жару).
3. Чай — 2 коробки (мало).

Седьмой мешок

10 кг сухарей (осталось 2,5 кг).

Восьмой мешок. Деликатесы

1. Чищенные грецкие орехи — 1 кг.
2. Лесные орехи — 1 кг.
3. Сушеные яблоки — 0,5 кг.
4. Сушеные абрикосы — 1 кг.
5. Чернослив — 2 кг.
6. Оливковое масло — 0,2 кг.
7. Черный перец — 4 пакетика.

Девятый мешок. Книги

Гоголь, Достоевский, Чосер, Томас Манн, Шолохов, Бальзак, Морис Дрюои, Генрих Сенкевич, Булгаков...

“Психология летчика” Кирилла Златарева, “Школа яхтмена”. “Мореходная астрономия”, “Парусный спорт”, “Морская лодия”, “Навигация”, “Альманах Брауна — 1974”. Гора карт.

Десятый мешок. Резина

1. Три резиновые подушки.
2. Ласты — 2 пары.
3. Маски и трубки.
4. Две резиновые шапочки.
5. Матрацы резиновые — 3 шт.

Одиннадцатый мешок. Мягкое

1. Спальные мешки — 2 шт.
2. Куртки — 4 шт.
3. Две маленькие пуховые подушечки.

Двенадцатый мешок. Кухонная техника

1. Чешская газовая плитка.
2. Четыре баллона с пропан-бутаном.
3. Запасная газовая плитка (польская).
4. Два баллона для польской плитки.

Тринадцатый мешок

Керосиновый примус с ручным поршнем и запасные иглы для него.

Четырнадцатый мешок. Разное

1. Циритокс — снадобье от насекомых.
2. Четыре пузырька с глицерином.
3. Два больших спичечных коробка.
4. Фонарь-прожектор.
5. Фонарики — 10 шт.
6. Очки — 7 пар.
7. Клей — несколько типов.
8. Две катушки клейкой ленты.
9. Бинокль.
10. Туристский нож в ножнах.
11. Опреснитель морской воды (емкость 3 л).
12. Фитиль.
13. Рулетка.
14. Десять пар брезентовых рукавиц.

Дончо составил список обязательного оборудования лодки из 40 пунктов: здесь были паруса, инструменты, керосиновые лампы и т. п. Наш багаж весит около полутора тонн.

Друзья из Океанографического института изготовили сети для планктона. Когда за три дня до объявленного отплытия мы перевозили багаж из гостиницы на шлюпку, я повесила эти сети сзади на багажнике в качестве эмблемы, и они развевались, привлекая к нам всеобщее внимание.

Все последние дни нас засыпали письмами и телеграммами. Знакомые и незнакомые желали нам счастливого пути, сообщали какие-то адреса на Кубе, вызывались сопровождать нас...

Наконец сборы подходят к концу. Мы объявляем, что корабль “Басил Априлов”, который доставит в Гибралтар “Джу”, нас с Дончо и съемочную группу телевидения, отплывает 26 апреля.

26 апреля

Идет сильный дождь. Возле лодки суетятся с полсотни человек. Снова град наставлений и советов. Мы отвечаем сдержанным ворчанием. На шлюпке кипит работа: одни нивелируют компас, другие ставят антенну. Эта антенна представляет собой примечательное явление — она из толстой медной проволоки, к тому же снабжена фарфоровыми изоляторами “высокого напряжения”. Это чудовище необходимо поднять на мачту и укрепить растяжками, что не составило бы никакой проблемы, если бы у нас не было парусов. А теперь придется выбирать: грот или антенна. Ясно, что мы расстанемся с ней при первом серьезном испытании. Но сейчас мы готовы взвалить на борт все, что угодно.

В разгар суматохи кто-то протискивается к “Джу” и скороговоркой произносит: “Отплываем через полчаса!” В этот момент распределение сил следующее: по городу носятся несколько друзей в поисках лампочек для фонарика, кто-то побегал за только что отпечатанными (как выяснилось,

неправильно) визитными карточками. В гостинице сидит целая армия родственников, которым до особого приглашения запрещено показываться возле лодки. А самое главное — Дончо отправился на склад за эпоксидной смолой (латать шлюпку на случай пробоины!).

В первое мгновение все остолбенели, но уже через секунду бросились врассыпную: кто за посланными в типографию, кто за родственниками в гостиницу. Я побежала к машине, чтобы ехать за Дончо. Но в последний момент столкнулась с ним на трапе. Дончо возвращался со склада с рулоном брезента и туго набитым мешком. Бросив все это в шлюпку, он пошел ставить печать на каких-то документах.

За несколько минут до отплытия все собрались на причале. Дождь припустил еще сильнее, и с высокого борта нам было видно целое море зонтов. Последние поручения: привезти зубы акулы. Советы мне: быть внимательной на Кубе, так как кубинки, по слухам, очень красивы.

Ревет гудок. Причал быстро уходит от нас, тонет за пеленой дождя. Едва мы добрались до нашей каюты, Дончо бросился на койку и уснул так, что его не могли потревожить завывающие в поднявшемся тумане гудки корабельных сирен.

А я не могу сомкнуть глаз. События всех последних дней роятся в голове, и я то и дело принимаюсь ходить из угла в угол каюты.

Семь безмятежных дней

Дончо спит по 14 часов в день. Откуда у него это спокойствие? Ведет себя так, словно экспедиция уже позади. Я же едва могу заснуть на 3—4 часа, остальное время слоняюсь по всему кораблю. Два года у нас не было такой бездны свободного времени.

Единственное, что омрачает мои дни, это количество снаряжения. Каждое утро я прежде всего бегу посмотреть на лодку, и всякий раз мне кажется, что наш багаж еще увеличился за ночь. Возвращаюсь с одним и тем же вопросом: “Дончо, куда мы денем эту прорву вещей?” Он отводит глаза. А что ему еще остается, этому Плюшкину? Если ему подарят фикус, он и его возьмет в лодку. Наверное, испанский королевский двор не возил за собой такого количества барахла, когда переезжал из Мадрида в Эскуриал. Ничто не может поколебать железного принципа Дончо. Он утверждает, что единственный способ ничего не забыть — брать все, что попадет под руку.

Несколько раз я поднималась на мостик, и второй помощник показывал мне различные способы определения своего местонахождения. Я наносила курс на картах, измеряла высоту солнца, расспрашивала своего наставника обо всем на свете. Когда я похвасталась мужу приобретенными познаниями, Дончо заметил, что я буду первой женщиной в Софии, знающей свое место.

Иногда я заглядывала в радиорубку, чтобы потренироваться в морзянке. Рационалист Дончо делил время между сном и едой. К слову сказать, кормили нас так, будто нас ожидал многомесячный голод.

Все дни погода стояла сносная, временами даже показывалось солнце. Но за два дня до прихода в Гибралтар разыгрался десятибалльный шторм, и огромные волны начали заливать корму и перехлестывать через “Джу”. Всю ночь мы выскакивали посмотреть на шлюпку — она невозмутимо покоилась на своем месте. Утром мы еще раз осмотрели тросы и совсем успокоились. Но едва мы отошли к трапу, как огромная волна накрыла палубу, подхватила “Джу” и протащила ее несколько метров. Я невольно закричала. Сбежались люди, поднялась суматоха. Через несколько минут шлюпку закрепили доброй дюжиной тросов.

Этой ночью Дончо впервые не спал. Вставал проверить лодку по крайней мере раз пятнадцать. Но теперь провидение и тросы хранили “Джу”.

3 мая в середине дня мы увидели Гибралтар. Таможня, паспорта, формальности. Пока мы разбирались с портовыми властями, время стоянки “В. Априлова” истекло.

Теперь в качестве провожающих были мы. Корабль незаметно отделяется от пирса, мы неистово машем на прощание. Крики: “Счастливого плавания!”, “Увидимся на Кубе!”

Не увидели обезьян Гибралтара

Гибралтар, который очень красив и внушителен с моря, оказался тесным городишком, жители коего, кажется, только и заняты тем, что гоняют в своих машинах по кругу. Если стоять на месте, одна и та же машина промелькнет мимо вас три раза за десять минут...

Приятные, сердечные люди, гордые тем, что Гибралтар является стартовой площадкой для всех путешествующих через Атлантику.

Мы пришвартовались рядом с посудиною студента Франсуа, на которой он курсирует во время каникул между Гибралтаром и Танжером. Он так и не объяснил толком цель этих рейсов. По мнению Дончо, он перевозил гашиш и белых рабынь. Франсуа очень нравятся путешественники вроде нас. “Но переплывать океан на таком корыте и питаться этим?” — он кивает на украшающую рубку надпись “PLANKTON III” и пожимает плечами.

Укладываемся спать, но долго не можем заснуть — все кажется необычным, даже сам воздух пахнет морем, портом и еще чем-то экзотическим. Кругом слышатся приглушенные голоса на всех языках.

Едва светает, а Дончо уже на ногах. Похоже, он отказался от “пассажирского” режима.

Большинство соседей еще спят, но на некоторых яхтах уже варят кофе. Маленькие дети в ночных рубашках и пижамках бегают по палубам. На одном старом французском суденышке есть даже манеж из рыболовной сети. Видимо, кто-то из его обитателей только-только начинает ходить.

Первым делом мы должны приобрести водонепроницаемые костюмы. Затем нужно найти карту Гибралтарского пролива и пройти последний осмотр у доктора Пенчева, который должен вот-вот прибыть в Гибралтар. На главной улице, Майн-стрит, находим все, что нам нуж-

но. Набиваем сумку разными мелочами: зубной пастой (может быть, окажется вкуснее нашей), тропическим мылом (которое отказывается пениться в морской воде), лекарством от морской болезни, кремом и т. п.

К вечеру появляется доктор Пенчев. Последние анализы крови, мочи, обмена веществ. Заполняем тесты. Прощальный ужин в китайском ресторане при свечах.

И только одного мы не успеваем: увидеть известных всему свету обезьян Гибралтара.

Если бы не телевидение

После долгих расспросов и обсуждений того, когда нам лучше всего отправляться, чтобы поймать самое удобное течение, выясняется, что наиболее подходящее время — 3 часа ночи.

Но ведь с нами группа Болгарского телевидения, которая должна заснять отплытие! А ночью темно даже в таком чудесном месте, как Гибралтар. Чего не сделаешь ради славы — решаем отправляться на следующий день в 11 часов.

И вот этот день наступил. 8 мая 1974 года. Последние объятия. Все мы чувствуем себя несколько скованными. Никто не знает, что сказать. Снимают не только наши, но и их коллеги из Гибралтарского телевидения.

Телевизионщики садятся в катер, чтобы проводить нас немного, а мы забираемся в нашу вызывающе оранжевую шлюпку, которая станет нашим домом бог весть на сколько месяцев. Четверть часа спустя катер поворачивает обратно.

Выкрикивают последние напутствия, но ни слова нельзя разобрать за треском мотора.

* БМФ — Болгарский Морской Флот. (Примеч. пер.)

Глава III ГИБРАЛТАР-ЛАС-ПАЛЬМАС

8 МАЯ, ДОНЧО

Остаемся одни

Одни!

Наконец-то одни!

Теперь мы покажем, на что мы способны.

До сих пор были суета и слова, слова, слова. И вот пришло время действовать. Я чувствую себя прекрасно — как спортсмен, хорошо подготовленный и уверенный в своем успехе.

Ничего, что мы впервые остаемся сегодня наедине с "Джу". Ничего, что мы еще не испытали ее как следует — ведь никто из жертв кораблекрушений не испытывает спасательные лодки заранее.

Катер становится все меньше, и вот его уже едва можно различить на фоне берега. Вдруг появляются несколько акул. Жаль, что они немного опоздали, и София не увидит на своих экранах единоборства "Джу" с океанскими хищниками.

Ветер стихает. Я завел двигатель, и под его треск мы входим в Гибралтарский пролив. Расстелили на банке только что купленную карту и определяем маршрут: Гибралтар — Тарифа — Танжер — Эспартель. Сначала пойдём вдоль европейского берега до Тарифы, затем пересечем Пролив (так его называют англичане) напротив Танжера. Потом вдоль африканского берега до мыса Эспартель. Это конец Пролива, отсюда начинается Атлантический океан.

Но покамест мы все еще плывем по Средиземному морю. Оно неправдоподобно синее — как на плохих открытках. Вдали видна Африка. Я настроен романтически и несколько не удивлюсь, если сейчас появится Карфагенская флотилия.

Точного плана действий у нас нет. Он будет определяться ветром и течением, которое каждые шесть часов меняет свое направление. Скорость, развиваемая нашим двигателем, меньше скорости течения. Когда начнется прилив (а вместе с ним и встречное течение), мы, по-видимому, бросим якорь и переждем шесть часов, пока не придет попутное течение. Будем идти только под парусом.

Спрашиваю себя: "Есть еще какие-нибудь заботы?" Ни единой! Меня ничто не волнует. Вероятно, я устал и перенервничал. Юлия молчит. О чем она думает? Может быть, она тоже чувствует себя опустошенной?

Между Африкой и Европой

Слава богу, в Проливе не так уж много кораблей. По-моему, гораздо опаснее ехать на велосипеде по Софии, чем пересекать Пролив между Африкой и Европой.

Однако хватит предаваться размышлениям. За работу!

Пробуем огни на топе. Горят. Керосиновый фонарь? Тоже в порядке. Да и что с ним может случиться! Подготавливаем якорь и якорную цепь. Еще взгляд на карту. Убираю на место циркуль и линейку. Все!

Двигатель тарыхтит. Голова начинает гудеть от него. Он работает уже полтора часа. Проверяю, не нагрелся ли. Ого! Стоп! Двигатель с воздушным охлаждением и в теплую погоду быстро нагревается. Он норвежского производства и явно рассчитан на Ледовитый океан. Конечно, он может проработать еще часок, но будет преступлением запороть его в самом начале.

Кроме того, мы ведь и не торопимся.

Уже!

Уже не торопимся!

Как хорошо это звучит!

Надо привыкнуть к этой мысли. Не куда-то не торопимся, а вообще не торопимся! Со мной это случается > только в море. В Софии крутишься как белка в колесе/ и постоянно находишь себе новые дела, а здесь ты ничего не решаешь — ты всецело зависишь от случайных факторов: от ветра, от волн, от течения. И ты никак не можешь на них повлиять. Можешь бороться с ними, но не можешь изменить их...

Ура, ветер! Притом восточный. Попутный. Поднимаем грот, затем стаксель — и полный вперед! Лаг показывает полтора узла. Плюс три — скорость течения. Превосходно!

К обеду ветер усиливается. Скорость увеличивается до трех, затем до четырех узлов. Дует восточный средиземноморский ветер. Тот, который вытолкнет нас прямо в океан.

— Хорошо начинаем, Юлия!

Скала Гибралтара давно исчезла из виду.

Странно, но я ни с кем и ни с чем мысленно не прощаюсь. Никаких щемящих душу воспоминаний или мрачных предчувствий. Мне легко и весело. Смотрю на лаг — четыре с половиной узла.

Ветер все крепчает.

Нас атакуют акулы. Ведут себя прямо-таки вызывающе.

Волнение небольшое, и пока не похоже, чтобы оно усиливалось. “Джу” идет отлично. Румпель легок, и остается надеяться, что у нас не будет проблем с парусами.

На фордевинде и бакштаге ход оказался ниже моих ожиданий. Жаль — до самой Кубы будем идти на этих курсах.

Ветер еще усиливается. Волны ударяют в борт, но пока не заливают нас. Опускаем стаксель. На одном гроте делаем четыре узла! Bravo! Оставляем за кормой милю за милей.

Ветер не подвел

Если дела пойдут так и дальше, то к закату мы увидим знаменитую Тарифу и сделаем поворот, чтобы пересечь Пролив. Именно между Тарифой и Танжером находятся водовороты. Их описывали еще в древности. Они указаны на всех картах. Мне рассказывали о них немало ужасов, и мое сердце сжимается от предчувствий.

Вот и Тарифа. Обычный приморский городок. Зажигаем сигнальные огни и поворачиваем. Течение уже изменило свое направление, но при таком ветре нам все нипочем.

Курс на Африку. Прямо против нас мигают огни Танжера. У меня такое чувство, что я когда-то уже переплывал Пролив. Мы сменяем друг друга на румпеле через пять часов. До сих пор ничего интересного, ничего из ряда вон выходящего. Очень крепкий ветер, прекрасный ход — чего же еще?!

Ход выше всяких ожиданий. Я раздумал бросать якорь.

На нашем плане показаны старые испанские и английские крепости по берегам. Крестиками обозначены затонувшие корабли. Их достаточно много, и у меня нет никакого желания войти знаком “+” в карты и справочники.

Водоворот? Ведь я видел, что прямо по курсу беспорядочно пенятся барашки! Вот она, неопытность. К тому же я слишком увлекся картой...

По правде сказать, эти знаменитые водовороты не так уж страшны. Немного беспорядочной качки и соленых брызг. Я представлял себе нечто гораздо более грозное.

Вспоминаю водовороты на реке Струме. Этой весной в большую воду мы с несколькими друзьями создали новый вид спорта — проплыли в ластах и мотоциклетных шлемах через пороги и водовороты. Один водоворот закрутил меня и несколько минут колотил о камни. Я едва выбрался на берег и потом целую неделю еле волочил ноги.

По сравнению с нашими гибралтарские водовороты просто пустяк. Даже такая скорлупа, как “Джу”, проходит их, не зачерпнув и стакана воды.

Стемнело. Там и сям огни кораблей. И совсем близко — огни Танжера.

Впервые видим океан

Когда мы подошли к Танжеру, течение было встречным. Ветер ослабел (африканский берег явно подветренный), и мы застряли против входа в порт.

Почти не движемся. Начинаем нормальные пятичасовые вахты. Юлия первая. В 12 часов ночи она ляжет спать.

Первая ночь на “Джу” в открытых водах. Видимость идеальная. Небо усыпано звездами. Мои мысли об океане. Как он выглядит? Какова волна? Все утверждают, что океанские волны большие и пологие, как холмы. И гораздо менее опасны, чем черноморские. А течение? Нам не приходилось подолгу бороться с течением. Справимся ли? Достаточно ли для океана моих скромных познаний в навигации?

Юлия, судя по всему, не задается этими вопросами и спит, как младенец. Течение слабеет и постепенно меняет свое направление. Мы снова несемся при полных парусах — гроте и стакселе — в сторону Эспартеля. Я уже вижу маяк и держу курс прямо на него.

В 1 час 30 минут мы проходим в полусотне метров от мыса, на котором высится маяк, и вступаем в Атлантический океан.

Я решил не будить Юлию ради этого торжественного и долгожданного мига. Ей гораздо важнее как следует отдохнуть. Океан мы будем наблюдать еще около трех месяцев.

Впереди у нас 4400 миль до Сантьяго-де-Куба. Если учесть неизбежные отклонения и снос из-за ветра на юг, то получится гораздо больше.

Отмечаю вступление в океан глотком виски и сигаретой.

Ветер свежий. Волна средняя. Лучшая погода для плавания под парусом. Океан явно решил очаровать меня. Думается только о хорошем. Я почему-то уверен в успехе.

Несмотря на то, что уже поздно что-либо поправить, начинаю упорно вспоминать, какие из пожитков мы забыли во время подготовки, и, к великой своей радости, ничего не могу припомнить. Нелишне заметить здесь, что мы строго придерживались списка обязательного снаряжения спасательной лодки, регламентированного конвенцией СОЛАС-60. Сверх него мы захватили секстант, транзистор и хронометр, что, надеюсь, успеет взять с собой и всякая догадливая жертва кораблекрушения.

8 МАЯ, ЮЛИЯ

Вкус соли

Сажу на носу и думаю о Яне. Ей был месяц, когда мы втроем отправились на одно из первых собеседований о будущей экспедиции. Яну повсюду возили в коробке из-под сигарет.

Мы оставили ее в машине, попросив лежать смирно и не плакать, так как это очень важно для исхода дела. Когда мы вернулись, она безмятежно смотрела на нас своими огромными глазами и улыбалась.

Милая Яна. И на твои плечики легла доля хлопот по экспедиции. Сколько раз ты терпеливо дожидалась нас в своей коробке перед подъездами разных учреждений!

Впервые с такой остротой осознаю, что мне будет очень тяжело без нее. Плохо расклеиваться в самом начале. Никакой радости и облегчения от того, что мы наконец-то в море.

Не смею взглянуть в глаза Дончо. Он занят чем-то своим, мурлычет под нос какую-то песенку, время от времени вопрошает: "Юлия, это, кажется, Тарифа?", "Как ты думаешь, водовороты очень большие?" Правда, это в основном риторические вопросы...

Послеобеденные часы тянутся медленно. Пытаюсь не думать о Яне, но безуспешно. Знаю, что пора включаться в режим, чем-то заняться, но ничего не могу с собой поделывать. Меня не интересует ни то, где мы находимся, ни то, куда и с какой скоростью идем. Но сажусь на румпель.

Ветер взялся за нас всерьез. Наша оранжевая шлюпка рвется вперед. Чувствую на губах первые соленые брызги. Вместе с ними приходит и успокоение. В голове уже не стучит неотвязное: "Яна! Яна!"

— Водоворот! — кричит Дончо.

Кругом кипят пенные барашки. Но это не так уж внушительно. На лице Дончо написано разочарование.

Сумерки сгущаются, и мы зажигаем фонарь. Наши пожитки в полном беспорядке. Кое-как отыскиваю сухари и флягу с водой. Грызём сухари, поглядывая друг на друга, и вдруг беспричинно начинаем хохотать.

Надеваю свитер и непромокаемую куртку. Встаю на свою первую вахту. Мы еще не знаем, что пятичасовая вахта — это непосильное испытание.

Кажется, мне удастся ни о чем не думать. Слушаю шипение воды у борта и поскрипывание снастей в темноте. Провожая глазами проплывающие мимо огни кораблей.

9 МАЯ, ДОНЧО

Медузы, акулы, черепахи

Ночь прошла спокойно. Мы ожидали, что переход Пролива будет гораздо тяжелее, но "Джу" показала себя с наилучшей стороны. Только теперь, после первого серьезного экзамена, мы поверили в нее. Наше жилище несется по волнам во всем своем оранжевом великолепии. Должно быть, со стороны мы выглядим довольно странно: оранжевая лодка, оранжевые паруса, длинные соломенно-желтые волосы Юлии и желтые куртки, надетые на нас обоих.

Идем довольно далеко от берега. Мой план таков: день-два держаться берега, а затем, пройдя таким образом с полсотни миль, взять прямой курс на Лас-Пальмас. К сожалению, океан здесь кишит судами.

Африканский берег полностью соответствует моим школьным представлениям о нем — огромные песчаные дюны и никакой растительности. Неожиданно появляется белый город с причудливыми укреплениями. Он напоминает мне именинный торт.

Ветер слабеет. Мы едва движемся. Боюсь, что начинается штиль. Небо совершенно ясное. Теплынь. Океан кишит мириадами медуз. Появляются акулы. Впервые видим морскую черепаху. Я читал, что из нее получается прекрасный суп, но нам не дано его попробовать. Деликатесы не входят в наше меню, и по программе мы будем получать белки только с планктоном или консервами. Кричу:

— Юлия, это черепаха!

— Ты думаешь, что я приняла ее за кашалота?

Решаем завтра забросить сети для планктона. А сегодня займемся скарбом и отдыхем. На шлюпке всегда найдется работа, но мы не станем слишком усердствовать. Впереди еще много недель.

Юлия спокойна. Беззаботно смеется и подставляет лицо соленому ветру. Говорим совсем немного.

День проходит в борьбе с мешками. Мечтаю поскорее оторваться от берега и остаться наедине с океаном. Ветер совсем утих. "Джу" едва тащится. Если это пассат, то не представляю, как мы пройдем 4400 миль.

9 МАЯ, ЮЛИЯ

В три руки

Начало океана я, конечно, проспала. Когда я открыла глаза, меня ослепил блеск солнца на поверхности океана. Вижу, что Дончо хочет спать, но он тем не менее весело улыбается мне.

Берусь за румпель, а Дончо тотчас же засыпает во всех надетых за ночь куртках, свитерах и водонепроницаемых штанах.

Надо бы найти зубную щетку и согреть воду для чая. Но где там. Если бы мне предстояло перебраться папирус за папирусом всю Александрийскую библиотеку, я и тогда не думала бы столько времени, с чего начать. Впереди под палубой набросаны несколько мешков, контейнер с пленкой и батареями, ракеты, рулон карт, аптечки, кусок брезента, поплавки, ящик с надписью "Разное", паруса... На сундуках постелены матрасы и спальные мешки. (Кстати, мы даже пользуемся простынями.) Возле двери рубки висит, так, чтобы можно было взять в темноте, одежда для вахты. В сундуках еще какие-то мешки, вода, сухари, полцентнера книг и коробки с разными сокровищами. На корме, под пайолами, — банки, веревки, инструменты. И куда бы вы ни сунулись, обязательно споткнетесь о восьмидесятиметровый якорный канат, оживший сразу же после погрузки на борт. И кроме всего этого, есть еще четыре ведра, свободно мечущихся по всей шлюпке, и бидончик с маслом (с его помощью мы будем умирять волны). Я перечислила далеко не все предметы, которые делают жизнь на борту полной риска...

Прежде всего необходимо распаковать и толком распределить содержимое "главных" 14 мешков. Едва Дончо просыпается, как я нагружаю его работой. Он трудится честно, даже вспотел. Через час в лодке становится немного просторней. Но ясно, что за од^н день со всем не справишься. Ведь мы работаем в три руки. Один из нас (большой частью я) держит руку на ру^{ль}-пеле, а свободной рукой больше размахивает и дает указания.

Вспоминаю, как мы отправлялись в прошлый раз через Черное море. Измученные советами, прогнозами, проволочками, вопросами. До последнего момента мы не были уверены, состоится ли вообще это отплытие.

— Категорически запрещаем! — сказали нам в инспекции судоходства. — На этой лодке не разрешается удаляться от берега более чем на три мили.

— Но она называется спасательной. Если корабль затонет в 300 милях от берега? Что будут делать потерпевшие — дожидаться разрешения или спастись?

— Вот когда потерпите кораблекрушение, тогда...

К счастью, есть кое-кто и повыше инспекции. Беготня, уговоры, подписи, клятвы сделали свое дело. Но когда мы наконец отплыли, нам два дня не верилось, что нас не повернут обратно.

Теперь, кажется, некому преследовать нас — судоинспекция осталась за двумя морями. Уверенности в себе придает не только это. Главное то, что мы уже не те, что два года назад. За плечами у нас опыт борьбы с бушующим морем, с холодом, с отчаянием...

Верю, что выполним задуманное. Знаю, что Дончо всегда будет реагировать как надо. И если со мной что-нибудь случится, он не впадет в проstration, а будет действовать. И я не ошибусь и не буду уваливать от работы.

Мы верим друг другу во всех мелочах. Каждый знает другого как самого себя. Если я выроню что-то, Дончо поймает это на лету. Если Дончо крикнет с носа: "Моя шапка!" — я схвачу ее, когда она будет проплывать мимо кормы.

10 МАЯ, ДОНЧО

Океанская волна не такая уж полая

Ветер унес вчерашнюю идиллию. Всю ночь мы мечемся среди огромных волн. Шлюпка то взбирается на водяную гору, то стремительно катится в пропасть. Уже на третий день плавания лопнул миф о гладких и округлых, как холмы, волнах. Пологие и безопасные — нечто курортное, не правда ли? Интересно, кто первый сочинил эту сказочку?

Шторм захватил нас около 2 часов ночи, когда на вахте был я. В течение какого-то часа океан словно взбесился, и волны начали заливать лодку. Первая из них испугала меня. Она неслышно подкралась, как тать, и перемахнула через борт.

Насос оказался совсем слабым. Я крикнул Юлию, и она тут же высунулась из рубки. Говорит, что ей все равно не спится. Шлюпка стонет под ударами волн, ведра жалобно дребезжат, перекачиваясь с носа на корму. Хватаю одно из них и принимаюсь вычерпывать воду. Юлия сидит на румпеле.

Так проходит ночь. С рассветом не становится легче. Иногда я бросаюсь на матрац и несколько минут лежу как убитый в надежде хоть немного отдохнуть.

Заставляем себя не смотреть на гнущуюся мачту и не думать о волнах. Они превосходят все, что я до сих пор видел. Юлия утверждает то же самое.

Ветер усиливается. Мы давно плывем под одним гротом. Идем на фордевинде. Это самый трудный курс, и надо постоянно следить за углом паруса. Если какая-нибудь волна отклонит нас и "Джу" сменит галс, то рейка паруса порвет ванты. Тогда мачте конец. Это один из классических способов устроить кораблекрушение. К тому же у нас нет балластного киля, а это сильно уменьшает остойчивость лодки.

Целый день перед глазами волны, парус, компас и ведро. Как мы продержимся эту ночь? Надо отдохнуть.

10 МАЯ, ЮЛИЯ

Между двумя волнами

Океан расшвирился. Вокруг все клопочет. Выделяются только острые гребни волн. Валы идут один за одним и осыпают шлюпку соленым дождем.

Неумолчный рев океана действует на меня угнетающе. Это не наше "домашнее" море, от которого ты всегда знаешь, чего ожидать. Это какая-то дикая, темная стихия, безразличная ко всему на свете.

Дончо зовет на помощь. Видно, крепко ему достается. Киваю ему и начинаю одеваться. Сначала натягиваю джинсы, затем лыжные брюки, а потом еще штаны из ярко-желтой водонепроницаемой материи. Поверх блузки — свитер, пуловер, пуховую куртку, ярко-желтую куртку от штормового костюма. Затягиваюсь тяжелым кожаным поясом, соединенным при помощи карабина и троса с кольцом на рубке. Нарядившись таким образом, становишься более неуклюжим, чем средневековый рыцарь.

Пояс, конечно, страшает от опасности исчезнуть за бортом, но сильно затрудняет работу с парусами. И как это ни рискованно, приходится иногда снимать его.

С другой стороны, хорошо, что на нас столько тряпья. Даже если вода попадает за шиворот, одежда сохраняет тепло, как компресс. Раздевание занимает у меня около десяти минут, а Дончо ухитряется спать прямо в мокрой одежде и валится где попало. Но в последнее время и я не снимаю свой панцирь. Не знаю, сколько мы уже не спим. Кажется, я засыпаю между ударами двух волн. Судорожно сжимая румпель, силюсь держать глаза открытыми. Непрерывно всматриваюсь в компас, так как нигде не видно ни единой звезды. Бесчисленные стада облаков обложили небо и, судя по всему, никуда не торопятся.

11 МАЯ, ДОНЧО

Подхватываю морскую болезнь

Я совершенно раздавлен. Боль в мышцах, резь в глазах от недосыпания, и вот в довершение этого изумительного букета > морская болезнь. Свинцовая тяжесть в голове и в желудке. Хорошо еще, что меня не тошнит.

Шторм все крепчает. Нас беспрерывно заливают. Совершенно механически вычерпываю воду, часто теряю равновесие. Как правило, ударяюсь плечом о какую-нибудь из банок. Не очень больно.

К семи часам я понял, что силы мои на исходе. Мне почудилось на минуту, что волнение стихает, и я расслабился. Я сказал себе: что бы ни произошло, я не пошевельюсь. И тут же меня окатило водой. Я остался спокоен. Минуту спустя другая волна перехлестнула через борт. "Джу" начала крениться. Временами борт почти уравнивался с поверхностью океана. Еще немного, и шлюпка начнет черпать воду... Ну и пусть! Будь что будет!

Юлия смотрела на меня округлившимися глазами и молчала. Ее силы тоже подошли к концу. Я не чувствовал ничего, кроме полного безразличия ко всему на свете.

Еще немного, и мы перевернемся. Стоит волне покрупнее... И ты будешь лежать?! Проклятое животное!

Внезапно я вскакиваю на ноги и начинаю лихорадочно вычерпывать воду. Что это было со мной? Слабость? Безволие? Страх? Нет времени выяснять. Юлия молчит. Под глазами у нее мешки. Ничем не могу помочь ей. Ей надо поспать, но, если она ляжет, лодка останется без управления. А я занят ведром. Только иногда я на несколько минут сменяю ее у румпеля, и это для нее единственная возможность собраться с силами.

Действуем как автоматы. Все время молчим. Да и о чем говорить?

Волны одолевают

По-моему, они становятся все огромнее. Накатываются сзади, справа, слева. Ветер срывает их гребни и рассеивает водяную пыль. Это хорошо смотрится в кино, но здесь я предпочел бы менее патетическую картину. Никаких признаков, что эта свистопляска когда-нибудь кончится.

Волны продолжают заливать "Джу". К сожалению, они быстрее нас, и нам не удастся убежать от них. Единственное, что нам остается, — это следить за углом, под которым корма встречает волну. Пока нам удастся противостоять шторму, но надолго ли нас хватит?

А если волна обрушится на нас сбоку? В таких-то случаях и происходит оверкиль — переворачивание по продольной оси судна. До сих пор я думал, что это весьма маловероятно, но сейчас, среди этих кошмарных волн, мне все кажется возможным. В последние годы часто приходится слышать и читать, что та или иная яхта совершила оверкиль — это стало чуть ли не модой и звучит почти героически. Мне это кажется немного подозрительным: не нагоняют ли на нас страху путешественники, описывающие свои злоключения на море? Буду надеяться, что мы не угодим в число переживших это бедствие. Яхте гораздо легче выйти из подобной ситуации, так как, во-первых, она герметически закрыта, а во-вторых, у нее есть киль, который вернет ее в нормальное положение. Для "Джу" переворачивание кончилось бы плачевно. Так что единственный выход для нас быть начеку. Надо следить за каждой волной, реагировать на любой приступ шторма.

А мы становимся все более вялыми и безразличными. Ловлю себя на самых idiotских ошибках. Юлия держится. Ни разу не пожаловалась и со всем справляется. Она выглядит все более изможденной, и при взгляде на нее мое сердце сжимается.

Мои мысли замыкаются на нескольких вещах: ветер, волны, вода в шлюпке, парус, компас. Не ощущаю никакого пафоса борьбы со стихией. Наоборот, все более отрешаюсь от взглядов и привычек прежней жизни. Теперь для меня существуют только простые и точно определенные цели: выдержать, сберечь "Джу".

Ни прошлое, ни будущее не волнуют меня. Сегодня этот час, эта минута, эта волна — вот чем заняты мои помыслы. Я даже не смотрю на часы. Когда мне удастся сбросить безразличие, я повторяю себе простую истину: "Мы столько держались. Неужели же сейчас сдадимся?"

И начинаю верить — все будет хорошо.

12 МАЯ, ДОНЧО

Хочется горячего чая

Бесперывный шторм. Мы голодные и холодные. Три дня уже не передевались. Вся одежда насквозь сырая, но нет смысла ее менять. За полчаса снова промокнешь до нитки.

По лодке плавают мешки и всякая всячина. Боюсь, что при сильном крене что-нибудь выпадет за борт. Представляю себе крик: "Мешок за бортом!" — и мне становится весело. Даже если вообразить, что в этом мешке могут оказаться вещи или карты.

Удивляюсь, как мы еще не простудились на этом ветру и холоде. Даже насморка нет.

Сколько я уже не сплю? Недосыпание медленно и методично добивает нас. Моя знаменитая реакция, по-видимому, исчезает. Уповаю на то, что нам повезет наткнуться на какой-нибудь остров, желательно обитаемый. Уж тогда-то мы отоспимся!

Время от времени грызем сухари — вот и весь наш рацион. Мечтаю о горячем чае, но газовая плитка запропастилась неведомо куда, а искать ее в этом содоме просто немыслимо. Пусть океан хоть немного успокоится — тогда все поставим на свои места. И о чае подумаем.

Да, мы ведь до сих пор не попробовали океанский планктон. Смотрю на сети — они тоже ожидают спокойной погоды. Как бы не потерять их во время шторма. Надо сказать Юлии, чтобы прибрала.

Но тут же забываю про сети и снова принимаюсь вычерпывать воду.

Работаем как невольники. Почти не разговариваем. Силы обоих на исходе, и нет никакой возможности помочь друг другу. На "Джу" хватит работы для пятерых, а нам приходится делать все вдвоем.

Не промахнемся ли мимо Лас-Пальмаса?

Ничего уже не хочется — ни есть, ни пить. Только спать. Состояние все более вялое. Держусь только потому, что знаю: это не может длиться вечно и в конце концов мы придем в Лас-Пальмас.

— Ну а если мы промахнемся?

Нет, лучше не думать об этом. У меня достаточно проблем с этим корытом, которое то и дело захлестывают волны. Мы стараемся делать все как полагается. Я почти не отрываюсь от компаса, и голова у меня гудит от лихорадочных расчетов. Столько-то часов на юг, столько-то часов на запад, скорость шлюпки, скорость дрейфа, скорость течения. Точно держать курс в шторм на парусной лодке без секстанта, без ориентиров на берегу — это тяжелая задача. Но мы справимся. Должны справиться.

На берегу я был самым отъявленным пессимистом. При подготовке экспедиции и при оборудовании лодки я принимал в расчет только самые тяжелые условия.

По природе я оптимист, но при организации экспедиции ожидал, что океан явит нам свой самый суровый лик. Ну а теперь, теперь я снова оптимист, хотя чертовски хочется спать!

13 МАЯ, ДОНЧО Корабли-страшилища

Снова адская ночь. Та же картина перед глазами: пенящиеся во тьме гребни волн, залитая водой шлюпка, согнутая фигурка Юлии на румпеле. Ведро, парус, компас. Ловлю себя на том, что то и дело ухитряюсь задремать на миг и сразу же вскакиваю. Юлия говорит, что часто засыпает между двух волн. Франц Ромер делал так же, и это сильно выручало его. В голове все время вертится: микропауза, микропауза... Я начинаю беспричинно злиться из-за этого невесть откуда взявшегося словечка. Мои мысли перекидываются на все эти новообразования с "микро". Семью ведь тоже называют микроколлективом или микрогруппой. Двое любят друг друга, а их именуют микрогруппой! Нет, определенно есть что-то обидное для человеческого достоинства в этой "микропаузе"...

Аккумуляторы вышли из строя, и сигнальный огонь на топе не горит. С трудом зажигаем керосиновый фонарь и закрепляем его на крыше рубки, на высоте одного метра над водой. Свет слабый, и маловероятно, чтобы можно было его заметить среди этих гигантских волн.

А ведь мы плывем самой оживленной морской трассой на свете. Здесь пересекаются пути из арабских стран, из Японии, США, Южной Америки. Каждую ночь видим десятки кораблей. Когда они проходят совсем близко, я чувствую, как спина моя холодеет, и не только потому, что на мне все мокрое.

Я знаю, что на корабле обязательно кто-то дежурит и что, как только нас заметят, капитан проведет судно на безопасном расстоянии. Но наш огонек совсем крохотный, а волны такие большие.

Любой встречный корабль — испытание для нервов, любой обгоняющий — угроза. Самое неприятное то, что ты бессилен что-либо предпринять и полностью зависишь от остроты чьего-то зрения.

Если нас рассечет какой-нибудь из огромных танкеров, никто ничего не почувствует. Мы попадем в громадный список пропавших без вести.

Когда судно подходит ближе, чем на два кабельтова, мы зажигаем электрические фонарики и освещаем парус. В темноте вспыхивает огромное оранжевое пятно, которое, конечно, трудно не заметить.

Парусники пользуются преимуществом при маневрах. Это звучит успокаивающе, но тем не менее число яхт, раздавленных кораблями, все растет. При этом самое обидное то, что большое судно порой даже не замечает маленькую скорлупку, а ее пассажиры числятся бесследно пропавшими неведомо где.

Днем кажется, что кораблей гораздо меньше, ночью же огни рассыпаны по океану целыми пригоршнями. При свете дня разойтись с другим судном совсем просто, и мы спокойны. Ночью все кажется неизмеримо сложнее. Говорят еще, что здесь часты туманы. Надеюсь, нам не придется познакомиться с ними.

Этой ночью мы разошлись в опасной близости с пятью страшилищами.

Светящийся планктон

Я давно не смотрел в зеркало, но представляю, что за образину я в нем увижу. Уже несколько дней не бреюсь. Щетина на подбородке слиплась от соли, и я чувствую себя необычайно грязным. У меня совсем нет намерения отпустить бороду. Я не делал этого и з прежние экспедиции. Не стану отпускать хотя бы из-за того, что все мореплаватели-одиночки до меня были с бородами. Скорей бы побриться.

Океан выглядит по-прежнему. Чаек не видно. Нет акул, нет дельфинов. Бушующая пустыня. Ума не приложу, куда могли попрятаться чайки.

Океан взбаламучен так, что в воде ничего не видно. Изредка во мгле угадываются какие-то фосфоресцирующие существа, имеющие вид огромного позвоночника, излучающего зеленый призрачный свет. Планктон тоже фосфоресцирует. Припоминаю, что мы намеревались его есть. Подождем, пока спадет волнение. Планктон верный признак того, что мы входим в богатые воды и что Канарские острова не так уж далеко.

13 МАЯ, ЮЛИЯ

Видят ли нас с кораблей?

Когда корабль приближается, я начинаю гадать о его пассажирах. Кто они? Куда плывут? Чем заняты в эту минуту? Но, похоже, мне не хватает фантазии или же я не умею вжиться в образ — как только судно приблизится, я совершенно цепенею от страха и все остальное вылетает у меня из головы. О каких бы светлых вещах я ни пыталась думать в эту минуту, я всем своим существом ощущаю угрозу, исходящую от надвигающегося корабля.

Самые дерзкие — рыболовные суда. Они идут прямо на нас до последнего момента и сворачивают только тогда, когда вы уже приготовились к неизбежному.

Некоторые даже дают круг, чтобы понять, что это за светлячок, который то мелькнет над водой, то исчезнет среди волн. В эти минуты я чувствую, что сердце стучит в висках, в животе, в кончиках пальцев. Напряжение таково, что я не могу вымолвить ни слова.

Да и что тут можно сказать?

14 МАЯ, ДОНЧО

Вести дневник — это мука

Руки у Юлии разбухли и побелели, как у прачки, они в мозолях от шкота, в синяках и ссадинах. Никогда бы не поверил, что ее артистичные руки могут так загрузеть за какие-то пять дней.

И души наши, кажется, загрузели. Говорим о самом необходимом, хрипло и отрывисто.

Насилу заставляю себя пожевать сухарь. Ни о каком режиме питания говорить, конечно, не приходится. Аппетита нет совершенно. Желудок мой не принимает ничего, кроме воды.

Как-то мы открыли банку мясных консервов, но з тот момент, когда Юлия поставила ее на ящик, неизвестно откуда взявшаяся волна смыла консервы на дно шлюпки. Я долго шарил в воде в надежде поймать кусок мяса, но из этой затеи ничего не вышло. Мы не приготовили сразу вторую банку, а снова распаковывать мешок было выше наших сил. И обед пришлось отложить до лучших времен.

Глаза у меня воспалены. Веки опухли. Все тело чешется из-за этого многодневного мокрого компресса. В следующий раз захвачу скребок для лошадей. Сквозь этот скафандр невозможно хорошенько почесаться.

По-прежнему идем на одном гроте. Скорость около четырех узлов. Конечно, со стакселем ход был бы еще лучше, но береженого бог бережет.

Никак не получается вести обстоятельный дневник. С усилием записываю первое, что придет в голову. Нет времени для исследований. Надо отвечать на тесты, но я не могу бросить ради них румпель или ведро. Примемся за них, как только океан успокоится. После первого же сна.

Будет ли кому-нибудь интересно читать этот дневник? Может быть, надо что-то присочинить для завлекательности? Обязательно спрошу об этом у знатоков жанра...

15 МАЯ, ДОНЧО

Только холода нам и не хватало

Пошла вторая неделя плавания. Лаг методично отсчитывает пройденные мили. До Лас-Пальмаса их остается около 250. а до первого из Канарских островов около сотни. Мысль об этом примиряет меня с жизнью.

Продолжаем двигаться только по компасу. Не сводим с него глаз, чтобы не сбиться с курса. В течение целой недели мы не видим берега. Облака, подсвеченные огнями Касабланки, были последним приветом с суши. От самого Пролива я не определял широту и долготу точными методами. Небо постоянно в облаках, и я не могу воспользоваться секстантом. Изредка в разрыве туч блеснет звезда или солнечный лучик, но тут же вновь пропадает. Правильно ли я веду "Джу"? Этот вопрос не дает мне покоя. Промаяхнуться мимо Лас-Пальмаса было бы для нас позором.

Ничего нового, если не считать внезапного похолодания, из-за которого наша жизнь стала совсем невыносимой. И это при всепроникающей сырости. Водонепроницаемые костюмы всем хороши, но вода постоянно заливается за шиворот. Этого можно было бы избежать, подняв капюшон. Но в таком случае, поворачиваясь назад, вместо набегавшей волны увидишь подкладку капюшона. Ведь он обладает удивительным свойством сохранять неподвижность, как бы ты ни вертел головой.

Парус держится прекрасно. Никаких повреждений. Я все больше верю в “Джу”. Не могу представить себе лучшего решения открытой бескилевой лодки. И самое главное — она устойчива. А ведь в нее бьют такие волны! Хорошо и то, что я послушался добрых советов и поставил по двое вант с каждого борта. Теперь я почти спокоен за мачту.

Вода беспрерывно заливает двигатель, хотя я и прикрыл его нейлоном. Сегодня заведу его. Это нужно делать ежедневно, чтобы он не вышел из строя. Необходимо заводить его хотя бы на десять минут в день.

Соленые очки

Юлия споткнулась и сильно ударилась головой о борт. Проклятая погода! Я скрежещу зубами оттого, что не в силах облегчить страдания моей девочки. Ее прекрасные пышные волосы слиплись от морской воды и висят сосульками. Кожа на лице обветрилась и воспалилась.

От волн и брызг на щеках у нас осаждается соль. Я то и дело утираюсь рукавом, снимая соль целыми слоями. Но больше всего меня раздражает соль на очках. Поминутно протираю их, но они постоянно вновь мутнеют. Это неразрешимая проблема.

Мы оба очкарики. Многим морякам кажется странным, что мы решаемся выходить в море с “неполноценными” глазами. Перед черноморской экспедицией нам пришлось долго уговаривать глазного врача, чтобы он дал свое разрешение.

Вчера, разбираясь с вещами на корме, я выпустил румпель. И едва успел увернуться от удара! Но при этом я разбил свои любимые очки. Утешает меня лишь то, что в запасе у меня еще четыре пары.

На румпеле нужно быть внимательнее. Стоит немного расслабиться, и он может вывихнуть кисть руки или сильно ударить. А травма сейчас может создать невероятные трудности.

Вспоминаю штормы, которые мне приходилось наблюдать на Черноморском побережье. С детских лет я люблю смотреть на бушующее море. А как выглядит с берега бурный океан? Ведь мы еще не ступали на океанский берег! Только теперь вспоминаю об этом.

Плыть по океану, ни разу не побывав на его берегу!

15 МАЯ, ЮЛИЯ

Попытка обеда

Не знаю, почему морская болезнь является обычным поводом для шуток. На нее изливают свое остроумие писатели и авторы путевых дневников. В большинстве “морских” книг обязательно есть какой-нибудь злополучный человечек, который ко всему еще и болеет морской болезнью. А она, между прочим, выбирает себе в жертвы не только узкогрудых клерков.

Во время прошлой экспедиции у меня два дня кружилась голова при полном штиле. А теперь в этой качке я ничего не чувствую. Видимо, отпущенную нам дозу морской болезни принял на себя Дончо. У него совершенно зеленое лицо, к тому же он ничего не ест. И все время молчит. Впервые вижу своего капитана таким мрачным. Чтобы он за весь день не сказал ничего смешного?!

Я попыталась вызвать у Дончо аппетит, чтобы он хоть немного подкрепился. Для этого, усадив его к румпелю, я занялась сервировкой “стола”. Постелила на банку льняную скатерть, поставила на нее распланную парусниками тарелку, кружку, положила вилку, и “стол” радостно засиял среди свинцового океана.

После нескольких минут жонглирования посудой и консервами я церемонно кивнула на приготовленный прибор и пригласила Дончо. Но в тот же миг что-то огромное грубо толкнуло меня в спину, и, прежде чем я успела опомниться, волна бросила меня к противоположному борту.

Так мне и не удалось покормить Дончо.

16 МАЯ, ДОНЧО

Беспричинно озлобляюсь

Все время задаю себе вопрос: “Выдержим ли? Не перевернется ли лодка при маневре или при более высокой волне?”

Самое важное для яхтсмена во время шторма — это реакция. А она-то у нас и притупилась в последние дни. Мы стали такими неуклюжими, что теперь проблемой становится завязать простой узел. Мне все время хочется лечь. Любое лишнее движение мне ненавистно. Когда Юлия просит меня подать ей что-нибудь, я злюсь. Знаю, что это плохо, но ничего на могу с собой поделать. И вообще постоянно злюсь без всякой причины. Любая мелочь кажется мне роковой. Раздражает поставленное не на свое место ведро, брошенная веревка. Не узнаю себя! Если я поддамся этому настроению, жизнь станет совершенно невыносимой. Мы увязнем в беспрерывных пререканиях. Нужно держаться! Стоит только распуститься, и начнутся выматывающие душу скандалы. Впереди еще столько дней, нелепо проводить их во взаимной вражде. Плохо, что в тяжелые моменты становишься мелочным и готовым к распре.

Ясно, почему так происходит: хочется переложить тяжесть на кого-то, найти козла отпущения. Но я до сих пор, кажется, ничем не проявил свое дурное настроение и надеюсь выдержать до конца. Не вечна же эта буря. Будет солнце и над нашей шлюпкой. Юлия не для того здесь, чтобы я срывал на ней свое дурное настроение.

Я много раз замечал, что хуже всего люди держат себя со своими близкими. Бывает, что уравновешенный на первый взгляд человек постоянно затевает домашние ссоры. Не думаю, что можно разрядиться, отравив жизнь близким.

Происхождение ругани

Юлия для меня поддержка не только в физическом смысле. Хотя само собой разумеется, что в одиночку при таком длительном шторме не выдержать — волны давно залили бы лодку. Главное в другом — не будь Юлии, я давно махнул бы на все рукой и повалился на матрац...

Она безропотно переносит усталость и неизвестность. Однажды я заметил, что Юлия рассматривает фотографию Яны. По щекам ее струились слезы. Я сделал вид, что ничего не видел. Словно раскаленная игла уколола меня в сердце.

Я часто представляю себе нашу девятимесячную дочурку. Вспоминаю ее улыбающиеся черные глазенки, пухленькие ручки. Бедная Яна — тебе не повезло с родителями. Эти сумасброды потащились за тридевять земель только для того, чтобы нажить мозоли и синяки.

Когда усталость начинает брать верх, я обываю себя лентяем, лежебокой, белоручкой и кое-чем похуже. Это самопоношение действует ободряюще. Интересно, если бы меня теми же словами обругал кто-нибудь другой, имело бы это тот же эффект?

Теперь я начинаю понимать, как возникла матросская брань. Сама тяжкая жизнь создала хрестоматийный тип боцмана, сыплющего проклятиями.

Но Юлию мне ругать не за что. Она и так выкладывается до конца. Использую противоположную тактику— только хвалю. Но и в этом стараюсь быть умеренным. Юлия стала такой же подозрительной, как и я сам.

16 МАЯ, ЮЛИЯ

Спать можно и на румпеле

С этим кошмаром нельзя свикнуться. Грохот волн таков, что в рубке едва услышишь зов другого. И все вокруг издает какие-то звуки. Мачта вздыхает. В ящиках гремят банки. Ванты гудят. Что-то скрипит, поминутно чавкает и крикает.

Но я приноковилась спать “пунктиром” — по полминуты. Голова начинает медленно клониться, но, как только подбородок коснется груди, я вскидываюсь и с минуту смотрю перед собой взглядом негибаемого морского волка. Потом все начинается снова.

Тряпичники

Сегодня я допустила большую ошибку. Я достала зеркало. Если бы я выглядела так в момент знакомства с Дончо, наши отношения вряд ли стали бы особенно

близкими. Теперь-то мы не испытываем резких эмоций при взгляде друг на друга. Нам не до этого.

Когда я распаковала один из мешков, меня поразило обилие старого тряпья. Никогда не предполагала, что у нас так много старой одежды — такой, которую уже никогда не надеваешь, но жалеешь выбросить, так как она еще прочная. Первые дыры появились только в океане — то и дело цепляемся за какие-то углы. Я вытащила лоскут брезента для заплаток, но отложила работу до более спокойного времени.

Интересно, почему я здесь ощутила такую привязанность к старым тряпкам? В Софии с трудом заставляю себя пришить пуговицу, а здесь готова часами штопать какие-то ветхие штаны.

17 МАЯ, ДОНЧО

Привязанные

Нас качает. Мы словно пьяные. У меня чувство, что мы теряем человеческий облик. Никаких мыслей. Нас все сильнее охватывает тупое равнодушие. Кроме управления лодкой, ничто нас не волнует.

Никаких признаков того, что погода улучшится. Что ж, и до нас люди попадали в шторм и преодолевали его. Хуже то, что у нас есть определенная цель — надо выйти к Лас-Пальмасу. Не прошу себе, если это не удастся нам.

Немало действует на нервы то, что нужно постоянно быть привязанным к рубке. Пояс затрудняет движения, но снять его значило бы легкомысленно рисковать собой. Этим можно было бы пренебречь, если бы я был один, но теперь я отвечаю и за Юлию. Все время слежу за ней, особенно ночью. Лодка так кренится, что легко можно вывалиться за борт. Опаснее всего, когда приводишь в порядок паруса на носу. Не идут из головы слова Марена Мари: “В путь выходят двое, а возвращается один”.

Об этом надо думать на берегу, а не здесь! Так можно дойти до сумасшествия.

Трос, которым я привязан к рубке, часто запутывается. Когда я занимаюсь парусом, я привязываюсь накоротко к рим-болтам возле мачты. С кормы постоянно свисает конец, чтобы упавшему было за что схватиться.

С возможностью оказаться за бортом самому как-то свыкаешься. Но представить себе, что другой... Не хочу даже думать!

Не ожидал выкрутасов от копилки

Другая забота — наш компас. Это обычный морской компас в пластмассовом корпусе, закрепленный при помощи винтов на банке. Он освещается маленькой керосиновой копилкой, которая по необъяснимым причинам отказывается гореть. Чтобы в копилку поступало больше кислорода, я вырезал ножом дополнительные отверстия, но это не дало желаемого эффекта. Странно, что я не могу справиться с таким элементарным прибором. Остается предположить, что у нас некачественный керосин. Я действительно не испробовал его в деле на берегу. В который раз убеждаюсь, что необходимо сомневаться во всем и все проверять. Приходится вырабатывать в себе привычку обращать внимание на вещи, о которых в голову не придет заботиться на суше. Такая мнительность — залог успеха.

Ночью надо тысячу раз проверить курс, и я тысячу раз вытаскиваю электрический фонарик, чтобы осветить компас. При этом приходится укрывать фонарик — три из десяти уже испортились от морской воды. Эти лишние движения утомляют сильнее всего. Никогда больше не отправлюсь без компаса с подсветкой. На этот раз мы не взяли его с собой, так как он не входит в комплект снаряжения спасательных лодок. К следующей экспедиции сделаю компас с встроенным электрическим освещением. Разумеется, для страховки возьму и керосиновую копилку — если говорить начистоту, самыми надежными остаются простые, проверенные вековой практикой устройства. Наша копилка — редчайшее исключение.

Ко всему, компас закреплен несколько дальше обычного, и, чтобы посмотреть на него, приходится все время по-черепашьи вытягивать шею. Слава богу, что в компасе нечему ломаться. Его стрелка зависит только от магнитных полюсов, а на них не влияют мелкие ворчуньи.

Вчера я скруглил напильником ребра этого злополучного компаса. Мы все время падали на него, и большая часть наших синяков появилась по его вине. Теперь, если у меня будет свободное время, я стану спиливать все возможные углы. Я решил сделать “Джу.” снаружи и изнутри округлой, как яйцо.

Видим все больше судов. Но среди них совсем нет яхт. Очевидно, их владельцы не настолько свихнулись, чтобы выходить в океан во время такого шторма.

Если мы выйдем точно к Лас-Пальмасу, а потом к Сантьяго-де-Куба, это докажет, что человек не только может пересечь океан с помощью самого массового спасательного средства, но и направить шлюпку, куда пожелает. Опыт такого рода придаст, я думаю, смелости потенциальным жертвам кораблекрушения *. Если их судно затонет, они в худшем случае должны будут переплыть пол-океана.

Когда я начинал говорить об этом в Софии, Юлия отмахивалась от меня, говоря, что я Смотрю на всех, как на будущих жертв морских катастроф. Теперь она больше не повторяет этого.

18 МАЯ ДОНЧО

Это Алегранца?

Рано утром Юлия закричала:

— Остров! Острова!..

В предрассветном сумраке я различил далекие очертания островов по левому борту. Один более крупный и несколько меньших. Острова я вижу впервые. Насколько велики они? Далеко ли до них?

— Это Алегранца, первый из Канарских островов, — говорит Юлия.

Она словно в лихорадке. Оттого, что ей удалось первой увидеть острова, ее распирает гордость. Она считает их чуть ли не своей собственностью.

Это нам награда за недельные мучения, за миллионы ведер выплеснутой за борт воды. Мы идем точно и удивительно быстро. Быстрее, чем можно было предположить. Быстрее, чем все яхты, о которых я читал.

Спрятаться в каком-нибудь заливе и переждать шторм? Отдых для нас сейчас важнее всего. Но если ветер будет дуть с прежней силой, мы можем пройти оставшийся путь за 35—40 часов. Это не так мало, особенно для нас, изможденных недосыпанием. Ну а эксперимент? А заявление о том, что мы остановимся на пути только один раз — в Лас-Пальмаса?

Будем идти вперед!

Юлия кивает, хотя на лице ее и не видно радости.

Открываем лоцию посмотреть, как выглядят острова Алегранца, Монтана Клара, Фуэртевентура.. Неясные очертания, которые мы видим наяву, похожи на изображения в лоции, но в чем-то и отличаются. Кроме того, на рисунке их больше. Конечно, мы не обязательно видим острова под тем же углом, под которым они изображены в лоции, но сомнение уже закралось в наши души. Нахожу острова Салвагем, единственные, которые могут нам встретиться, кроме Канарских. Они тоже похожи на эти проклятые скалы!

Салвагем — это безлюдные скалистые острова. Они лежат в стороне от океанских путей и от нашей славной цели. Мрачнюю. От Салвагем нам никак не попасть в Лас-Пальмас. Наша лодка идет только по ветру. Если мы уткнулись в эти необитаемые скалы, то не избежать нам насмешек и иронических замечаний в Болгарии. Недоброжелатели будут утверждать, что наша удача в Черном море была случайной и что нельзя полагаться на один компас в большом путешествии.

— Черт побери, Алегранца это или Салвагем?!

Опять изменил себе и попусту начал ругаться. Лихорадочно листаю лоцию. Считаю острова и скалы, смотрю на их изображения и теряю всякую уверенность. Юлия тоже колеблется.

— Надо дойти до них. Если там есть люди или оттуда видны более крупные острова, тогда это могут быть только Канарские острова.

Идем прямо на скалы. Занявшись с картами и лоцией, выпускаю румпель. Шлюпка тотчас же становится бортом к волне. И я снова берусь за ведро.

Приближаемся. Никаких признаков жизни.

Уже полтора часа до рези в глазах вглядываемся в острова и строим разные предположения.

— Ну а если это Мадейра? — осторожно спрашивает Юлия и вздыхает так, словно сбросила с себя неимоверную тяжесть.

— Исключено! Туда нас мог бы забросить только сам дьявол!

Но сомнение уже посеяно. Снова копаемся в лоции и в картах. Острова похожи и на Мадейру!

— Все! Хватит! Если мы достанем лоцию Британских островов, то убедим себя, что эти скалы похожи и на них. Будем считать, что это Алегранца.

Я тысячу раз учел все курсы, повороты и смены галса и не обнаружил никаких ошибок. Течение, конечно, может обмануть нас, но ненамного. Исключено, чтобы мы двигались скорее, чем показывает лаг.

Очертания островов делаются отчетливее, и нам становится ясно, что здесь нет признаков жизни. Нет и маяка.

Даю совет проектировщикам маяков

Мне кажется, что я вижу еще какую-то землю. Она угадывается едва-едва. Может быть, это облако? Нет, это Канарские острова! Вот маяк на Алегранце. Его установили почему-то на берегу, возле самой воды, а не на горе. Если бы я отвечал за строительство маяков, я ставил бы их на самых высоких местах, огромные, как колокольни, для успокоения примитивных мореплавателей, которые находятся в условиях, близких к кораблекрушению.

— Если ветер не ослабеет, то через 30 часов мы будем в Лае-Пальмаса. Здесь полно маяков — и на Лансароте, и на Фуэртевентуре. Никак не собьешься с курса.

Юлия устало кивает.

Все это действительно замечательно, но в такой шторм лучше держаться подальше от берегов. Боюсь, если что-нибудь случится с мачтой, течение может выбросить нас к подножию одного из этих прекрасных, как храмы, маяков.

Итак, вперед, к острову Гран-Канария, на котором находится Лас-Пальмас! И подальше от берегов.

Усталость навалилась с новой силой. Страшно хочется спать. Возбуждение нескольких последних часов, когда я бился над проблемой «Алегранца — Салвагем», сменилось апатией. Лучше бы мы не узнавали этих островов до самого Лас-Пальмаса.

Восьмой день длится этот проклятый шторм. Восьмой день нечеловеческого напряжения. Мы уже не чувствуем никакого страха перед стихией и лениво провожаем взглядом очередную водяную гору, надвигающуюся на шлюпку.

За шесть часов сна я готов отдать половину нашего снаряжения. Говорят, что, перетрудившись, трудно заснуть, но я что-то сомневаюсь в этом.

Улыбаюсь жене — мы все-таки выдержим. И будем спать беспробудным сном целые сутки!

18 МАЯ, ЮЛИЯ Остаюсь за штурмана

Какое облегчение! Мы увидели Канарские острова.

Мы столько времени не спали, что я потеряла чувство реальности. Голова моя как в тумане, я тут же забываю все, что с нами случилось час назад. За все эти дни (сколько их?) помню только, что мы хотели спать, убрали и поднимали паруса, привязывались тросами, черпали ведрами воду. И все время следили за волнами.

Этот компресс, который я не снимала уже несколько дней, все время меняет свое состояние: мокрый, полувлажный, почти сухой, мокрый...

Этой ночью мы решили хотя бы немного поспать и меняться на вахте каждые два часа. После стольких дней борьбы с океаном мы научились вовремя изменять курс и подставлять набегающей волне корму. Нас стало меньше заливать, и появилась возможность иногда передохнуть на несколько минут. Но, для того чтобы уходить от волн в течение двух часов, надо быть поистине виртуозным штурманом.

И все-таки мы решили попробовать. Дончо уговаривал меня идти в рубку, но я настояла на том, чтобы бросить жребий. Первым выпало спать Дончо, и он, недовольно бурча, растянулся на матрасе.

Я дала себе слово поднять его только в самом крайнем случае. Не знаю, что я имела в виду под «самым крайним случаем», но мое решение было твердым.

Первые полчаса мне удавалось более или менее благополучно увертываться от волн, но потом вода в шлюпке быстро начала прибывать. Внезапно я почувствовала резкое головокружение. Одновременно с этим к однообразному грохоту океана стали примешиваться какие-то звуки; я с удивлением разобрала медный голос трубы. Затем добавились еще инструменты. Звучала искаженная «Литургическая симфония» Онегера. Но почему здесь? В это время блеснул маяк острова Фуэртевентура — я знала, что это должен был быть именно он.

На всякий случай я достала из ящика карту и фонарик. Продолжая сжимать одной рукой румпель, я развернула на коленях карту. Так: свет белый, мелькающий, интервал четыре секунды. Я засекала время на секундомере... Он! Фуэртевентура.

На минуту я совсем забыла про волны. Зато они не забыли про «Джу». В следующее мгновение волна накрыла меня и чуть было не вырвала из руки карту.

Когда я опомнилась, Дончо выбирался из рубки. Вода лила с него ручьем.

— Теперь иди спать ты, — мрачно сказал он.

Я хотела рассказать ему про «Литургическую симфонию», но почему-то раздумала...

19 МАЯ, ДОНЧО

Останавливаются только советские корабли

Мы примерно в сорока пяти милях от Гран-Канарии.

Впервые за восемь дней я проспал целый час подряд. Даже этого было достаточно, чтобы почувствовать себя увереннее. Меня уже не качает, и даже в желудке не так крутит, как прежде.

Жажду окончания шторма, чтобы войти в нормальный ритм: вахта, сон, обед, вахта... Чтобы насладиться наконец путешествием!

Мне кажется, что волнение спало, хотя ветер дует с той же силой. Возможно, это влияние островов.

Теперь можно подвести предварительные итоги. За эти дни я ослабел гораздо сильнее, чем мог предполагать. Да еще нелепая морская болезнь! В Черном море я был в лучшей форме. Правда, тогда не было такого долгого шторма. Не представляю, что с нами будет, если по пути на Кубу этот ад продлится недели три.

Юлия невероятно вынослива. До сих пор не слышал от нее ни слова жалобы. Охает только из-за синяков и чирьев. Заявляет, что в таком виде ни за что не покажется на пляже в Лас-Пальмасе.

Какой-то корабль идет точно на нас.

Советский!

Сбавляют ход и машут нам. Это первый, который останавливается. А до него мы видели сотни кораблей.

Проходит совсем близко. Кричу в мегафон:

— Здравствуйте! Все в порядке. Мы болгарская экспедиция "Планктон III". Передайте в Варну, радио LZW, что у нас все в норме.

Хочу сказать еще что-нибудь, но мы уже расходимся. Уверен, что сообщение будет передано. Мне кажется, что они знали о нас, так как не задали никаких вопросов. О нашем эксперименте предупреждены все суда и 30 международных организаций. Тем не менее до сих пор за три экспедиции устанавливаем контакт только с советскими кораблями. Не случайно русские моряки и честны как самые отзывчивые в мире. Они всегда предлагают нам помощь. К счастью, до сих пор мы не нуждались в ней. В суматохе я забываю спросить о наших точных координатах и попросить сообщить в Лас-Пальмас о прибытии "Джу". Снова мы явимся без предупреждения. Ко всему прочему, мы прибываем на неделю раньше, чем планировалось.

Планктон так и не попробовали

Подняли грот и стаксель на гике. Идем на полной скорости. Стаксель с гиком использую впервые — хочется поскорее добраться до берега, и я иду на риск. Волны бьют со всех сторон. Наверное, мне показалось, что волнение стихает. Продолжаем вычерпывать воду. Между прочим, днем нас захлестывает гораздо меньше. Видимо, в темноте мы не всегда выбираем наилучший угол между кормой и направлением волны.

Есть по-прежнему не хочется. Просто смешно, что за одиннадцать дней я ни разу не почувствовал голода, хотя не брал в рот ничего, кроме сухарей. Я. должно быть, здорово похудел. Юлия хоть немного подкреплялась консервами и сухофруктами. Но и у нее щеки ввалились и обострились скулы.

Сеть для планктона мы еще не забрасывали. При такой скорости это исключено. Для того чтобы спокойно срыбачить, надо убрать грот и идти на одном стакселе. Я, признаться, не очень-то и переживаю из-за планктона. Если судить по вкусу океанской рыбы, которую продают в наших магазинах, то здешний планктон будет хуже черноморского. Во всяком случае, рыба не идет с черноморской ни в какое сравнение. Наша рыба не имеет себе равных...

Транзистор поймал Лас-Пальмас. Передают музыку и рекламу. Мы уже узнали названия самых важных магазинов и имена их хозяев.

С помощью ферритовой антенны нашего ВЭФ-206 определяем направление на Лас-Пальмас. На средних волнах это можно сделать лишь приблизительно, но по радиомаякам, передающим сигналы на длинных волнах, можно поддерживать достаточно точный курс. Многие моряки будут, конечно, шокированы таким примитивным способом определять курс, но ведь мы и не претендуем на звание настоящих мореплавателей. Мы всего лишь жертвы кораблекрушения.

Гран-Канария может появиться в любой момент. Волнуюсь — если мы пройдем в сторону от Лас-Пальма-са, то при таком ветре не сможем вернуться назад даже с помощью двигателя.

Как выглядит порт? Из лодки я узнаю, что мыс перед ним называется Ла Ислита, что его профиль "характерный", что самый большой мол носит громкое имя "Генералиссимус Франко".

К пяти часам я заметил туманные очертания суши прямо по курсу. Ла Ислита? Больше тут ничего нельзя ожидать. Но перед нами всего лишь какая-то маленькая скала. В этом районе не должно быть скал. Меня снова грызут сомнения: не отбросило ли нас течение в сторону? Очень важно ясно увидеть очертания Гран-Канарии. А если мы заметим большой город, это может быть только Лас-Пальмас. Я бы все отдал за то, чтобы прибыть на четыре-пять часов позже. По крайней мере, по световому пятну на облаках мы поняли бы, где находится город. Я уже не говорю о маяках. Вспоминаем до боли в глазах. Обыкновенная скала.

Не повезло нам с погодой. Горы Гран-Канарии поднимаются почти на 2 тысячи метров и в ясную погоду видны с огромного расстояния.

Постепенно вырисовываются очертания пустынного берега западнее скалы. Для проверки принимаю скалу, которую мы видим, за Ла Ислиту и определяю на карте наше положение по отношению к мысу. Очертания берега на карте почти совпадают с контуром суши, открывающейся перед нами. У нас две возможности — обойти скалу слева или справа. Выбирать надо сейчас. Но моим расчетам, Лас-Пальмас находится слева, и мы поворачиваем левее. Волны начинают ударяться о борт и заливают нас. Снова вычерпываем ведро за ведром. Наконец-то наступают сумерки, и прямо перед нами загораются огни. Позднее проступают очертания домов, и под конец вырисовывается нечто вроде "Генералиссимуса Франко". И наконец мы видим маяк у входа в порт и портальные краны.

Первый этап закончился. Прошло одиннадцать с половиной суток с момента выхода из Гибралтара. Отличное время. Не худо и для самых быстрых яхт.

Наши силы на исходе. Но мы улыбаемся. Скоро спать. А кроме того, Лас-Пальмас, по слухам, полон всяких чудес.

Входим в пору. Совсем темно. А нам еще необходимо отыскать "Наутико клуб". Там мы бросим якорь. Во всяком случае, так договаривался наш друг Святослав Колев. Южная часть залива полна яхт. На берегу в той стороне громоздятся какие-то сооружения. Направляемся туда. Оказывается, что именно это и есть знаменитый "Наутико клуб". Везение! Сегодня хороший день.

Швартуемся. Как из-под земли вырастает Августино — первый увиденный нами житель Канарских островов. Черный, низкорослый, улыбающийся. - Привадо, привадо! Но, но!

Не разрешается — буи частные. Это мы поняли. Затем началось долгое объяснение между людьми, не понимающими языка друг друга. Наконец в минуту озарения я понимаю, что “анкла” значит “якорь”. Я хлопнул себя по лбу и кинулся за якорем. Четыре раза я бросал его и четыре раза слышал: “Но, но!” Все время оказывалось что-нибудь неладно: если подует северный ветер, мы протараним яхту донна Аурелиано; если подует с юга, пострадает герр Мюллер из Гамбурга. Остальные яхты — потенциальные жертвы “Джу” — имели скандинавские флаги. В конце концов все же находим безопасное место, Августино успокаивается и предлагает перевезти нас на своей лодке на берег. Он здешний сторож и работает всю ночь. Нам достаточно свистнуть, чтобы Августино вернул нас на “Джу”. Все это он объяснил с помощью мимики: встал по стойке смирно — как часовой на посту, потом посмотрел на часы, показал десять пальцев (что значило десять утра) и, запихнув два из них в рот, по-разбойничьи свистнул.

Мы радостно закивали в знак согласия. Только нет той силы, которая заставила бы нас вернуться сегодня на лодку. Мы снимем номер в самом роскошном отеле и выкупаемся в горячей пресной воде!

- Но сначала поедим. Я голоден как волк.

Когда мы ступаем на берег, земля начинает качаться под ногами. Но постепенно она успокаивается. Перед моими глазами возникает тарелка с дымящимся... Это нелепо, но я мечтаю всего-навсего о шкембе-чорба... **

** Шкембе - ч о р б а — суп из рубцов. (Примеч. пер.)

* В 1973 году на морях и океанах плавали 59606 кораблей В течение 1963—1973 годов по разным причинам затонуло 2800 судов, (Примеч. авт.)

Глава IV ОТДЫХ

18 МАЯ, ЮЛИЯ

Болгарская чета

Мы идем по длинной безлюдной улице. Ноги подкашиваются, нас слегка покачивает из стороны в сторону, и порой кажется, что земля встает нам навстречу. Пройдя метров сто, обнаруживаем ресторанчик. Быстро, будто нас кто подгоняет, съедаем по паре бутербродов, проглатываем кофе, и... все, этого довольно, аппетита нет.

Мы так устали, что другая вожденная мысль не Дает нам покоя, мысль о гостинице. Я тормошу Дончо, Даю ему преждевременные советы относительно ночлега. В ответ слышу: “Сначала идем к дежурному полицейскому. Надо заявить властям о нашем прибытии...” Видно, и на суше придется повиноваться Дончо — покорно семеню за ним.

Так начались ночные поиски ответственных чиновников порта Лас-Пальмас. “Не знаем”. “Не слышали”. Находились “доброжелатели”, отправлявшие нас с одного причала на другой. А между причалами расстояние не менее километра.

Несмотря на позднее время, порт оживлен. Погрузка и разгрузка продолжаются, слышатся сигналы, команды на разных языках. Откуда-то доносится музыка.

Я очень люблю порты и в другое время охотно бы поглазела на происходящее вокруг. Но кружить вот так, чтобы найти полицейского, который наверняка давно спит, мне не нравится. На ходу ворчу и даю волю сарказму.

Дончо молчит, не сердится на меня, и мне ясно, что он не откажется от своего намерения.

Поднимаемся в какие-то конторы, объясняем, чего мы хотим. “Браво, браво”, — говорят нам, жмут руки: пойдите в дом напротив, может быть, там кого-нибудь застанете...

Наконец оказываемся перед дверью с табличкой:

Capitania del puerto Police.

Входим, не веря, что это конец поискам. Объясняем, . на этот раз как можно короче, кто мы и каким образом прибыли в Лас-Пальмас.

Слава богу, формальности закончены!

Медленно идем через порт. Нам больше не надо разыскивать морскую полицию, мы постепенно успокаиваемся, и в нас начинают проникать ночные запахи, огни, звуки: гул моторов и голоса, приглушенные шумом моря.

В город ведет узкая крутая улочка. Она еще оживлена в это время. Прямо в окнах, невысоко над тротуаром сидят женщины: мулатки и белые, молодые и старые, красавицы и уродины. Извлекаю очки, водружаю их на нос и с любопытством рассматриваю эту публику.

Улочка заполнена моряками. Они бойко переговариваются с дамами и после короткого обсуждения исчезают с какой-нибудь хозяйкой окна. Им явно хорошо на этой улице. А нам? Обгоревшие, отошавшие, в очках, мы в лучшем случае можем сойти за журналистов. Нам безразлично, что о нас думают, но скоро нам дают понять, что это место не для таких персон, как мы.

Одна из девиц что-то кричит в нашу сторону, моряки начинают задевать нас, и мы понимаем, что надо побыстрее убираться восвояси.

Держим путь по совершенно пустым улицам с привлекательными витринами. Хорошо бы найти гостиницу!

А вот еще один ночной оазис: площадь Santa Catalina. На ней и примыкающей улице скопление баров, казино, магазинчиков, торговцев, хиппи и туристов.

Ужасно хочется спать, но все же заставляем себя ненадолго нырнуть в пеструю толпу.

Поболтали с барменом, с какими-то шведами, заглянули в пару клубов и совсем едва волоча ноги ввалились в приглянувшуюся гостиницу. Внутри она оказалась еще шикарней, чем с фасада.

Измученные, мы игнорируем ванну и мгновенно засыпаем.

Эти впечатления от Лас-Пальмаса оказались самыми острыми за все наше пребывание в нем, ведь в те ночные часы, пока мы не отдохнули, наш организм пребывал в том же ритме и в том же напряжении, что и в океане, хотя мы ступали уже по суше.

А на следующий день нам все казалось таким же обычным, как всегда. Мы проснулись к обеду, и жизнь понеслась в стремительном, земном ритме. В “Наутико-клубе” мы встретились с журналистами. Меме, племянница дона Педро Родригеса Наварры, была нашей переводчицей.

Сообщения о нас появились во всех вечерних газетах. Мы поделили первые полосы вместе с вновь избранным президентом Франции Жискара д’Эстеном.

Мы оказались причиной сенсации, но по тону статей поняли, что к нам отнеслись серьезно. В Лас-Пальмесе стартовали многие экспедиции, но наша отличалась рядом особенностей.

Журналистам импонировала прежде всего продуманная научная программа экспедиции и ее очевидная гуманная цель. Газеты выделили и тот факт, что мы никогда прежде не видели океана и плывем не на яхте, а в спасательной лодке, лишенной килля.

Последнее показалось столь невероятным, что до открытия пресс-конференции один из местных аквалангистов нырнул и удостоверился в отсутствии килля.

Телестудия сняла два фильма для Евровидения.

В городе нас узнавали и прозвали “Матримошу булгаре” — болгарская чета.

Наша лодка требовала тщательной проверки, но эта проблема была легко решена из-за хорошо поставленной морской службы Лас-Пальмаса. Мы осмотрели лодку, особенно внимательно днище, перезарядили аккумуляторы, удлинители румпель.

Нас беспокоило то, что у нас нет тропических шлемов, без которых трудно плыть в тропиках. Но и здесь мы видели их разве что на головах у полицейских.

В агентстве “Ровамегука”, куда мы направились, чтобы заполучить шлемы, нам пошли навстречу.

— Для нас большая честь оказать вам эту услугу. Завтра же мы раздобудем для вас тропические шлемы. И пусть они вам принесут попутный ветер и ясную погоду.

С доном Педро, президентом федерации SOS, сердечным, энергичным, хотя и немолодым человеком, мы обошли весь остров Гран-Канаря. Он окружен прекрасными пляжами, а в середине острова расположены затухшие вулканы. Плодородная часть острова усыпана деревушками, жители которых выращивают бананы, помидоры, картофель.

Быть может, самым впечатляющим оказался вид с вершины горы на омывающий этот кусочек суши, блистающий на солнце океан.

Дон Педро, не умолкая ни на минуту, быстро рассказывает что-то по-испански по шесть часов в день.

Оказывается, они с Дончо отлично понимают друг друга. Мы вернулись в гостиницу, и Дончо, ошеломленный увиденным, бросился на постель и стал сообщать мне подробности истории и экономики островов, а также родословную и жизнь самого дона Педро. Могу поклясться, что го, ступив на землю Лас-Пальмаса, он не знал ни одного испанского слова, и я не замечала, чтобы он тайно изучал этот язык.

Немногие свободные часы мы просиживали в кафе. Беседовали с незнакомыми людьми или писали открытки. Под сочувственными взглядами официантов и посетителей росла гора открыток — всего их предстояло сочинить свыше ста. Мы поделили их между собой поровну, отмечая адресатов по списку. Весточки для друзей, которых мы увидим не раньше чем через три месяца.

Мы получали телеграммы из Софии и Варны, давали все новые интервью в газеты и журналы, радиостанциям Испании и Америки. И все это время наши обильные обеды состояли из блюд, которые прежде были для нас морскими деликатесами: креветки, омары, лангусты...

Чирусы и кальмары

Но самым лучшим оказался обед на нашем траулере “Бекас”.

Мы услышали в кафе болгарскую речь и бросились к трем морякам, изучавшим газету с нашими улыбающимися физиономиями. Они были поражены не меньше нас. Оказалось, прибыли из Галифакса и сидят здесь две недели, ждут смены из Болгарии.

Вместе с ними пошли на судно. Приятная неожиданность: на “Бекасе” работают друзья из Созополя.

— Чем помочь? Что вам нужно? — обступили нас моряки во главе с капитаном.

Пока мы думали, нужна ли нам помощь, повар успел приготовить превосходное блюдо из чирусов и кальмаров. Капитан выставил галлон виски, и спустя пять часов мы с большим сожалением покидали гостеприимное судно.

Нам не хотелось прощаться со своими ребятами, но завтра, 26 мая, — день отплытия.

Через месяц и эти чирусы войдут в мои гастрономические воспоминания.

В дополнение к нашим двойным стакелям нам сделали кривой румпель. Он не умещается ни в одной части лодки, и мы поначалу будем спотыкаться и ушибаться об него.

Последний вечер перед отплытием мы провели в городе. Когда-то нам придется бродить по улицам, заглядывать в уютные бары и кафе, вести беседы с приятными людьми?

Глава V КУРС НА КУБУ!

26 МАЯ, ЮЛИЯ

Последние проводы

Утром 26 мая, как и было нами объявлено, стоим на пирсе. В девять часов нас окружают новые наши друзья и журналисты. Дарят нам альбомы с видами острова, фотографии, значки, эмблемы и прочие сувениры.

Глаза кинооператора Хосе, дон Педро, Меме, Августино увлажнены. Объятия и поцелуи. Я буквально утопаю в громадной бороде Хосе. Он тихо говорит: “Бог бережет таких, как вы. Завидую вашей смелости. Буду думать о вас каждый день”.

Позже выяснилось, что мама после нашего отъезда из Лас-Пальмаса получила от него чудесное письмо. Оно немного взбудрило ее в те томительные дни, когда от нас не было известий.

Садимся в лодку. Отталкиваемся от пирса, заводим мотор... Уже издали видно, как провожавшие один за другим уходят с причала.

Это четвертые и, надеюсь, последние проводы нашей экспедиции. София, Варна, Гибралтар, Лас-Пальмас.

Спор о том, с какой стороны обойти Гран-Канарию, решает ветер. Сначала идем на юго-восток вдоль пляжей Лас-Пальмаса, затем на юг мимо восточного склона Тенерифе. Из лоции мы знаем, как выглядит этот остров-гора, и с любопытством вглядываемся в его снежную вершину. Тенерифе выше Черной горы, и склоны его обрываются в океан.

День складывается из вахт, приведения в порядок такелажа и изучения лоции и карт. У нас есть общая карта Канарских островов и несколько отдельных на каждый остров. Погода не совсем благоприятная, как мы рассчитывали, но по крайней мере нет шторма.

26 МАЯ, ДОНЧО Душа зеваки

Я решил, не прибегая ни к чьей помощи, перетащить багаж из гостиницы в лодку. В “Наутико-клубе” мне дали тележку, и я сложил в нее наши знаменитые нейлоновые мешки. На переполненной набережной тележка, разумеется, опрокинулась, и мешки обрели самостоятельность. Туалетные принадлежности и пижамы рассыпались по асфальту. Машины визжали надо мной тормозами, а шоферы изрыгали проклятья. Чей-то “рено” промчался по зубной пасте и обрызгал джинсы зазевавшегося туриста.

Набережная заполнялась машинами, ругань становилась все яростнее. Какой-то резвый старичок пришел мне на подмогу. С его помощью и при поддержке некоторых исключительно взволнованных жителей острова я снова свалил все в тележку и продолжил свой путь. Будь я суеверным, я объявил бы это воскресенье черным и отложил бы отплытие...

Верный Августино помог мне доставить остальные вещи на “Джу”. Я стал приводить шлюпку в порядок, вымыл банки и рубку. За какой-то час лодка обрела парадный вид, и мне ничего другого не оставалось, как с радостью ждать отплытия.

Юлия появилась, увешанная фотоаппаратами, с охупками цветов. Она смеялась и вообще была очень довольна. Ей устроили что-то вроде чествования в гостинице, со слезами, автографами, талисманами и репортерами. Постепенно начали собираться провожающие. Первым пришел дон Педро Родригес Навара во главе своего милого семейства. Я с удовольствием вписываю сюда его полное имя, красивое и певучее, которое в разговорах я никогда не мог “пропеть”. А вот и все остальные наши знакомые — журналисты, кино- и звукооператоры. С ними пришли и незнакомые мне люди, по тоже весьма озабоченные. Появились и просто зеваки. Слава богу, мир полон любопытных. Я всегда отлично понимал зевак: у нас сродство душ. Еще в детстве, увидев собравшуюся толпу, я заставал на месте и в конце концов обязательно попадал в эпицентр события, вовсе не желая этого. Если скандал угасает, то при моем появлении он вспыхивает снова и стороны налетают на меня. И все же я нетипичный зевака. Мне не хватает для этого классической нейтральности.

Мы говорим в несколько микрофонов, позируем фотографам, обнимаемся, целуемся, ухитряемся сами снимать своей камерой. На пирсе смешались испанская торжественность и славянская жизнерадостность.

Ни Юлия, ни я не принимаем всерьез речей, с их паупствованиями и увлажненными глазами. Мне хорошо и от этого все время хочется смеяться. Труднее всего проявлять видимую почтительность к происходящему, чтобы не задеть щепетильных испанцев. Но соблюдаю приличия: называю всех, кто старше меня, их полными именами, всем жму руки и подставляю спину всем желающим для похлопываний. Держусь любезно, но по всему видно, как хорошо проводить экспедицию в тяжелых условиях — тебе сразу же прощают любые нарушения этикета.

Отчалили.

За нами двигаются лодки с нашими новыми друзьями и с некоторыми из полюбившихся мне зевак.

Мы им машем. Они машут нам. Смеемся мы — смеются они. Слышны возгласы “о’кэй!” и “браво”, а нашу сторону летят воздушные поцелуи. Проводы, столь похожие на расставание в Болгарии.

Покидаю Лас-Пальмас с переполняющим сердце чувством благодарности и с сознанием... что ни за что ни свете не остался бы здесь дольше! Чудесный курорт, но наша цель — море.

Плывем мимо родного “Бекаса”. Вахтенный не обращает на нас никакого внимания. Ору ему в рупор, как сумасшедший размахиваю руками. Никакого эффекта. Но я не сержусь, я знаю, что весь экипаж и наши друзья вчера уехали домой.

Нас настигают последние воздушные поцелуи какарских знакомых, и вот мы одни в океане.

Дует северо-восточный пассат, и мы устремляемся по кратчайшему пути в направлении Кубы.

Погода неплохая, волна средняя, пассат дует в паруса, и лодка делает три-четыре узла. Мимо нас медленно проплывает Гран-Канария. Банановые плантации сменяются апельсиновыми, а после них пески... Видны там и сям разбросанные деревушки, мимо проходит обшарпанное местное рыбацкое суденышко — и с богом, Гран-Канария! Впереди Тенерифе, Иерро и прочие острова.

Юлия борется со скарбом, разбухшим после остановки в Лае-Пальмесе.

Море постепенно становится совершенно пустынным. Ни судов, ни яхт. Мы явно вышли за пределы оживленных прибрежных вод.

Наш нормальный график: вечером, с 8 до 12, на вахте Юлия. Ночью, с 12 до 4, я. Потом я ложусь спать. Днем свободная вахта. Правда, только в тихую погоду. А если на море волны, то вместо сна непрерывная работа ведром...

Вперед! Курс 220°.

Еще виден последний маяк. Два месяца, пока не доберемся до Кубы, мы будем вспоминать его и этот кусочек суши. Прощайте, Канарские острова! Другая часть света ждет нас на той стороне океана.

27 МАЯ, ДОНЧО

Планктон на обед

Первую ночь после Лас-Пальмаса я спал как убитый. А проснувшись, не почувствовал никакого интереса к суше. Наши дни проходят довольно однообразно. Нам с Юлией не требуется специальных развлечений. Мы даже смеемся редко.

И этот день проходит незаметно. Пассат усиливается, поднимая волну. Ход отличный. Солнце припекает, но, к нашему удовольствию, ветер несет прохладу. Океан ласков с нами, ничем не напоминает о прошедшем шторме. Ни одна волна пока не захлестнула лодку. Завтра мы должны миновать Тенерифе.

Забросили сети для ловли планктона. Сначала ту, что с большей ячейкой, потом другую, с меньшей. Поймали много, целых 300 граммов. Этот район богат планктоном и рыбой. Вокруг лодки кишат небольшие акулы.

Они частенько следуют за нами, но у нас нет отбросов, и, не имея стимула, акулы оставляют нас.

Бросили жребий, и мне досталось первому снимать пробу с обоих уловов. В таких спорах я всегда проигрываю. Чувствуя себя жертвой, попробовал планктон из каждой чашки и убедился, что планктон из большей сети вкуснее. В ней хорошо задерживается зоопланктон, а фитопланктон, наоборот, свободно пропускается через крупные ячейки, а именно он неприятен на вкус.

Мы единодушно выбросили улов с примесью фитопланктона и поровну поделили зоопланктон — пашу будущую пищу и "будущую пищу человечества". Правда, наши высокие мысли не улучшают вкус планктона, и едва ли найдутся другие чудачки, которые станут его есть в не переработанном виде, с отталкивающим запахом... Но если бы и нашлись, никто бы им его специально не доставил. Современные способы добычи планктона так нерациональны, что он чуть ли не на вес золота. В будущем, безусловно, будут созданы агрегаты для рентабельной его добычи, но я пока их не представляю себе. На мой взгляд, задача ученых сейчас заключается в том, чтобы, во-первых, выявить наиболее перспективные, с точки зрения "пищевой проблемы", виды зоопланктона, а во-вторых, подумать о методах его искусственного разведения.

Мы не ждали, что зоопланктон окажется вкусным, поэтому и не очень разочарованы. Придется терпеть до встречи с кубинской кухней. Район, в котором мы сейчас находимся, очень насыщен планктоном, поэтому ловить его будем только крупными сетями. Мы дали им название "гастрономические", а всем прочим — "студенческие". Питаться мы теперь будем почти исключительно планктоном. Это значит, что станем быстро худеть. Зато мы все делаем по программе. Начиная с сегодняшнего дня ловля планктона наша основная работа.

Мы будем заниматься ею во все дни, кроме тех, когда будет штормить, или, наоборот, установится полный штиль. Тогда для нас не будет даже планктонных пиршеств.

27 МАЯ, ЮЛИЯ

"Зачем вы рискуете?"

Я все еще думаю о том, что же заставило меня сесть в эту лодку, не защищенную от волн и солнца, чтобы в ней голодать, недосыпать, рваться к далекому берегу?..

Здесь, среди мерно вздымающихся волн, лучше чувствуешь, что являешься частицей вечного движения природы, воображаешь, что время остановилось и ты распоряжаешься им, как захочешь.

На берегу остались тысячи "зачем?".

"Зачем вы плывете? Зачем рискуете? У вас все благополучно в жизни: хорошая работа, ребенок..." — говорят здравомыслящие люди, искренне стараясь понять наш порыв.

Да — зачем?

Чтобы человек добровольно отправился в открытый океан, ему надо чего-то лишиться или потерпеть жизненное крушение? Нет, не думаю. Даже наоборот: если он обладает силой, энергией и упорством бороться с океаном, ему всегда будет где применить их на суше. В море не отправляются неудачники.

Человек редко бывает жертвой только внешних обстоятельств, как жалуются некоторые "небезучие" люди. Обычно он жертва своих собственных качеств, и менять обстоятельства в случае крушения ему совсем не обязательно.

У нас с Дончо интересные профессии. Я музыкант, работаю в кино. Трудно придумать работу, которая могла бы понравиться больше. Какое увлекательное занятие соединить изображение со звуком, давая образу новое измерение, насыщая картину звуковой пластикой, ритмами и эмоциональностью музыки.

А Дончо? Он-то определенно на своем месте. Он занимается организацией производства. По нашим временам это лучший вид деятельности, который может поглотить большую часть его невероятной энергии.

“Откуда у вас время готовиться к плаванию?” — спрашивали нас. Трудно сказать — откуда. Человек сам себе создает время. Мы выкраивали его из часов отдыха, сна...

Короче говоря, Дончо подготовил экспедицию за шесть месяцев — срок настолько краткий, что потребовал бы хлопот и беготни нескольких человек. Вся организация является его заслугой. Моя помощь была совсем незначительной, моральной по преимуществу. За это время я родила Яну.

А Дончо ходил на работу, писал диссертацию и книгу, посещал софийские и варненские учреждения. Увещевал и пытался заинтересовать самых разных людей.

Когда родилась Яна, Дончо взял отпуск, “послеродовой”, как смеялись его коллеги. Взял отпуск, чтобы помочь мне: стирал пеленки, ходил по магазинам, готовил.

Я не думаю, что бывают люди с малым запасом энергии или менее требовательные к себе. Любой человек, если он принимает какое-то серьезное решение, сразу обнаруживает в себе резерв неистраченных сил.

Мы с Дончо ничем не отличаемся от других людей. Просто мы сконцентрировали всю свою энергию на задуманном предприятии. Такая концентрация сил оказывается возможной только при ясном знании своей цели и точном понимании путей к ее практическому достижению.

Наша экспедиция только попытка доказать себе и другим, что человеческие ресурсы еще не исчерпаны.

Разумеется, в наш век мало показать: вот, смотрите, я умею то и это! Вопрос в другом: принесешь ли ты этим кому-нибудь пользу? Если ты добьешься хотя бы частичного результата, окажешь этим помощь кому-либо или вдохнешь в него своим примером смелость, тогда считай, что ты достиг цели.

28 МАЯ, ДОНЧО

Профессиональный организатор

Все силы отдаем уборке. Прикладываю к ней свои знания научного работника, профессиональные навыки и даже терминологию. На деле показываю Юлии, что такое “оптимальная зона”, “эргономика”, “прямой доступ”, “функциональные рабочие условия”... Чувствую себя как на производственном совещании.

Я записал все помехи и недочеты, которые выявились во время шторма. Хорошо, что не растерялся в той суматохе. Теперь приборы и вещи окончательно займут свои места, не принося нам хлопот, и жизнь пойдет по-человечески.

В десятый раз измеряю расстояние между рабочей площадкой у румпеля и самыми необходимыми предметами. Юлия уверяет, что, сколько бы я ни размахивал рулеткой, плотника из меня не выйдет. Пусть ехидничает, но раньше, чтобы достать еду, приходилось подолгу рыться в мешках. В шторм мы вообще не могли ее найти. Теперь же у нас есть сундучок, сбитый мною. Мы назвали его “оборотным” и заправляем провизией каждые пять дней. Другой сундучок “ежедневный” и находится в зоне вахтенного. В нем разместились инструкции по навигации, фонарь, карты, циркуль, бутылка с водой, спички, сигареты и т. д. Его место у левого борта, где он стоит, завернутый в стаксель. В хорошую погоду мы держим его открытым.

Наша жизнь налаживается, и я доволен, что мы потрудились не зря. Обычно беспорядок в доме не смущает меня, иногда даже необходим, успокаивает. Но здесь случай особый, и я больше не терплю хаоса. Наводим порядок точный и скрупулезный, как в лаборатории. Мы не знаем, что нас ждет завтра, поэтому готовы ко всему. Достаточно намучились во время шторма, чтобы не повторять свои ошибки. Погода способствует уборке на судне. Даже прохладно, как мы того хотели.

Шахерезада Атлантики

Вчера после вахты занялись тем, что стали развлекать друг друга разнообразными историями — реальными или вымышленными. Я вспомнил, что захватил с собой дневники моих экспедиций “Планктон” и “Планктон II”. и пускаю в оборот истории оттуда. Воскрешаю времена, когда, плываю в маленькой рыбацкой лодке по Черному морю, я четырнадцать дней питался зоопланктоном. Выбираю “героические” отрывки и читаю их с подчеркнутой скромностью человека, повидавшего все на своем веку.

29 МАЯ, ДОНЧО

В ее руках бразды правления, в моих — ведро

Поднимается шторм. Снова нас заливают. Снова приходится вычерпывать воду, но на этот раз океан ленив, и мы не переутомляемся. Наши действия размеренны и неторопливы. Волна захлестывает нечасто, и, если это случается во время вахты Юлии, я поднимаюсь с постели, добросовестно тружусь около полчаса, потом снова ложусь и засыпаю. У меня здоровый сон, и я не страдаю оттого, что ложусь, не раздеваясь, во всей “амуниции”. Об удобствах приходится забыть. В шторм не ляжешь раздетым на мокрое ложе... Если волна перемахивает через борт в мое дежурство, я терзаюсь из-за совершенной ошибки — неправильно выбранного положения лодки, и неохотно, но поднимаю сонную Юлию. Она берет в свои руки управление, а я ведро...

Фантазии Юлии

С нетерпением жду рассвета. Мне очень хочется, чтобы, проснувшись, Юлия рассказала одну из своих историй. Вспоминая ее подтрунивания над моими рассказами, решаю быть желчным и недоверчивым. Наступили долгожданные четыре часа утра, но вдруг все отодвинулось перед перспективой крепкого сна.

— Расскажешь мне свою историю, когда буду бриться, — пробормотал я, засыпая.

Утром Юлия показала мне исписанные листки бумаги и улыбнулась:

— Сочинила на вахте. Это было трудно, приходилось следить за волнами, и я боялась, что, если зальет, ты стал бы потом разъяснять мне причины моей лени и неумения держать вахту.

30 МАЯ, ДОНЧО

Виски, лед и газированная вода

У нас хороший ход и легкая жизнь. Довольно пасмурно, поэтому мы не видим островов, мимо которых плывем. Сейчас должен появиться Тенерифе. Увидим ли мы его? А ведь в хорошую погоду снежные вершины острова видны с африканского берега.

Мы в десяти-пятнадцати милях от Тенерифе, но облака легли так низко, что мы видим только океан. Солнце почти не греет и едва угадывается за тучами. И вдруг неожиданно возникает вершина горы, пробившая крышу облаков. Как ни напрягаю зрение, не могу ничего различить ниже вершины. Все размыто туманом. А вершина словно покрыта белой салфеткой. Наверное, это последний снег, который мы увидим. Он заставляет еще раз вспомнить Болгарию, родную Витошу, на которую я три года собираюсь подняться, моих друзей-альпинистов. Думаю о том, что дочка еще не знает, что такое снег.

— Снег, Юлия!

— Снег в тропиках. Это не кажется тебе парадоксом? — спрашивает Юлия.

Остров, по-видимому, чудесный: внизу тропическое лето, наверху зима. Но меня уже не обольстить ничем: даже если по склону Тенерифе текла бы река из виски со льдом, смешиваясь внизу с потоком газированной воды, то и тогда я не остался бы на этом острове.

Только на Кубу! Курс 180°!

Я боюсь скрытых туманом скал, самого тумана и обманчивого солнца. Но острова все же расположены далеко друг от друга, и я уверен, что днем проведу между ними "Джу" легко, как коня под уздцы.

А что будет ночью? Врежемся в скалы?

Делаю расчеты, поругивая течение и с благодарностью думая о лаге.

— Ну, какую историю ты придумал?

— Никакой, почитаю дневник.

— В Софии сейчас все спокойны, мы ведь только-только отплыли.

— Да, одна спокойная неделя для них. Получат сто десять открыток и пока не будут волноваться. А через месяц начнется тревога, ожидание известий.

Фантазии

Полистал дневник первой своей экспедиции и в записях того времени нашел лишь одну дельную мысль: "Первый раз в жизни пятнадцать дней буду жить без денег, не взяв с собой ни единой стотинки. Впервые не придется тратить денег. Есть что-то исключительное в ситуации, когда деньги потеряли цену".

— Пять лет назад я был довольно скромной личностью.

Юлия задумчиво слушает меня. Дневник вызвал рой воспоминаний. Это было начало моей карьеры путешественника. Сейчас оно не кажется мне очень значительным, но его сопровождало неповторимое чувство первооткрывателя.

— Юлия, как ты думаешь, может быть шторм еще тяжелее?

Погода портится. Небо ясное, но ветер нагоняет высокую волну. Все предвещает знакомую до одури предштормовую обстановку.

31 МАЯ, ДОНЧО

Гримасы

После скверной ночи проверяю курс. Сейчас наша цель выйти точно на 20° сев. широты и 30° зап. долготы. Дальше будем двигаться строго на запад, чтобы кратчайшим путем достигнуть Сантьяго-де-Куба.

Пассат пытается столкнуть нас на юг, но мы сопротивляемся этому частой сменой галсов. При сильном ветре нам легко справляться с парусами. Но примитивная оснастка лодки дает о себе знать, мы часто дрейфует, а при полном ветре грот принимает такое положение, что основная сила ветра не используется, не помогает движению.

Планктон стал основным блюдом нашей скудной трапезы. По-видимому, он не оказывает на нас отрицательного воздействия, ибо мы чувствуем себя сносно, однако обеды и ужины мы успели возненавидеть. После каждой чашки планктоновой бурды лица перекашиваются в страдальческой гримасе. Попадающий в сеть планктон красноватого оттенка, который мы почему-то считаем ядовитым, сразу же выбрасывается за борт.

Все время слушаем Лас-Пальмас. Его и вездесущий Люксембург, который слышно не хуже, чем в Софии.

Мы не используем пока двойные стаксели. Жду хорошей погоды, чтобы смонтировать их. Как-то они себя будут вести? Мы будем первыми болгарами, которые поплывут по морю с двойными стакселями. В Черном море их не применяют — расстояния малы, да и ветры изменчивы.

Моя очередь рассказывать историю, но я ничего не сочинил. Решаюсь схитрить:

— Юлия, твоя очередь.

Она начинает без сопротивления. У нас сейчас все делается ритмично, и нам все нравится. Ловлю себя на том, что жду своей вахты и хочу блеснуть четкостью работы. Мае обоих постепенно охватывает лихорадка соревнования. Каждый старается быть лучшим.

В голове у меня есть интересные темы, но я применяю выжидательную тактику.

Пускаю в оборот документы прежних экспедиций, жду, когда Юлия выдохнется, чтобы рассыпать перед ней драгоценные перлы моей новой блестящей серии.

1 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Лодка вместо квартиры

Однажды Дончо вернулся домой в очень возбужденном состоянии.

— Юлия, надо достать четыреста левов.

Мы перебираем с ним всех наших друзей — человек двадцать — и приходим к печальному выводу, что сейчас не у кого занять эти деньги.

— Придумала! — вдруг кричу я. — У нас же есть взнос за квартиру на пять лет вперед, давай заберем его, а потом внесем снова.

Дончо расцеловал меня, назвал великим финансистом, и тут только я сообразила, что не спросила, зачем ему нужны эти четыреста левов.

— Как зачем?! На лодку.

Оказалось, что его друзья из Бургаса смастерили лодку. Долго пилили, сверлили, сколачивали, а когда она была готова, выяснилось, что у них нет согласия, как применить ее. Чтобы не рассориться, решили ее продать.

Нам с Дончо так захотелось иметь свою лодку, что мы договорились с его друзьями о покупке, не видя ее. Только по рисунку, который набросал нам один из них. С того часа мы ни о чем больше не говорили, как о лодке. Где достать подходящий мотор? Каким образом берут разрешение на путешествие по морю? (У нас сразу же возникла идея длительного путешествия.)

До наступления отпусков план был разработан, и мы стали приводить его в исполнение.

Дончо привез откуда-то мотор изношенной сенокосилки мощностью в семь лошадиных сил. Купили два бачка керосина. Перевезли все это из Софии в Бургас.

Дончо познакомился с доктором П. Пенчевым из Института питания, изложил ему свою идею, которую вынашивал годами. Тот одобрил ее, дал нам ряд советов и обещал после окончания экспедиции создать лабораторию в Созополе. Дончо должен будет подготовить нужное количество тестов.

— Ваше намерение поможет развитию той области, в которой ведет работу моя лаборатория. Неужели вы сами пришли к этой мысли? Ведь это идеальный случай, когда можно будет следить за реакцией организма, находящегося в контакте с иной средой питания, — резюмировал доктор.

Эксперимент нуждался в гласности. После недолгого спора мы выбрали газету “Орбита”.

Дончо пришел в редакцию и там оказался один на один с Митко Езекиевым. Они посмотрели друг на друга через две пары очков, и Дончо рубанул сплеча:

— В конце августа я намерен две недели провести в море на рыбацкой лодке, питаюсь только планктоном.

Из всех подозрений и предположений, которые пронеслись в тот миг в голове Митко Езекиева, он выбрал одно, но верное: перед ним энтузиаст.

— Чем я могу помочь вам?

Они идут к главному редактору, писателю-фантасту, доктору юриспруденции Димитру Пееву, и в его кабинете вдвоем выступают против него одного. Немного спустя все трое стали единомышленниками.

Митко Езекиев и группа работников радио прибыли в Созополь за день до начала экспедиции — 28 августа 1970 года.

Доктор Пенчев прибыл заранее, привез с собой на грузовике приборы — целых две лаборатории. Как специалист он считал необходимым, чтобы Дончо за сутки до отплытия еще на суше вошел в режим, сосредоточился и освободился от всех забот. Но в последний день судьба распорядилась иначе.

Накануне отплытия я как организатор и снабженец экспедиции должна была доставить в Созополь столитров керосина для мотора. Ночью моя машина сбилась с пути и свалилась в Бургасское болото. Я выбралась через боковое стекло, вытащила за собой испуганную тетку и мы добрались в Созополь, покрытые тиной, но живые. Поэтому Дончо мог выполнить только часть “режима” — подписание протоколов, деклараций и пр., и на вопрос Митко, состоится ли экспедиция, ответит, что, раз я здорова, он отправляется, а машина подождет его две недели на дне болота.

И отправился.

Я не ждала его на берегу, это было бы для меня мучением. Я любила Дончо и нашу лодку, и мне трудно было представить, что они в море без меня. Их качают волны, а я сижу на террасе дома и всматриваюсь в темноту. Дончо от этого не менее одиноко. Нет, так ждать я не могу.

Первую "Джу" мы, пожалуй, любили больше всего. Целый месяц перед экспедицией вместе с нашим другом Тончо мы готовили ее: конопатили, смолили, красили. Потом поселились в ней. Поставили ее на якорь и днями просиживали на палубе и в рубке.

"Джу II" была общей с Тончо. Мы втроем проплавали в ней целое лето, но оно не было таким же прекрасным, как предыдущее и последующее.

На "Джу III" — специально оборудованной как спасательное судно — мы пересекли Черное море из Варны в Сочи. После этого путешествия я и Дончо поженились. Провести двадцать шесть дней с будущим супругом в лодке - это замечательное испытание характеров. Рекомендую всем, кто собирается вступить в брак. Родилась Яна, и скоро настал черед "Джу IV", которая станет нашим жилищем в течение трех-четырёх месяцев. Думаю, и после нее будут новые лодки и новые моря.

1 ИЮНЯ, ДОНЧО

Я рационализировал ловлю планктона

Начинается новый календарный месяц в океане. Сколько их еще будет? Два, три или все же только один?

Нас все больше сносит на юг.

Сейчас мы находимся на 24° 10' сев. широты, 20° 15' зап. долготы.

Наша цель — 20° сев. широты и 30° зап. долготы. Там наши паруса должны поймать устойчивые пассаты.

Меняем курс и направляемся на юго-запад. Ветер весьма подходящий и не создает лишних хлопот.

Питание становится проблемой. Консервы не выдержали испытания. На сегодняшний день мы располагаем 5 килограммами сухарей, 15 банками компота, 2,5 килограмма сушеных слив, 2,5 килограмма очищенных орехов, маслинами. Кроме этого, в нашем распоряжении... весь океан, полный планктона. Правда, если пассат прекратится, нам станет плохо. Планктон хорошо ловится на ходу, и я даже рационализировал процесс ловли: при сильном ветре мы забрасываем сразу по две пары сетей. Так что теперь за то же самое время, что и прежде, мы собираем в два раза больше планктона. Этот способ особенно хорошо пригодится в центральной части океана, где планктона гораздо меньше, чем здесь. Остается сожалеть, что нельзя забрасывать сети во время шторма. Лодка тогда идет очень быстро, и надо быть начеку, чтобы не сбиться с курса. Наши голодные дни в затишье и в шторм.

Вокруг гуляют высоченные волны, но лодке они неопасны. Мы сидим в холодке, совершенно сухие, и не можем нарадоваться погоде. Пользуюсь представившейся возможностью побольше поспать. Засыпаю мгновенно в любом положении. Прекрасная вещь — отдых.

Работы с парусами совсем немного, потому что пассат сильный и устойчивый. Идем только левым галсом.

В романтических порывах мы иногда громко выражаем свой восторг перед стихией. Но, говоря честно, погода меня гораздо больше волнует в физическом смысле. Надо, чтобы она продлилась еще дней пять, и мы с Юлией выйдем на намеченный курс.

Теперь можно и почитать, впервые за много дней. Я взял с собой "Тараса Бульбу". С удовольствием перечитываю знакомые места.

Несколько дней уже мне не дает покоя мысль: а что будет, если "человек окажется за бортом". Неясность этой возможной ситуации просто жжет меня изнутри. "Человеком за бортом" можем оказаться или я, или Юлия. Разумеется, лучше бы им оказался я. Но как бы она тогда справилась с лодкой? И вообще, что надо делать в таком случае? Конечно, несложно отрететировать. Надо что-нибудь крупное кинуть за борт и рядом маневров догнать его и вытащить из воды. Но не будет ли еще опаснее делать повороты при таком волнении? Научит ли это нас чему-нибудь?

2 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Капитан-волшебник

— Юлия, что подарить тебе сегодня — Полярную звезду или солнце?

— И то и другое!

— Моя королева, для вас я сделаю все!

После этих слов Дончо торжественно извлекает из упаковки секстант. Молча всматривается в небо и горизонт. Снимает очки. Потом садится на крышку мотора — самое устойчивое место в лодке. Я стою наготове у румпеля с хронометром и бумагой. Карандаш за ухом. Остается 25 минут до указанной в альманахе Брауна кульминации этой широты. Именно сейчас начнется ритуал "Определение местонахождения". Дончо ставит фильтры, направляет секстант в небо и сообщает мне результаты измерений. Я записываю их, с точностью до секунды фиксируя время. Дончо подзывает меня:

— Пожалуйста, у твоих ног солнце — мой подарок.

Секстант перед глазами, всматриваюсь в горизонт. Там покоится огромное, будто только что сотворенное светило.

И мы продолжаем. С небольшими интервалами фиксируем координаты положения солнечного диска. Данные сначала растут, потом начинают уменьшаться. Дончо берет максимум, его время и углубляется в таблицы Брауна. Подчеркнуто благоговейно слежу за ним, молчу и не задаю вопросов.

Иногда вместо Дончо с секстантом занимаюсь я. По мне не хватает его уверенности и его умения напустить на себя важный вид.

Я очень люблю этот ритуал. Мне интересно знать, где мы находимся, и я всегда с нетерпением жду слов Дончо. Иногда именно в полдень небо заволакивает тучи или горизонт закрывает дымка. Тогда “спектакль” откладывается до появления Полярной звезды. Если нас застигает буря, то и речи не может быть об этих измерениях.

— Мы на 23° 30' северной широты. Завтра пересечем тропик Козерога. Ветер северо-восточный. Курс по компасу 225°.

После обеда настраиваю транзистор на Канарские острова. Не слышу Лас-Пальмаса. Но кажется, ловлю острова Зеленого Мыса и Нуакшот. В приемнике какой-то шум, и я откладываю свое занятие на несколько часов. Потом я все-таки засекаю эти радиостанции. Хорошо бы иметь и третью “точку”, но обойдемся двумя!

Определяю по компасу направление самого тихого пеленга. Держу его высоко над транзистором, чтобы не было искажений. Даго Дончо проверить мои измерения. Потом наносим на карту курс радиомаяков Нуакшота и островов Зеленого Мыса по отношению к нам. В точке пересечения находимся мы. Конечно, это приблизительные измерения, так как транзистор не пеленгатор, а лодка не корабль.

Ждем захода солнца, чтобы зафиксировать время, когда оно опустится в океан. Так мы определяем долготу,

Я не замечаю течения времени и не ощущаю ритма нашей жизни. На суше я едва ли смогла бы три часа спокойно ждать захода солнца. Но во время заката я волнуюсь — сейчас мы будем знать свое точное положение в океане. Волнуюсь гораздо больше, чем Дончо, который делает измерения невозмутимо — так, будто все затеял для моего удовольствия. Если небо в облаках, я злюсь, ворчу, обращаюсь к тучам, прося их сдвинуться.

А Дончо, который в Софии может выйти из себя, если дело откладывается хотя бы на десять минут, остается невозмутимым:

— Если нельзя сегодня, то сделаем это завтра или послезавтра. Время у нас есть.

Он, конечно, прав. Но мне непонятно, как он может быть так спокоен. Это полезно для организма. От моих же волнений никакого проку.

Вот и сейчас приближается время захода солнца. И я опять теряю покой. Будет ли горизонт чистым? Часто бывает так, что в последние 10—15 минут появляются густые белые облака и закрывают солнце, к моей великой досаде. Сегодня “мой день”, и солнце ведет себя хорошо. Часы я проверила по Гринвичу. Знать точное время — одна из моих ежедневных обязанностей. Ранним утром на коротких волнах я обшариваю весь эфир, и не позднее девяти часов мы уже знаем точное время по Гринвичу. Дончо знает, как я прилежна в том, что касается времени, и не проверяет меня. Разница между временем заката по Гринвичу и зафиксированным нами дает долготу в угловых единицах. Последнюю проверку производим по Полярной звезде.

С наступлением темноты мы первым делом зажигаем керосиновый фонарь. Протираю стекло, заправляю фонарь горючим и проливаю керосин себе прямо в рукав. Очень неприятная обязанность в такую качку возиться с керосином. Иногда удивляюсь, зачем мы каждую ночь зажигаем этот фонарь. Возможность встретить здесь корабль равна нулю. Но есть заведенный порядок, и мы не можем нарушить его. Ассистируя Дончо, пользуюсь, конечно, и электрическим фонариком.

В этих широтах темнеет быстро. Примерно через час после захода солнца мы уже видим Полярную звезду.

— Юлия, если несколько минут ты будешь сидеть тихо, то услышишь, как звезда упадет в море.

Вслушиваюсь напряженно, но ничего не слышу.

— Она осторожно опустилась в море, и она по праву твоя.

Я долго смотрю на ночное небо, так долго, что оно кажется мне совсем близким. На нем раза в три больше звезд, чем на нашем, и оно такое низкое. Звезды мерцают, двигаются, живут какой-то своей жизнью. Они сталкиваются, сыплются вниз. А некоторые бледнеют и на глазах исчезают. Падающая звезда особенно остро заставляет думать о дочери. Чего мне хочется больше всего? Чтобы Яна сейчас появилась здесь? Увидеть ее? Она и так все время у меня перед глазами. Я только и жду, чтобы освободиться от обычной работы, встать на вахту и думать о Яне. Обещаю себе, что не буду думать, но силы воли не хватает.

3 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Пересекаем тропик Козерога

Это произойдет в 12 часов, и мы решили отпраздновать событие. Мне очень хочется сделать что-нибудь особенно приятное и неожиданное.

Напустив на себя загадочный вид, роюсь в мешках. Я нарочно припрятала в укромных местечках кое-какие < сокровища” и только и жду случая, чтобы сделать Дончо сюрприз. “Стол” накрывается на крышке мотора, причем вокруг него, чтобы не свалилась посуда, устраиваю ограждение. Вынимаю расписные чашки и тарелки, серебряные ножи, вилки и ложки. Для компота подойдут бокалы с тонкими витыми ножками. Но тут в голову приходит страшная мысль о планктоне.

Оборачиваюсь к Дончо:

— Предлагаю, чтобы сегодня обед был скромным — без планктона.

— Принято единогласно! -- кричит Дончо с кормы.

Настроение с этого момента самое праздничное.

Со дна мешка я извлекаю новенькое платье, чтобы оказаться на празднике в полном блеске. Сбрасываю тропический шлем, и волосы рассыпаются по плечам. Правда, это уже только половина их былого великолепия. Приглашаю Дончо к столу.

— Спокойно, еще несколько минут...

Дончо вдруг начинает суетиться, что-то ищет, потом извлекает припрятанные металлические бутылки и пиротехнические принадлежности. В 12 часов над океаном раздастся оглушительный треск. Взлетает ракета, затем несколько фейерверков. В довершение Дончо бросает дымовую шашку, и над волнами поднимается стена оранжевого дыма.

Дончо так воодушевлен, что мог бы грохотать до вечера. А я и не знала, что отправилась в путь с “пироманом” на борту!

Нечего беспокоиться, что нас примут за терпящих крушение, ведь вокруг царит бескрайняя пустыня. И все же хорошо, что салют быстро кончился.

Наиболее торжественная минута наступила тогда, когда мы позволили себе сделать несколько глотков виски и принялись за компот из абрикосов.

— Через два года мы с тобой пересечем тропик Рака в Тихом океане, — говорит Дончо.

Сейчас мне не хочется об этом думать. Сейчас мне приятней думать о Софии.

4 ИЮНЯ, ДОНЧО

Двойные стаксели

Прекрасный день. Ветер ровный и умеренный. Это и есть настоящий пассат, много раз описанный в литературе и перевозносимый мореплавателями. Считаю, что и нам повезло, мы сразу же его поймали.

В первый раз подняли двойные стаксели. Мне пришлось немало потрудиться. Начал монтировать такелажную скобу и блоки, натягивать шкоты и делать автоматическое управление на румпеле. Первый блин комом. Вторая попытка—тоже неудача. Во время третьей приспособление вылетело за борт, и в конце концов я прицепил к румпелю обыкновенный альпинистский карабин, подарок оператора Милана. К карабину я прикрепил шкоты, пропустив их через два блока. Вот и вся хитрость. Теперь мы больше не будем нести ночные вахты. Последующие трое-четыре суток все 24 часа мы будем идти только на двойных стакселях. После этого мы ограничим их применение до 5 часов, чтобы северо-западный ветер не отбросил нас на юг. Я боюсь этого — нам надо держаться двадцатой широты.

Благодать! Не могу нарадоваться царящему покою. Целый день мы пальцем о палец не ударили. Полный отдых.

Тесты доктора Златарева

Сегодня день тестов. Заполняем все их разновидности самым прилежным образом. Некоторые из них я в состоянии проводить сам без посторонней помощи, для других Юлия обязана контролировать время.

Заполняю “тест самооценки”, уверенный в стопроцентной его точности, то же самое “тест отношения” к Юлии. Потом мы принимаемся за тесты на внимание, работоспособность и т. д., высказывая все нехорошее, что мы думаем о качке, жаре и солнце. Такие же вопросы я задаю Юлии, наши ответы мы запечатываем в конверты, чтобы впоследствии передать их исследователям психического состояния человека, находящегося в необычных жизненных условиях. Кроме тестов, заполняем журналы самых разных медицинских наблюдений.

Джентльменство

Вчера вечером, выходя из рубки, Юлия споткнулась. Я подумал, что выглядел бы опереточно, если бы при каждом ее неловком движении бросал управление, чтобы подать ей руку. Условия нашей экспедиции таковы, что внешние проявления джентльменства отпадают сами собой. Во время шторма, когда лодка мечется как сумасшедшая, вести себя так, как я вел бы себя в молочном баре в центре Софии, смешно и глупо. Но, конечно, в порядке вещей то, что именно я ведрами выливаю воду из лодки.

Во время вахты я размышлял над понятием “джентльменство”. Жизнь на лодке многому может научить в этом смысле. Покажется сомнительным, что я имею право морализировать, исходя только из условий нашего путешествия. И все же бывает так, что один человек может увидеть в свое окошко гораздо больше, чем другой в свое.

Есть внешние проявления джентльменства: поклоны, комплименты и т. д., и внешние требования их проявления: “Целуй руку!”, “Поддай пальто!” Это все красиво вносит удобства, но это самая низшая и самая легкая ступень джентльменства, достичь которой в общем-то ничего не стоит. Эти правила легко внушить и ребенку и влюбленному, они могут стать уловками карьериста или бабника. Тысячи мужчин строят на них свою жизнь и считаются при этом на сто процентов интеллигентными и воспитанными.

В паше время “джентльмена” тяжело. От них требуется все больше разнообразия в поступках, много такта и обязательно интеллект. Женщина, занимая очень высокое положение в обществе, требует к себе равного с мужчиной обращения. Время салонных кавалеров проходит.

Дни, которые прошли с начала нашего путешествия, заставили нас потерять много сил. Я вижу, что Юлия худеет, буквально тает, и, разумеется, пытаюсь помочь ей во всем. Она же отказывается от помощи и ни разу еще не согласилась уступить мне вахту, даже тогда, когда видит, что ей явно плохо. Делает она это не по причине ложного понимания равноправия женщины и мужчины, а потому что знает, что и мне несладко. Это джентльменство — настоящее и самое ценное. Оно не забывается.

В этом путешествии нам становится ясным, что в семье джентльменство есть общее дело. Джентльменом должен быть муж, ту же роль должна играть жена. Только тогда в семье наступит подлинное равенство. И я не убежден, что мужчина должен освободить себя от внешних форм джентльменства. Как и смех, достоинство и вежливость мужчины проявляются бессознательно, как и умение смеяться, эти качества характеризуют человека. Таким образом, джентльменство — тонкая субстанция, и мужские манеры частенько выдают черты характера их владельца.

Самое лучшее проявление джентльменства — уважение. Непрерывная радость общения, удовлетворение от взаимных поступков и своих слов — все то, что приходит на смену опьянения влюбленности, возникает как результат уважения супругов друг к другу и единственной подлинной основы совместной жизни. В нынешних семьях редко воцаряется согласие, если одна из сторон принимает на себя роль кредитора, оставляя другому место должника. Должник может долго тянуть свое ярмо, пока в некоторый момент, к всеобщему удивлению от этого поступка, не сбрасывает ярмо.

Доверие — еще одно проявление джентльменства. Оно связано с уважением, но может существовать независимо от него. Ничего нет важнее для члена семьи, чем жить в убеждении, что твой спутник не подведет тебя ими да, знать его как человека, на которого всегда можно положиться. Доверие также связано с двусторонними отношениями. Не стоит поддаваться предрассудочности в некоторых случаях и сразу же лишать доверия того, кто с тобой рядом. Уметь навсегда сохранить доверие — это высшая фаза джентльменства. А если к доверию прибавить терпимость и широту взглядов, то в человеческом плане мы будем близки к идеалу.

5 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Что такое смелость?

Мы бодрствуем в эти дни по 18—19 часов в сутки. Причем это часы, полные покоя. Но мне они не кажутся длинными независимо от того, работаю я или просто бездельничаю.

Полосатым брезентом я залатала всю порвавшуюся одежду. Она стала вполне приличной и была бы даже легантной, если бы вместо брезента у меня была кожа. Читаю даже во время вахты.

Нам было довольно трудно выбрать в экспедицию книги. У нас есть свои любимые книги, но большая часть их осела у друзей. Интересные непрочитанные книги найти довольно трудно. Я ходила по букинистам и изредка приносила что-нибудь “для лодки”, “Глаза погребенных” Астуриаса, “Гоген в Полинезии” Б. Даниельссона и несколько книг южноамериканских писателей. Из своих любимых, читанных и перечитанных, мы взяли в плавание Бунина, Маркеса, Булгакова, Ивана Вазова, Достоевского, Стендаля, несколько книг Бальзака. “Всю королевскую рать” Уоррена. И почти все книги о мореплавателях, которые у нас были. Самые почитаемые из них “За бортом по своей воле” А. Бомбара и “Большой риск” Э. де Бишопы. Оба они, а также Ален Жербо, наши любимые мореходы.

Перечитываю Бомбара не знаю в который уже раз, по здесь в океане, любое его слово захватывает. Только здесь можно понять, как трудно ему было, и преклонение перед ним становится все больше.

Нас часто спрашивали в Софии: “А вам не страшно? Ведь это чистое безрассудство”.

Трудно убедить кого-либо в обратном. Мы сейчас совершаем то, что было задумано давно. Наш шаг не носит характера случайности или каприза. Если бы мы не рассчитали своих сил и не знали своей сопротивляемости страху, мы бы не отправились. Плавание длинное, и мы привыкаем к риску, как и ко всему остальному в нашей обстановке. Когда полностью отдаешься какому-нибудь делу, то как-то “не успеваешь” бояться. И не рассуждаешь, смелый ты или нет. Принимаешь вещи такими, каковы они есть, и делаешь что полагается.

Другой важный фактор — наши крепкие нервы. Страх — это или симптом расшатанности нервов, или результат дурного воспитания. Отсутствие страха — это, может быть, также результат воспитания.

Мама с папой никогда не пугали меня в детстве. Теперь они, наверное, жалеют об этом.

Когда Яне исполнится пять или шесть лет, мы возьмем ее с собой. Я воображаю, сколько возмущенных голосов послышится, решись я на это. “Плохая мать!” Я знаю, что страшно боялась бы за Яну, но, пожалуй, могла бы ее взять.

5 ИЮНЯ, ДОНЧО

Дельфины свадьбы

Вокруг нас играют невероятно большие дельфины. Выпрыгивают из воды словно стрелы и с плеском падают обратно. По правде говоря, в океане их не так уж много. Должно быть, сейчас происходят их свадьбы.

Наша лодка понравилась им. и они держатся рядом.

Удивительное зрелище: пара дельфинов строго вертикально вылетает из воды. На миг они сливаются, как бы повисая над водой, а затем падают в разные стороны, вздымая вихрь золотых брызг. В воде они расплываются по одному в разные стороны. Не в воздухе ли свершается кульминация любовной игры? Что заставляет их так высоко подниматься над водой? Жажда простора? Или все это лишь некая “функциональность”?

Снимаю без остановки кинокамерой и фотоаппаратами. Лодку качает, и трудно поймать самые интересные моменты.

Я всегда любил дельфинов, но не выделял их среди других животных. Я не испытываю перед ними благоговейного трепета и не считаю их нашими братьями по разуму и творцами нематериальной цивилизации. Я считаю, что к жившим вообще не следует применять коэффициент интеллекта и не он должен быть критерием в борьбе за их сохранение.

Маленький воробей — самая глупенькая и некрасивая птица, но я могу на всю жизнь возненавидеть его убийцу. Человек должен щадить любое животное, а у природы брать только то и столько, чтобы обеспечить свое существование. Все, что берется сверх этого, воровство. Я, например, считаю бессмысленным вылавливать и перерабатывать в муку миллионы тонн рыбы, когда на земле есть еще резервы фуража. Трагедия моря заключается в том, что любой из его продуктов (за исключением некоторых деликатесов) достается нам дешевле тех, что мы выращиваем на суше.

Редко мне доводилось видеть за все дни нашей экспедиции такое ласковое море, как сегодня. Лодка идет сама, без нашей помощи.

Весь день идем одним и тем же галсом, а ночью на двойных стакселях. Только сейчас, когда наступило успокоение, я отдаю себе отчет в том, что мы выдержали страшные восемь дней. Честное слово, меня удивляет, как мы справились с тем штормом.

6 ИЮНЯ, ДОНЧО

Программа “Планктон” продлится 12 лет

Я люблю море, и поэтому с ним связана вся моя жизнь. Плавать я научился в пять лет, водолазом стал в семнадцать, инструктором по плаванию в восемнадцать.

Тогда же осуществил свои первые археологические экспедиции под водой. Впервые спас утопающего в тринадцать лет и т. д. Занимательным, а то и трагическим историям, связанным с моим пребыванием на море, если их начать рассказывать, не было бы конца.

Одна только программа “Планктон”, задуманная мною, длится уже шесть лет. Это были шесть лет сумасшедших хлопот и трех прекрасных экспедиций. Чтобы закончить программу в 1981 году, нам надо будет пройти Тихий океан и совершить кругосветное путешествие. А что будет потом? Уже сейчас я изучаю некоторые материалы и постепенно готовлюсь к экспедиции 1983 года. Мне еще много предстоит рыться в старинных книгах, пропадать в музейных стенах и глотать архивную пыль.

Но первая любовь не забывается, поэтому мы всегда будем помнить Черное море, то колоссальное перенапряжение сил, которое мы испытали, пересекая его. Мне кажется, что немало морей и океанов мы переплывем за свою жизнь, но никакое из них не будет таким "черным", как наше море. Мы многому в нем научились, и было бы лучше всего, чтобы мы никогда не приходили к концу плавания в таком обессиленном состоянии, как в тот раз.

Понятно, что океан страшнее. Огромные волны, сильные течения, ураганы, коралловые рифы, мели, скалы... но в Черном море есть свои специфические трудности для плавания. Хаос ветров. Шторм может продолжаться пять дней, а ветры в это время дуют в тридцати разных направлениях. После глубоких затиший налетают внезапные шквалы. Маленькая, но неприятная волна: быстрая и острая.

Не зря его называли Черным. Новороссийская бора знаменита как один из самых страшных для кораблей ветров.

6 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Хлопоты с радиостанцией

Моя должность на борту лодки определилась в тот момент, когда Дончо получил капитанский диплом. Я решила тоже сделать попытку поступить на курсы, но он остановил меня:

— Не может быть и речи об этом. Хватит одного капитана в семье...

И пошутил:

— С дипломом ты так заважничаеть, что некому будет заниматься делом.

Так я и осталась простым моряком. Скоро мы пришли к выводу, что в наши экспедиции мы должны брать радиостанцию, а значит, один из нас должен стать радистом. Выбор пал на меня. Я более музыкальна, чем Дончо, лучше его выполняю всякую ручную работу, так что выходило, что работа с радиоаппаратурой подходит мне более всего. Кроме того, Дончо, уверял, что мне проще будет выучить азбуку Морзе.

В предыдущее плавание я не сделала никаких успехов в своей новой роли радиста. Мы плыли, имея на борту аварийно-спасательную радиостанцию. Она автоматически включается на сигнал "SOS", но ее ручной генератор требует для запуска усилий десятка дюжих молодых людей, так что воспользоваться радиостанцией так и не пришлось. Самое большое мое достижение в Черном море — это попытка запустить антенну типа "бумажный змей". Он поднялся, сделал несколько плавных виражей, замер на мгновение, потом порыв ветра подхватил его, проволока лопнула, и змей исчез с наших глаз.

Сейчас мы снабжены такой же аварийно-спасательной станцией с ручным генератором.

Привод генератора может вращаться равномерно всего несколько минут. Когда обороты уменьшаются, сигнал почти исчезает. Я работаю на длинной волне 500 килогерц и на некоторых коротких. Я могу выходить в эфир сразу же после "SP" (минуты молчания). Передаю обращение ко всем судам, которые запеленгуют меня, оповестить Варну, что у нас все в порядке. У нас свои позывные, так что сообщение получается максимально сжатым. Наша антенна имеет высоту около пяти метров. Этого достаточно для того, чтобы мой сигнал приняло судно, проходящее вблизи. Помню, как на судне "В. Априлов" мы подключили нашу станцию к корабельной антенне и смогли связаться с Гибралтаром на приличном расстоянии, 30 миль.

А здесь? Сомневаюсь, что нас услышат. Едва ли в окрестном океане есть корабль ближе чем за пятьсот миль.

Одной рукой Дончо держится за румпель, генератор зажал между ног, а другой рукой вращает ручку генератора. Обливается потом. Мы не стали бы этим заниматься под палящим солнцем, но я помню о том, сколько людей тревожится за нас.

7 ИЮНЯ ЮЛИЯ

День рождения

Сегодня мои двадцать девятый день рождения. Дончо едва дождался его и разбудил меня в четыре часа. В руке у него бутылка шампанского. Как старательно он ее прятал! Я нарядилась в длинный белый халат и появилась из рубки словно привидение.

Море сегодня серо-голубого цвета. В небе медленно плывут небольшие облака. Вокруг царит покой. Каждой клеткой организма я ощущаю все, что меня окружает: море, ветер, облака и последние угасающие звезды. Пребывание между морем и небом сглаживает некоторые прежние резкие чувства. Даже не такой острой стала боль за Яну.

Может быть, действует инстинкт самосохранения? Не знаю.

7 ИЮНЯ, ДОНЧО

Питьевая вода под угрозой

Морская вода действует на все. Стальные предметы заржавели еще на первой неделе плавания. Правда, это не угрожает их прочности, ибо ржавеет только поверхность. Но пружины всех карабинов и автоматических карандашей пострадали сильнее. Не страшная потеря — у нас есть еще десять деревянных карандашей, а карабины я заменил шегелями. На металлических банках, па которые время от времени попадает соленая вода, появились ржавые пятна. Орехи пока в прекрасном состоянии. Сухари тоже — мы держим их в бумажных пакетах на дне нейлонового мешка. Маслины не портятся в рассоле. Но вот вода...

К нашему изумлению, крышки всех банок с питьевой водой вздулись. Мы открыли одну из них. Дурно пахнущая вода брызнула, как под давлением. Не можем найти объяснения этому; 1, но ясно понимаем затруднительность своего положения. Без еды, но с планктоном, мы продержимся долго, а без воды наших сил хватит лишь на несколько дней.

Можно попробовать пить испорченную воду, но не отравимся ли мы? Только этого нам и не хватает. Будем пить только кипяченую воду. Воду в баке с серебряными монетами, предохраняющими ее от порчи, пока трогать не станем, пусть остается в резерве. Дождь? Увы, в этом районе па него рассчитывать не приходится.

Мы в чем-то допустили ошибку, стерилизуя воду. Надо обязательно сохранить до конца плавания несколько банок, чтобы в Софии провести соответствующие анализы. В будущем нас ожидают еще две экспедиции по программе "Планктон". Они будут проходить в еще более тяжелых условиях, поэтому такие просчеты с водой впредь недопустимы.

8 ИЮНЯ, ДОНЧО

Наши головные уборы

Во время штормов выявились некоторые недостатки нашего снаряжения. В плавание по Тихому океану мы возьмем костюмы без "молний" и шерстяных манжет. "Молнии" быстро выходят из строя, а манжеты всегда мокрые. Хорошо еще, что Юлия догадалась пришить к курткам пуговицы.

Тропический шлем незаменим в этом путешествии. Мы сделали, кроме того, дюжину шапочек из белых полотенец, но от них мало проку — сильный ветер сразу сбрасывает их с головы. Мы уже потеряли таким образом две шапочки. Наши самоделки ни в чем не могут сравниться со шлемами. Они годятся только для того, чтобы фотографироваться в них под солнцем тропиков. Зная, что в такой шапочке выглядишь морским волком, я всегда, как только Юлия берет в руки фотоаппарат, напяливаю самую мягкую и напускаю на себя бравый вид. Позирование утомляет меня не меньше, чем ночная вахта, по я не могу отказать Юлии в удовольствии пощелкать камерой.

Море по-прежнему благоволит к нам. Ход отличный. Хорошо, если такая погода установится надолго.

Глава VI ВОЛНЫ, ПАРУСА

9 ИЮНЯ, ДОНЧО

Некоторые итоги

Опять спокойный день, располагающий к размышлению. Мысленно возвращаюсь назад и обдумываю все, что происходило до сих пор с нами в пути. Отъезд, шторм в Средиземном море, Гибралтар, буря на пути в Лас-Пальмас... Странно, каким бесцветным мне представляется сейчас Лас-Пальмас, а ведь там мы чувствовали себя счастливыми.

Что же осталось на душе от прошедших дней плавания?

Радостное чувство преодоленной усталости, удовлетворение от слаженной и четкой работы на судне. Пока мы выполняли все намеченное программой. Это далось нелегко.

Выдержав все. Юлия не утратила своей веселости, собранности и спокойствия. Думаю, что лучшего спутника мне не сыскать. К тому же Юлия идеальный рулевой. Она всегда точно держит курс и хорошо маневрирует парусами.

10 ИЮНЯ, ДОНЧО

Бедуин в океане

Сегодня заканчивается четвертая неделя плавания.

Я так вошел в ритм, что никакие лишения мне особенно не докучают. Голод и солнце я переношу, как бедуин в пустыне. Труднее избавиться от морской болезни. Не далее, как два или три дня назад, у меня были приступы слабости, головокружения. Это плохо. Надо научиться преодолевать подобные недомогания. В самые тяжелые часы, когда паруса полощутся на ветру и нас захлестывают волны, я берусь за ведро, вычерпываю воду, и морская болезнь моментально проходит.

Дни текут незаметно. Ничто не мешает лодке идти заданным курсом. Миля за милей остаются за кормой. Ветер ровный, он веселит наши сердца.

Заставляю себя не думать о суше и о нашей большеглазой улыбчивой Яне. В Софии я звал ее "Улыбашкой"...

Слышу по радио об увольнении в Западной Германии иностранных рабочих. Человек всегда ищет свое Эльдorado. Да только там ли вы ищите его, бесчисленные эмигранты? Можно ли найти Эльдorado вне родины? Нельзя.

10 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Шкатулка с драгоценностями

В такую погоду у меня бездна свободного времени. И когда мне лень что-нибудь делать "по хозяйству" или читать, я извлекаю па свет свою любимую шкатулку с драгоценными вещами.

Из сентиментальности, что ли, но я никогда не выбрасываю ничего, что сохранит для меня память о дорогих мне людях или интересных местах.

Когда приблизилось время отплытия, па нас посыпались мелкие подарки, которые, по мысли их дарителей, должны будут принести нам удачу: тут были значки, эмблемы, крестики, иконки, амулеты, талисманы... Я собрала все это в одну круглую коробку и сунула ее в мешок. Теперь я могу часами просиживать над своими драгоценностями. Яна просто запищала бы от удовольствия, увидев эти сокровища. Я подарю их ей, когда мы вернемся в Софию. Только вряд ли я смогу объяснить ей назначение каждой вещицы.

Все-таки странное открывается передо мной зрелище: расшитая японская сумочка из соломки, лист фиолетовой бумаги, свернутый в рулон — точь-в-точь карнавальная вещь, ручной компас, эмблема польского яхт-клуба, кусочек горной породы, завезенный с Кавказа, икона Николая Чудотворца, матерчатая звезда с шлейфом, по которому выведена надпись Love, эмблема научно-экспедиционного клуба, кусочек олова, монисто, маленькие металлические бутылочки, старинный примитивный крест с резьбой, ракушки, золотой ключик-зажигалка, изящная бельевая прищепка, странного вида древесный нарост, весь источенный насекомыми, пояс из стеклянных бусинок, стрела — принадлежность какой-то незнакомой мне игры, эмблема хиппи, множество разных пуговиц в одном экземпляре, ремешок от часов, пряжка от женского пояса, стеклянные пестрые шарики, желудь, боевой патрон, засушенный эдельвейс и вешалка для зонта.

Эта коробка ржавеет, как и весь металл на шлюпке. Поэтому я обмотала ее изоляционной лентой, и она приобрела вовсе загадочный вид. Не хватало только изображения черепа на крышке для полной таинственности. Дончо завидует мне, и я иногда разрешаю ему заглянуть внутрь коробки. Правда, ненадолго, чтобы уберечь сокровища от его саркастических комментариев.

Насладившись зрелищем своих драгоценностей, я прячу их обратно в коробку и с чувством превосходства иду на вахту сменить Дончо.

Вахты сейчас так приятны, что мы спорим за то, чтобы подольше их стоять.

10 ИЮНЯ, ДОНЧО

Опыты на самих себе

Продолжаем питаться зоопланктоном, испытывая к нему по-прежнему благоговейный страх. Мы рискуем собой, потому что многих видов и свойств планктона не знаем. Когда в 1970 году я в течение четырнадцати дней питался только им, я был первым человеком в мире, кто решился на такой эксперимент. Тот мой опыт позволил ответить категорически «да» на вопрос ученых, годится ли в пищу не переработанный зоопланктон. В 1972 году во время черноморской экспедиции мы с Юлией 26 дней питались зоопланктоном, включенным нами в специальную диету. И тогда у нас была опасность съесть какую-нибудь ядовитую разновидность, но этого не произошло.

В Атлантике нам придется питаться зоопланктоном целых два месяца. Причем определить состав микроорганизмов у нас нет возможности. Кстати, после нашей черноморской экспедиции подобный эксперимент был проведен у берегов Японии, но там он длился не более двух недель.

Что делать, как бороться за свое здоровье в центре океана, в тысяче миль от ближайшей суши, если некоторые виды планктона окажутся вредными? У нас есть радиостанция, но дальность ее действия невелика, потому шанс, что нас услышат, ничтожен. У нас есть ракеты и дымовые шашки, но я не верю, что их кто-то увидит в этом районе. Они могут стать эффективными лишь в оживленных водах ближе к берегу и могут послужить началом спасательной акции. И все же, если произойдет что-нибудь, где искать выход? Единственная надежда — паша судовая аптека и некоторое предварительное знание питательных свойств зоопланктона.

Есть еще одна опасность, связанная с этим родом пищи: в организме постепенно могут откладываться ядовитые вещества, действие которых начнется впоследствии. Но только через несколько месяцев после экспедиции «Планктон III» мы сможем дать точный ответ на этот вопрос.

И последнее: не окажется ли планктон вреден в сочетании с обычной пищей? Мы пробуем разные комбинации, и, если с нами что-нибудь случится, у нас останется один выход: перейти на рацион, состоящий из одного планктона. Правда, пока и этого мы не можем себе позволить, так как центральная часть океана небогата планктоном и мы не в состоянии наловить его в достаточном количестве. Нам приходится весь день забрасывать тяжелые сети, чтобы наловить его в нужных дозах. Сети к тому же сдерживают ход лодки, что совсем не в наших интересах. Итак, будем точно соблюдать программу и надеяться на самое лучшее.

11 ИЮНЯ, ДОНЧО

Комоды и мешки

Главное в плавании — порядок на лодке и правильная организация рабочего места. Хотя мы и составили списки уложенных в мешки вещей, они не особенно помогли нам. Во время шторма не бывает времени разыскивать ту или иную вещь в списках. Каждая мелочь стала для нас проблемой. Чтобы достать жизненно важные в тот момент предметы — веревку, топорик, клещи или отвертку, нам сначала надо было установить, что они находятся в списке № 4. Узнав номер мешка, нам нужно было еще найти этот мешок в огромной куче вещей.

Это был урок для нас. Мы поняли свои ошибки и решили найти для нужных вещей более удобные места. В Лае-Пальмесе мы все переиначили. Самые нужные предметы мы положили в «комодик», расположенный в «рабочей зоне», так, чтобы они всегда были под рукой. Возле мачты мы сосредоточили резервные фалы, шегели и все прочее, необходимое для управления парусами. Рядом с румпелем теперь всегда были карта, циркуль, линейка, нож, чашка и сети для ловли планктона. Вещи «переселились» на отведенные им места, и мы стали тратить гораздо меньше времени на их поиски.

Хорошая организация экономит силы и способствует хорошему самочувствию. Море заставляет быстро изжить хаос в быту. Чем тяжелее условия жизни, тем больше должно быть в ней порядка. Трудностям, возникшим на первом этапе путешествия, мы в немалой степени обязаны беспорядку на шлюпке. Система списков и мешков имела значение на берегу. Благодаря ей мы ничего не забыли. Тысячи мелочей мы предусмотрели и уложили их аккуратно, как в аптеке. К сожалению, аккуратность эта имела значение до первой бури.

Упаковка багажа на обычном судне несложна. Любой яхтсмен знает, что карты укладываются в специальный ящик, а консервы в сундук или специальные отсеки: каждому ясно, что важно обеспечить легкий и быстрый доступ к вещам, что нелепо в проходах и на полу устраивать склады, ибо в шторм после долгих поисков, набив себе шишек, вместо зубной пасты, которая тебе понадобилась, обязательно найдешь коробочку с амулетами. Любая яхта имеет специальные отделения для пищи, парусов, гнезда для посуды и плиты.

Но мы не на яхте, а на спасательной лодке, маленькой и тесной. Если нам нужно распаковать багаж, мы можем заниматься этим только на полу. И мы должны ходить по нему и спотыкаться об него. ОТенри уверяет: «Нет ничего смешнее упавшего человека, физиономии всех споткнувшихся одинаковы». Я с ним не согласен. У Юлии, когда она спотыкается, всегда разная физиономия. Неправда и то, что упавший всегда смешон. За три дня шторма у тебя становится жалкий и в буквальном смысле побитый вид. Нет, это зрелище не из веселых.

Больше всего мне ненавистен большой мешок VI. Мы оставили его на носу. До него можно добраться лишь ползком, а рыться в нем можно только в положении «вниз головой». Тысячу раз пожалеешь, что ушли в прошлое старинные дедовские комоды с выдвигающимися ящичками. Когда Юлия держит меня за ноги, рыться в мешке VI легко. Но если она стоит на вахте, то задача достать щетку для бритья или моток ниток для штопки парусов становится почти непосильной.

Вот один из выводов нашего плавания: потерпевший кораблекрушение может выжить в океане только при хорошей организации порядка на судне, мало того — при педантично строгой организации. Когда вещи находятся на своем месте, то есть там, где они доступны в любое время, тебя не покидает уверенность в себе, которая в аварийных и кризисных ситуациях остается главным фактором сохранения жизни. Отсутствие под рукой какого-нибудь шегеля или мотка веревки в нужный момент может круто изменить всю ситуацию плавания.

Есть большая разница между родным домом и спасательной лодкой, и не надо стараться сгладить ее избытком вещей. В этом я убеждался много раз. II каждая новая экспедиция свидетельствует, что в течение всего плавания мы используем всего несколько облюбованных нами предметов — одни и те же чашки, один и тот же чайник. Часть взятых вещей оказывается лишней, но бывает трудно определить заранее, какая именно часть. Поэтому приходится иметь резерв — двойной, тройной, даже после того, как просчитаешь все варианты, и самый худший в том числе. Как я мечтаю о путешествии с багажом, распределенным по шкафам, как на яхте! Глядя на нашу лодку, я вздыхаю о лакированных стенках вместо торчащих повсюду нейлоновых мешков.

Меня даже не раздражают остроты Юлии:

— Старьевщик!

Или ее возгласы нараспев:

— Ста-а-арые вещи, ста-а-ару одёжу покупаю!

С детства знакомый клич. Сейчас он заставляет меня вспомнить Софию. Удивительно, но именно этот возглас Юлии заставляет меня особенно остро тосковать по родному городу.

12 ИЮНЯ, ДОНЧО

Локомотив

Поднялся сильный ветер. Небо заволочло. Но дождя нет. Появляются огромные свинцовые тучи, которые в Черном море устроили бы потоп, но здесь на нас не падает ни капли. Приятно, что солнце не мучает нас.

Восходы и закаты прекрасны, но облака мешают определить местонахождение судна. За все пройденные 1900 миль я только однажды вычислял широту по Полярной звезде, да и то тогда только, когда за кормой уже было 1600 миль.

От Гибралтара до Лас-Пальмаса мы шли вдаль от берега при крепком ветре и сильном течении и ориентировались только по компасу. И вышли с большой точностью сначала к Алегранце, а затем к Лас-Пальмасу.

Вахтенный режим протекает вполне нормально. По очереди сменяем друг друга. Юлия помогает мне во всем и ни разу не уступила своей вахты. Сейчас я мог бы управиться со всем и один, но во время больших штормов ее помощь здорово берегла мои силы.

Пассат надувает паруса и гонит лодку со скоростью четыре узла в час. Это прилично для такого суденышка, как "Джу". Идем на гроте и стакселе с гиком. Стаксель тянет так сильно, что я прозвал его "Локомотив".

13 ИЮНЯ, ДОНЧО

Консервы под угрозой

То и дело приходится заниматься ремонтом или исправлением каких-то дефектов. Сегодня обмотал панты, чтобы не протирали и не рвали парусов и не пачкали нас масляной пропиткой. Вчера спускался в океан и чистил дно лодки. Оно сильно обросло ракушками, и от этого падает скорость.

Чистку закончил быстро, так как Юлия увидела акулу. В лодку я забрался с неторопливым достоинством-!, заставив понервничать Юлию. Вел себя глупо — не из-за риска, которого почти не было, а от того, что причинил беспокойство экипажу.

Планктона в океане стало значительно меньше. С большим трудом за несколько часов ловли мы собираем в сети граммов 100—120. Мы так и не привыкли к нему, он неприятен нам по-прежнему. Вообще с едой у нас стало плохо. Консервы портятся, и, чтобы есть их, надо так же мобилизовать волю, как перед чашкой планктона. Заметно, что мы покидаем пределы богатого планктоном Канарского течения. Скоро войдем в Экваториальное, и уловы наши станут еще скуднее.

У меня, знаменитого гурмана, пропал аппетит. Немного поев, уже чувствую тяжесть в желудке. Часто подташнивает. Или мы выбрали плохие консервы, или пора закрывать консервную фабрику "Родопы". Планктон тошноты не вызывает, значит, все дело в консервах.

Погода прохладная, а это создаст идеальные условия для работы.

Голод физический и голод энергетический

Вспоминаю Африку. Ее пески цвета охры и странные белые города. За внешней безмятежностью континента скрывается трагедия миллионов людей, обреченных на голодную смерть. Только за последние шесть лет пустыня принесла страшное опустошение. Каждый год она продвигается вглубь плодородных земель на 60 километров. Пески заносят результаты труда нескольких поколений. На континенте осталась только третья часть поголовья скота от существовавшего в лучшие времена. Десятки стран живут подавляющим большинством населения от богатых государств. Станет ли когда-нибудь планктон их пищей, спасущей от голода? В планктоне содержится белка в пять-шесть раз больше, чем в любой другой живой материи, обитающей в море или на суше. Принесет ли он насыщение миллионам людей? Сможет ли человек изобрести рентабельный способ его добычи или искусственного его выращивания? Борьба с голодом этой вечной проблемой Земли, ведется, конечно, многообразными способами. И на суше. И в морс. И если наша экспедиция укажет еще один путь, можно будет считать, что усилия наши вознаграждены.

Думаю, что в ближайшем будущем человечество будет заниматься не только проблемой ограничения распространения атомного оружия и проблемой разоружения, но также и проблемой распределения основных видов продовольствия. Международные организации должны будут заняться созданием системы контроля цен, совершенствованием техники изготовления пищи. Для этого надо будет использовать все новейшие достижения техники, биологии, химии.

В Гибралтаре, читая газеты, я был поражен, как много в них пишут об энергетическом кризисе, о его тяжелых последствиях. Об этом пишут уже два года. Модная тема. Фотография голландского молочника, который после вздорожания бензина запряг в свой автомобиль лошадь, обошла мировую прессу. За два года об энергетическом кризисе написано больше, чем о голоде со времен Гутенберга. Когда в 1974 году в Эфиопии умерло с голоду 200 тысяч человек, то об этом появились лишь короткие сообщения. Своя рубашка ближе к телу — такова мораль западного мира, мира торгашей, барышников, гешефтмахеров!

14 ИЮНЯ, ДОНЧО

2000 миль

Средняя скорость нашей лодки 65 миль в сутки. Это гораздо больше, чем мы ожидали. При хорошем пассате мы однажды прошли за 12 часов 55 миль. Это наш рекорд. Причем ни одна волна тогда не захлестнула лодку.

Теперь мы сменяем друг друга на вахте каждые два часа. Дольше невозможно вынести под палящим солнцем. Идем только па гроте и стакселе на гике.

Лодка идет на фордевинде. Курс, требующий самого большого внимания. Чуть отвлечешься, начинает плескаться стаксель. И совсем страшно, когда грот с треском перебрасывается с одной стороны на другую. Если бы ветер был сильнее, мачта наверняка опрокинулась бы.

Планктона становится все меньше. Вода в темноте фосфоресцирует слабо.

Ночью мы спим. На двойных стакселях лодка идет сама. Так будет продолжаться еще несколько дней. Здесь самая "безлюдная" зона Атлантики. Здесь не проходят морские пути. Почти не водится рыба. Ближайшая суша находится от нас в 900 милях. Сильнее, чем сейчас, мы и не можем быть оторванными от мира.

Питаемся мукой. Изредка позволяем себе полакомиться орехами, сухофруктами и маслинами.

Я уже втянулся в эту жизнь и могу плыть как угодно долго. Худею умеренно. Отдых не расслабляет меня. Хроническое недосыпание иногда вызывает легкое недомогание, но сплю, как всегда, крепко, и сон восстанавливает силы.

Великолепная вещь — двойные стаксели. Плохо только то, что они затягивают нас южнее, чем мы хотели. Так мы можем очутиться не на Кубе, а па Барбадосе. Днем мы корректируем отклонение, вызванное бесконтрольным движением в течение пятичасового ночного сна. Так как нас сносит, мы можем позволить себе идти с двойными стакселями только по пять часов в сутки. Хорошо тем, кто путешествует без точной программы. Отправляются из Лас-Пальмаса, целиком полагаясь на ветер. Он несет их прямо к Мартинике или Барбадосу, Плынут только на двойных стакселях. Л мы стремимся к Саптыяго-де-Куба, расположенному севернее Барбадоса на 1200 миль.

14 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Дела человеческие

Прошли двухтысячную милю. Меня это очень радует. Я почувствовала приближение берега. Через месяц или полтора будем на Кубе.

Из Софии мы отправились 30 марта. С тех пор мы не видели Яну. Скорее, скорее навстречу ей! Я все время поглядываю на табло лага. Вокруг нас бесконечный океан, и только медленно ползущие цифры лага свидетельствуют о том, что мы движемся к берегу.

Дончо советует мне не очень доверять прибору, ибо он показывает иное расстояние, не совпадающее с реальным. А вычислить поправку к его показаниям сложно. Я немного обиделась на Дончо, потому что люблю этот счетчик расстояний. Почему же нельзя ему верить, спорю я с Дончо, если лаг показал 702 мили на дистанции между Гибралтаром и Лас-Пальмасом, допустив ошибку лишь в две мили? Да, говорит Дончо, но там поправка совпадала со скоростью течения в том районе. Здесь же течение иное, и отклонение в показаниях лага может быть каким угодно. Дончо не может изменить моего отношения к прибору.

Но Дончо пренебрегает лагом только на словах: когда сломалась планка, на которой был закреплен лаг, он забегал, достал инструменты, полдня пилил, строгал, стучал молотком, а когда починил ее, то выглядел таким счастливым, будто спас упавшего.

В море то и дело попадает разный мусор. Куски краски, винная бутылка, а через два дня нашлась и пробка от нее. Какие-то сети зацепились за лаг. Наткнулись мы на пластмассовое ведро, выудили и детский пояс.

Все эти мелочи невольно связывают нас с людьми, не дают нам чувствовать себя до конца оторванными от них. Мы назвали их одним термином — "Дела человеческие". Даже о плывущей в океане бутылочной пробке часами можно выдумывать увлекательные истории.

15 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Как велик океан?

Каждый день видим морских ласточек, не менее одной в день. Но мы еще очень далеко от суши. Наши координаты сегодня 20° сев. шпроты и 37° 30' зап. долготы.

Ален Бомбар в своей книге возмущается тем, что в одном пособии для терпящих кораблекрушение сказано, что птицы всегда предвестие суши: одни виды, мол, встречаются в ста милях от берега, другие — в шестидесяти... Это неверно. Может быть, большие скопления пернатых и являются признаком близости суши, но не отдельные их представители, которых, как и Бомбар, мы видим каждый день. Возможно, что это те птички, которые не приняли к сведению упомянутое пособие.

Чаще всего над нами кружит красивая белая птица с тонким, длинным, изящным хвостом. Видели мы и рыбку-лоцмана, но она быстро спряталась. Появилась она очень интересно. Дончо вдруг стал крутиться по палубе, всматриваясь в воду. Затем замер, уставится в одну точку, и лицо его засветилось.

— Юлия, ну-ка проверь, не появилась ли рыбка-лоцман?

Я бросилась на нос лодки и растянулась на палубе, свесив голову вниз. И правда, рыбка-лоцман плыла впереди нас. Пестрая. Чуть больше ладони. Казалось, что она не плывет, а ее толкает вода. Я не могла оторвать от нее глаз. Во всех книгах мореплавателя всегда сопровождает рыбка-лоцман, а мы до сих пор плыли сиротами. Теперь у меня появилось чувство, что в нашей экспедиции все встало на свои места. Только я представляла эту рыбку крупнее.

Вообще мы встречали много разных вещей, все, кроме кораблей. Когда мы уезжали, нас часто спрашивали, сколько кораблей нас будет сопровождать, будет ли за нами следить самолет. Не знаю, как могли прийти им в голову подобные вопросы.

С тех пор как мы вышли с Канарских островов, мы не видели ни одного судна. Пустыня — так можно назвать эту среду. Оказалось правдой, что океан бесконечен.

16 ИЮНЯ, ДОНЧО

Вот я и увидел знаменитые саргассы. Те самые, которые останавливали корабли Колумба. Нас они не остановят, но повредят лаг. Это очевидно, и я смиряюсь с мыслью об этой утрате. В море глупо тратить силы и нервы на борьбу с тем, что неизбежно. И все-таки каждые десять минут я чищу лаг от водорослей. Мы очень привыкли к нему, и нам бесконечно приятно смотреть, как нарастает число пройденных лодкой миль. Юлия разговаривает с ним, как с ребенком. Лаг стал ее любимой вещью.

Сегодня мы еле-еле движемся. Производим разные манипуляции с парусами. Я даже натянул стаксель от кормы — никакого результата. Мы сняли его кинокамерой — так он хорошо выглядел. И только.

Ветер северо-восточный и тащит нас на юг. Мы, конечно, пытаемся корректировать курс, но на этой лодке трудно держать одно и то же направление. За тридцать дней плавания все дефекты как на ладони, в том числе просчеты в системе управления лодкой.

Заполняю листок с точным описанием недосмотров и всех уязвимых мест, которые потребуют изменений.

“Джу V”, на которой мы будем плыть в Тихом океане, будет улучшенным вариантом обычной спасательной лодки, и если он окажется удачным, то будет принят во внимание учреждением, существующим под эгидой Конвенции по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-60).

Смены вахты мы продолжаем по-прежнему делать каждые два часа. Этот режим оказался удобнее.

Сегодня, разрезая вдоль резиновый шланг, чтобы обмотать им ванты, я глубоко порезал указательный палец. Кровь долго не останавливается. Это неприятно, потому что раны, особенно на руках, заживают медленно. Необходимость постоянно что-то делать и соленая вода могут сделать из царапины проблему.

Несмотря на предостережения “знатоков”, транзистор прекрасно работает на коротких волнах. Средние и длинные не слышны. Преобладают американские, английские и французские станции. Реже встречаются советские. Болгарских мы не слышали ни разу, несмотря на все наши старания. Одно из наших любимых занятий — пытаться отыскать болгарскую станцию.

17 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Прибыть вовремя

Жалко упущенной возможности послать сообщение на родину. Первый корабль, который мы увидели в течение месяца, блеснул огнями и исчез за ночной горизонт. Я могла бы связаться с ними по радио, но в темноте не сумела поставить антенну. Мы пересекаем траверз Нью-Йорк — Кейптаун. Может быть, завтра мы снова увидим судно, но было бы лучше, если б оно заметило нас.

Сегодня я в первый раз свалилась за борт — я не была привязана, но все же успела схватиться за леер и, тихо ругая себя, залезла обратно в лодку.

Не повезло и Дончо. Когда он в очередной раз нырнул в акваланге чистить лодку, по нему проехала какая-то тварь. На теле у него появились красные пятна. Рука вспухла и онемела. Похоже, что тварь была не хищной, а просто любопытной.

Признаться, в океане мы не встретили ничего, что пугало бы нас, кроме разве что акул среднего размера. Очень жарко, и мы купаемся. Мои мечты сейчас самые скромные — хотя бы немного облаков, которые смягчили бы свирепое тропическое солнце. Что бы мы делали без тропических шлемов? Мы не расстанемся с ними, только что не спим в них. Надеваем рано утром и снимаем с заходом солнца.

Дни становятся невыносимо длинными. Решаю устроить стирку. У меня есть два способа. Первый, который нравится мне больше и которым, к сожалению, я не смогу воспользоваться в Софии, заключается в следующем: привязываю вещь к веревке и оставляю ее за кормой. После получасового полоскания в океане можно считать вещь выстиранной, вытаскиваю ее, чтобы сушить. Конечно, существует опасность для нее быть съеденной акулой, но при наших гардеробах с большим запасом одежды мы переживем любую потерю.

Сегодня мы плывем так медленно, что нет смысла бросать белье в океан. Достая ведром воду, выжимаю из тюбика мыльную пасту и начинаю тереть и полоскать белье. Занятие не по мне, и, чтобы не было скучно, я вслух говорю сама с собой и работаю рунами изо всех сил. Пена летит во все стороны. Мне хочется, чтобы Дончо обратил внимание на то, как прилежно я работаю, но он так глубоко задумался, что я оставляю его в покое.

Продолжаю свои упражнения. Поласкаю прямо за бортом. Это вовсе не проблема, так как палуба возвышается всего на 60 сантиметров над водой. Тарелки тоже мою в море. Когда они высыхают на воздухе, все дно их затянута солью. На нашей одежде столько соли, что она не может просохнуть. Соль впитывает в себя влагу из воздуха, поэтому одежда всегда волглая.

Соль и соль повсюду: на волосах, одежде, на губах оседают крупинки соли.

Я удивляюсь, каким спокойным и бодрым выглядит Дончо. Меня порой охватывает такое сильное желание прибыть в конечный пункт, что я не нахожу себе места и занимаю себя, чтобы время шло быстрее, бесполезной деятельностью — переставляю багаж, просматриваю еще раз содержимое мешков. Бессмысленно? Но зато успокаивает. А Дончо, даже несмотря на то, что солнце печет немилосердно, сидит неподвижно на палубе и смотрит в океан. Он может это делать часами, не обращая на меня внимания, будто меня здесь нет. Но подходит ко мне всегда вовремя, в тот момент, когда мне хочется почувствовать близость другого.

18 ИЮНЯ, ДОНЧО

Райская птица

Ветер изменил направление на юго-восток. Это то, о чем мы мечтали. Если он не переменится в течение трех-четырех дней, то мы сможем выйти точно к пашей пели. Нужны три-четыре дня хода на север-запад...

У нашей экспедиции довольно трудная задача. Обычно все пересекающие Атлантический океан беспрепятственно плывут к южным островам. Мы же рвемся к Кубе, которая расположена на 1200 миль (то есть на 2100 километров) западнее их. Такое же расстояние пролегло между Софией и океаном.

Мы очень довольны, что плавание проходит без повреждений лодки, и жалею, что не можем об этом поведать миру. Бездействующие аккумуляторы да лопнувшее стекло газовой лампы, склеенное усилиями Юлии, — вот все наши потери.

Вчера мы видели райскую птицу. Белую. С длинным хвостом. Она прилетела после захода солнца, и мне не удалось ее снять. Вспомнил стихотворение об этой птице, которое выучил в шестилетнем возрасте. Подлинное имя хвостатой птицы “фазтон”, но мы все же будем звать ее райской.

Удивительно чувствительное существо человек. Как хорошо я ощущаю зависимость моего настроения от силы и направления ветра. Сейчас, когда дует этот добрый пассат, во мне все поет.

19 ИЮНЯ, ДОНЧО

Меланхолия Юлии

У Юлии приступ меланхолии. Она уставилась в одну точку океана, а глаза ее полны слез. Рядом с ней лежит фотография Яны.

Я и раньше заметил, что с ней начинает что-то происходить, потому что все чаще она останавливается у лага, который как бы замер на месте, показывая, что до Кубы нам плыть еще 1800 миль. Многовато...

Произвожу специально для Юлии самые скрупулезные расчеты и убеждаю ее, что на Кубе мы окажемся 13 июля. Вижу на ее лице признаки хорошего настроения. А еще через час она начинает удивляться сама, как могла в такую хорошую погоду заразиться меланхолией.

А ведь погода действительно прекрасна! Дождь!

Еще недавно он лишь накрапывал и был похож скорее на туман, а сейчас уже идет ливень — впервые за много дней плавания. Я мгновенно разделся и стал намыливаться специальным тропическим мылом, чтобы смыть соль. Но, как и всегда случается в душе, нужна вода, то есть дождь, прекратилась, и пришлось мне ополаскиваться морской водой. Юлия развеселилась еще больше, а я чувствую себя обманутым и мелочно сержусь на небеса.

После дождя ветер стал слабее и направление его строго не ориентировано. Нам достается много работы. Приходится то и дело менять положение парусов, сделали по крайней мере тридцать поворотов.

Сменить галс при наших снастях особенно хлопотное дело. Сначала разворачиваемся кормой к ветру и ждем, чтобы “Джу” набрала скорость. Затем убираю грот, вытаскиваю рейку, стиснутую между вантами (так грот лучше ловит ветер). Перебрасываю ее на другую сторону, на другой крюк. Поднимаю грот, и снова набираем скорость. Юлия отпускает шкот и поворачивает румпель. Хватаю фалинь, привязанный к концу рейки, начинаю тянуть с силой вниз и в сторону. Рейка делает полукруг вокруг мачты. Парус оказывается с другой стороны лодки. Юлия привязывает шкот к противоположному борту. Я подбегаю к ней, натягиваю шкот и... забываю о стакселе. Перед тем как начать подобную операцию, я всегда стягиваю его, закусив фал, убираю гик, сворачиваю и привязываю стаксель так, чтобы он “не играл”.

Сложная процедура? Но я еще коротко описываю ее, некоторые подробности опустил. На деле все довольно просто, и жаловаться на такую работу не приходится. Она входит в распорядок нашей жизни.

Океан изменил свой цвет. Появилось множество оттенков, которые придают ему какую-то особую красоту.

Сейчас он бело-голубой, будто в него подмешали молока.

Ветер умеренный. Идем прямо к Кубе.

Мы немного озабочены тем, что прибудем раньше, чем это намечено по графику, и тогда опередим тех, кто собирался встречать нас. Хорошо было бы известить их. Хорошо бы встретить корабль. До сих пор мы вступали в прямой контакт лишь с одним кораблем, советским, и то перед Лас-Пальмасом. Решаем написать депешу с указанием “точной” даты нашего прибытия в Сантьяго-де-Куба. Привязываем ее к грузу (скоба) и держим под рукой, чтобы в нужный момент ее можно было бы швырнуть на палубу подошедшего близко судна. Так мы делали в Черном море.

19 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Пятилиние

Очень странные здесь закаты. Багровое солнце перед тем, как опуститься в море, прячется за тучи, нависшие над горизонтом. Зрелище, сжимающее сердце и вызывающее страх перед грядущей ночью... Но она проходит, как обычно, тихо. Просто здесь такие закаты.

Ночи непохожи одна на другую: то плывут огромные облака, то покажется и сразу же исчезнет луна, чтобы дать место звездам, а то вдруг небо потемнеет и все утопает в густом мраке. В самые темные часы с нетерпением жду рассвета.

Мне кажется, что вокруг нас разлита абсолютная красота, но мы почти что глухи к ней. Она не сделала нас одухотворенней, наоборот, мне кажется, что чувства стали грубее и менее восприимчивыми к красивому. Может быть, существует инстинкт самосохранения чувства от натиска красоты? Не знаю. И надеюсь все же, что в подсознании она запечатлется, несмотря на наше внешнее к ней пренебрежение.

Когда пассат утихает, в небе выстраиваются ряды облаков в пять линий, начиная от горизонта. Они похожи на строй средневековой пехоты. Мы назвали это явление “пятилинием”.

Сейчас пятилиние передвинулось в другую часть неба, облака уже не белые, а серые, топчутся над нами, не хотят выпускать из своей тени.

Время практически перестало существовать для меня. Оно остановилось. Чувствую, что и мое существование стало каким-то иным, как бы лишенным прочной опоры. Приступы грусти накатывают на меня, и я надолго умолкаю. Дончо замечает мое состояние. К счастью, он не поддается меланхолии и старается поднять мое настроение.

20 ИЮНЯ, ДОНЧО

Семь плюс пять невзгод

“No problema!” — так любили мы говорить в Гибралтаре и Лае-Пальмасае. “Все в порядке”. Это выражение часто употребляли докеры и администраторы. У них мы его и подслушали. Нечто вроде “о'кэй”.

No problema не имеет в нашем языке аналога. Это выражение не переведешь словом “пустяки”. Это скорее деловое обязательство, уверенность, что никто тебя не подведет. Вот нас никто пока и не подводил. No problema! Важно было войти в ритм и не сбиться с него.

Сейчас, делая эту запись в дневнике, вспоминаю, что забываю систематически фиксировать все помехи в пути. Называю все подряд: голод, солнце, качка, теснота, незащищенность лодки от волн, отсутствие киля, плохие консервы, тоска по Яне и обществу.

Все ли это?

Прибавлю еще чувство одиночества, страх, отсутствие удобной постели и возможности вымыться пресной водой и т. д.

Были и другие отрицательные факторы, но сейчас они не приходят в голову. Значит, они не являются первостепенными.

Завтра составлю список того, что нам нравится, что следует отнести к положительным факторам путешествия. А теперь пора менять положение парусов.

Все чаще появляются птицы. Но это не признак соседства суши. О ней мы знаем следующее: наши координаты 19°20' сев. широты, 45°10' зап. долготы, то есть остается пройти около 1800 миль.

Шторм. Дуй, ветер, дуй!

Ветер нарастает, поднимая сильное волнение. Он подхватывает “Джу”, и шлюпка буквально распарывает поверхность океана. Нас лихорадит, как на соревнованиях. Хотим побить собственный рекорд — 95 миль за сутки. Волны захлестывают, и я усиленно работаю ведром.

Лететь по таким волнам в пене брызг не только огромное удовольствие, но и немалый труд, требующий мастерства. Каждую волну надо встретить, повернув корму под определенным углом, одновременно наблюдая за тем, чтоб не спутались паруса. Если волна идет сбоку, надо успеть развернуться к ней носом. Несмотря на нашу ловкость, нас заливаает, и все же до восьми утра мы прошли 97 миль. Рекорд перекрыт на 2 мили.

Море “оживает”. Мы видели двух черепах и много водорослей. Все время встречаются жестянки, стеклянные и пластмассовые бутылки, куски нейлона, доски.

Записываем все, что встречаем. В Софии обработаю данные по созданной мной же методике, чтобы рассчитать степень загрязненности разных районов океана.

21 ИЮНЯ, ДОНЧО

“Летучий голландец”?

Очень сильный ветер. Лодка просто летит. За следующие 24 часа — с шести утра до шести утра мы прошли 100 миль. Bravo, “Джу”!

Сегодня попробовали первую океанскую рыбу. Летающую. Она упала на палубу “Джу”, и мы ее съели. Она была сантиметров 15 длиной и оказалась вкусной.

Кроме планктона, мы не употребляем другой белковой пищи. Мясные консервы уже никуда не годятся, и мы наложили на них запрет. Рыбу мы не должны ловить — таково было наше решение, к тому же я не люблю это занятие.

Вчера ясно видели на горизонте корабль. Вел он себя странно. Показывал нам то борт, то нос, то корму. Похоже, что судно рыболовное. Но ведь этот район беден рыбой. Юлия уверяет меня, что это брошенный моряками корабль, ей очень хочется встретиться с “Летучим голландцем”, потому что именно она якобы лучше всего знает такие суда.

Я размахивал болгарским флагом. Бил в ладоши. Юлия приготовила письменные депеши. Но корабль не заметил нас. Или сделал вид, что не заметил. Нам не удалось прочесть его название и узнать его национальную принадлежность — было далеко.

Завидев судно, мы решили сделать невозможное и заставить работать нашу радиостанцию. Я крутил генератор, Юлия трясла аппаратуру. Мы засекали конец интервала молчания и подавали сигналы, чтобы этот корабль или любой другой “сосед” услышал нас. Но все было напрасно. На нашу станцию явно нельзя надеяться, если нас не слышал и этот траулер. Причем меня не покидает ощущение, что станция в полной исправности. Досада берет, что мы упускаем реальный шанс успокоить близких и сообщить друзьям, что встречать в Сантьяго нас следует числа 15-го.

Да, Юлия, мы будем там 15-го...

Ура! Сегодня пройдено 96 миль. Не стоим на месте.

2700 миль позади. 1700 впереди.

22 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Успех не зависит от везения

Повторяю: Дончо из тех людей, которые рождены для своего времени. Он гармонично вписывается в наш мир. Он радуется только тому, что имеет. Умеет ограничивать себя во всем. Поддерживает тех, кому плохо. Не щадит себя в деле. В задуманных планах не останавливается, даже если ему возражает большинство. Я доверяю ему целиком и как капитану и как человеку. Доверяю хотя бы потому, что все задуманное им всегда выполнялось, и всегда он был начинщиком в каждом деле.

Если Дончо решает что-нибудь сделать, он бросает на это всю свою энергию. Его "результативность", его успех не связаны с везением. Им двигает вера в свое дело, и он добивается победы. Он всегда рассказывает всем о своих планах подробно, не скрывая ничего. Почему многие так часто боятся делиться своими замыслами, особенно планами на будущее? Боятся ли завистников или подвержены суеверному страху?..

Замечаю, что мы с Дончо общаемся гораздо больше, чем в предыдущей экспедиции, и не устаем друг от друга.

22 ИЮНЯ, ДОНЧО

Шестьдесят гвоздик

Незадолго до отплытия в Варне нам преподнесли букет из шестидесяти гвоздик — символическое пожелание завершить плавание за 60 дней. Это шутовское напутствие, помню, тогда рассмешило нас, тех, кто дарил гвоздики, и даже цветочницу — оно показалось несерьезным. А теперь я чувствую, что у нас есть шансы выполнить это пожелание.

Рассчитываю, что время, затраченное на переход через Атлантику, окажется на уровне, какого достигла бы современная яхта.

Нашими приличными результатами мы обязаны непрерывным вахтам, которые несем в последние дни. Двойные стаксели используем в редкие часы, не надо забывать, что они сносят нас на юг.

Волны по-прежнему высоки и так же регулярно захлестывают лодку. Утром одна из них смыла наш завтрак. Чашка с планктоном исчезла мгновенно, как в мультфильме.

Еще немного, и мы окажемся на 20-й параллели, на широте Сантьяго. До конца плавания надо держаться ее. Трудная задача, но, часто меняя галс, мы справляемся и с ней.

Солнце, скрытое за вуалью легких облаков, смиряет свой пыл. Для нас каждый такой нежаркий час в радость. В рубке становится прохладнее, и тогда там можно спать даже днем.

Глава VII ПАССАТЫ

23 ИЮНЯ, ДОНЧО

Экипаж улыбается даже во сне

Мы прошли две трети пути. Сейчас наша средняя скорость 70 миль в сутки.

Несколько дней я занят бухгалтерией по форме: Д и К. В графу Д (дебет) я записываю разницу: семьдесят минус пройденное за день расстояние, если оно оказывается меньше семидесяти, а в графу К (кредит) превышение над семидесятью. Сегодня мы накопили запас в 50 миль. Это означает, что десять дней мы можем прибавлять к своей скорости по 5 миль. С 14 июня мы проплыли 700 миль. 77 миль в сутки. Молодец, "Джу"!

Северо-восточный ветер помогает нам.

Курс 295°.

Программа-максимум: к концу июля пройти 2300-ю милю и за последующие 14—16 дней последнюю тысячу. Большого от нас ждать не следует.

Еще раз бросаю взгляд на вздувшиеся консервы и злюсь на себя, что поверил гарантийному сроку сохранности. В следующую экспедицию следует брать консервы, приготовленные по нашему заказу. А сейчас мы съедаем по одной банке абрикосового компота в три дня. Сказочное блюдо. Кроме него, иногда сухари и маслины. Питьевая вода в банках испортилась. Причина мне точно не известна, но думаю, что в банки попал воздух — плохая герметизация. Воду мы кипятим и пьем чай — по 1,2 литра в день на человека. Это в два раза ниже нормальной нормы, но так было предусмотрено нашей программой. Пресной водой для мытья не пользуемся, что дает нам возможность проверить тот минимум, которым может обойтись человек на море при чрезвычайных обстоятельствах.

Пассат стал мягче, и океан ведет себя немного спокойней. Лодку не заливают. Но волны, которые поднялись в последние дни, произвели на нас такое впечатление, что в воспоминаниях волнение Черного моря представляется совсем пустяковым.

Юлия проснулась, и я вижу, что она улыбается. В последние дни она чувствует себя лучше. Веселость вернулась к ней, и она улыбается даже во сне.

Мы страшно исхудали, но сил у нас много. Кажется, что можно плыть дальше и пересечь Тихий океан. Наша худоба нас не смущает, это в порядке вещей.

Проверяя динамометрию мышечной силы, устанавливаю, что она сократилась на 25 процентов. Впрочем, чтобы это понять, не обязательно делать измерения. Руки Сталине так сильны. В коленях появилась легкая дрожь. Это оттого, что ноги явно мало двигаются. Мы редко находимся в стоячем положении — стоять просто негде. Ноги не имеют прочной опоры, и большинство двигательных усилий передается через мышцы рук.

Сердце работает как часы. Пульс нормальный — 60 ударов в минуту. Температура тела и у меня и у Юлии не отклоняется от 36,5°.

Итак, мы полностью акклиматизировались.

Никаких следов морской болезни.

На душе весело. Морской пейзаж поднимает тонус. Не в нем ли кроется причина моей любви к путешествиям?

23 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Южный Крест

Насколько богаче жизнь Атлантики по сравнению с Черным морем! Конечно, мы не встретили в ней классического "Летучего голландца" или морского дьявола, но ежедневно видим необыкновенных птиц, водоросли, летающих рыб, а в начале путешествия и разнообразные суда, среди которых выделялись парусники — вольные скитальцы морей.

Вечером мы лежим под нависшим над нами сверкающим южным небом, лежим под Полярной звездой и Южным Крестом и говорим о Яне, друзьях, будущих экспедициях, о софийских улицах, о Созополе. Это лучшие наши часы.

Южный Крест меня разочаровал. Я думала, что он состоит из тысячи маленьких звездочек, непрерывно мерцающих, от чего крест должен быть большим и сияющим, рассеивающим свет по всему небу. Ничего подобного. Большая Медведица куда внушительней. Южный Крест сострит из четырех звезд. Если их крест-накрест по две соединить прямыми линиями, то и получится крест, скошенный в одну сторону.

Есть звезды, которые я люблю больше других, и я сочинила о них песенки. О многих звездах, о Полярной, о Сириусе. Южный Крест мне не понравился, и моей песни о нем нет.

Небо я знаю наизусть. Я столько дней глазела на него, что хорошо усвоила, в какое время появляются звезды, откуда восходят и куда заходят. Глядя на них, я представляю, что Яна рядом, и рассказываю ей о звездах. Представляю, как она будет удивляться, как будет задавать свои наивные вопросы: что за люди живут на звездах? Есть ли у них маленькие дети? Много ли там детей?

24 ИЮНЯ, ДОНЧО

Снова саргассовы водоросли. Опасности. Ураган.

Всю ночь не сомкнули глаз. Поднялся сильный ветер, и "Джу" полетела по волнам. Я спутал фалы и стаксель, и снасти загремели, как пушки. Испугался, что стаксель порвется. Неожиданное усложнение в управлении, а я думал, что знаю все.

Вокруг поле саргассовых водорослей. Они радуют глаз, но оплетают лаг. Несколько дней подряд мы пытались счищать их, но скоро бросили это занятие. Идем без лага.

Ветром сдуло карту западного побережья Гаити. Когда достигнем этого района, мы даже не будем знать, где находятся маяки. Придется уподобиться Колумбу и его сподвижникам, которые продвигались вперед буквально на ощупь. Разница лишь в том, что его парусники были быстходнее. Их скорость равнялась десяти узлам против пяти наших.

Потеряли мы и подробную карту прибрежных вод острова. У нас есть несколько общих лоций и карт Атлантического океана, и мы будем по ним сверять наш курс. Обидно то, что эта участь постигла нас на самом последнем этапе нашего плавания. Если мы увидим маяк, то не сможем определить свое местонахождение. Таким образом, слепая стихия лишила нас самого надежного способа ориентации.

Приближаемся к финишу.

Зубрю, как школьник, грозящие нам опасности.

— Ураганы — согласно справочникам в июне их бывает примерно 26, в июле — столько же, а в августе — уже 84. Надо спешить. В августе риск увеличивается более чем в 3 раза.

Коралловые рифы — постараемся держаться подальше от берега, так спокойнее.

Банки, скалы, мели и прочее — на нашей карте отмечены, но не все они снабжены маяками. Это тупые диктаторы Гаити виноваты в плохом навигационном оснащении острова.

Грусть и печаль овладели мной, когда узнал я по радио, что умер Астуриас. Последнее его произведение, которое я прочитал, — это "Глаза погребенных". Гораздо больше нравится мне "Сеньор Президент". Эта книга открыла новую эру в истории южноамериканской литературы.

Худею. Десны кровоточат. Воспалились веки. Изнемогаю от жары и испепеляющих лучей солнца.

Из-за повышенной влажности и постоянного сидения у меня обострился геморрой. Это неприятно, потому что прикорнуть мне днем негде — рубка, пока не наступают сумерки, превращается в кромешный ад.

Надеюсь, что хуже не будет. Морская качка меня уже не мучает. Слабость, которую я испытывал вначале, исчезла. Похоже, что это последствия ограничений в еде.

Вот и сегодня после вахты я был утомлен, но через два часа сна обрел хорошую форму.

Жизнь представляется мне в радужных тонах. Ничего, что столько времени мы не ходили по земле и отвыкли от людей. Меня не особенно страшит то, что я, возможно, утратил способность к общению. Сейчас я гоню подобные мысли и думаю только об успешном завершении экспедиции. Если я по кому и скучаю, так это по болгарам, а на родину мы вернемся не раньше, чем через два месяца.

У меня нет особого интереса к чужим землям. Окажись мы вдруг в порту, я (если бы мне представилась такая возможность) тут же вновь вышел бы в море, и выбрал бы путь подлиннее, направившись, скажем, к Огненной Земле или Паго-Паго.

25 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Любчо и Ганчо

Сегодня я принялась штопать джинсы Дончо. Могу часами заниматься этим, не раздражаясь. Похоже, что человек в разных условиях по-разному реагирует на одни и те же раздражители. На суше — одно, а в море — другое. То, что в Софии нервирует меня, здесь даже успокаивает. Взрывы редки. В плавании мы значительно уравновешеннее, хотя уровень напряжения гораздо выше.

После штюпки я нашла себе другое дело. Впрочем, для нашего теперешнего положения это не проблема: мы постоянно чем-нибудь заняты. Уборка — неиссякаемый источник деятельности. Мы поленились выбросить грязные вещи, и лодка безвозвратно потеряла свой лоск. Откуда еще появляется мусор, не знаю, но на палубе всегда неопрятно. И это несмотря на то, что тонны воды омывали ее.

Когда я поднимала доски, то увидела на одной надпись “Любчо”, а на другой — “Ганчо”. Я ощутила не только чувство радости, но и теплоту рук и сердец ребят, выведивших свои имена. Догадываются ли они, как нас это тронуло, как нам это помогает?

Так же согрела нас записка со словами “Счастливого плавания!”, которую я нашла в кармане своей куртки. Положили ее, вероятно, женщины, шившие наши костюмы.

В последние дни я часто развлекаю себя музыкой. Ловлю Париж и Лондон на коротких волнах. По приемнику узнаю и СМТ*. Сегодня я слушала Пассакалию до минор Баха. Среди ветра и волн это было истинным удовольствием. Если приставить транзистор к телу, то все у тебя внутри гудит и вибрирует. Наслаждалась я и “Фантастической симфонией” Берлиоза и многими хорошими джазовыми мелодиями. Сегодня у меня счастливый день. Только пожелаю что-нибудь услышать, как некоторое время спустя диктор объявляет, что будут передавать музыку автора, о котором я думала.

Мне удалось поймать на средних волнах и два радиомаяка с Антильских островов. Нет сомнений в том, что мы приближаемся. Хочу, чтобы мы добрались быстрее, но скорость лодки зависит от ветра.

25 ИЮНЯ, ДОНЧО

Познай самого себя

Проблема ли голод? Третью экспедицию подряд я борюсь с ним, и всегда мне удается победить его. Юлии тоже. Мне представляется, что опасность голода преувеличена в литературе.

Мы питаемся по старой суточной норме: пять штук маслин, немного сухарей и каждые три дня праздничный компот из абрикосов.

В том состоянии, в котором я нахожусь, мне кажется, что я могу 15 дней ничего не брать в рот. Не переоцениваю ли я себя? Нет. Это не повышенное самомнение, а объективная точка зрения, основывающаяся на результатах некоторых наших экспериментов. Повторяю, человек обладает огромными резервами, физическими и психическими. Если не будет растрачивать напрасно свою нервную энергию, если не поддастся панике, его возможности невероятны.

Мы, городские люди, многое забыли. Да и редко нам приходится прилагать максимум усилий, напрягаться. В Софии трудно даже вообразить себе, что могут создаться такие условия, при которых человек вынужден будет остаться голодным.

Голод начинает меня мучить по-настоящему, и перед моими глазами заманчиво проплывают ломтики колбасы, бифштексы и бутылки с вином. Думаю, что так происходит со всеми. Но этот кризис обманчив, и длится он до следующего дня. Затем влечение к пище ослабевает. Самые трудные дни при голодании — третий и девятый.

Большое внимание следует уделять сроку хранения и вкусовым качествам консервов. Особенно важно второе. В двух экспедициях мы недооценили это обстоятельство, что привело к дополнительным осложнениям.

Планктон, которым мы питаемся, отвратителен, консервы тоже. Не хватает только того, чтобы банки начали взрываться и запахло тухлятиной. Не знаю, по каким соображениям, но не хочу их выбрасывать. Было бы правильнее избавиться от них и оставить одну-две банки для анализа в Софии.

Голодной куме все хлеб на уме

В следующий раз попрошусь на консервную фабрику и буду сам запечатывать приготовленные мною лично консервы для Тихого океана. В них войдут мои любимые болгарские кушанья:

- голубцы с виноградными листьями — наиболее ценное мною лакомство;
- тушеная телятина — хорошо прокопченая;
- кебаб из телятины с винным соусом — по рецепту мамы;
- телячий тас-кебаб;
- вареная телятина;
- свинина с луком-пореем — впрочем, от нее можно отказаться, это еда не для тропиков;
- картофельное пюре — прекрасный гарнир, который украсит наши обеды;
- пюре из шпината — вкус его своеобразен, к тому же в нем немало витаминов.

Все будет приготовлено на масле, но в малых дозах. Жиры в тропиках не идут. Пива мы не возьмем, потому что его трудно хранить. В этом отношении хороша горнобанская минеральная вода, несколько ящиков которой мы и прихватим с собой. Кроме того, она отличается богатым

содержанием солей, которые необходимы для организма в теплую погоду. По этой причине полезны и маслины, и во всех последующих экспедициях они будут одним из основных наших продуктов.

Влажность увеличивается. Удивляюсь, что замечаю это, ведь мы к ней давно привыкли.

Чувствую себя отлично. Душой и телом. Симптомов ослабления и истощения в счет не беру. Их проявление вполне естественно для экстремальных условий плавания. Сплю хорошо. Ночью отдыхаю.

Солнце сегодня печет не так сильно. Похолодало. Можно расслабиться.

Юлия тоже чувствует себя хорошо. Проявляет удивительное спокойствие. Трудно вообразить себе лучшего спутника, чем она. Люблю ее и восхищаюсь ею. Она вобрала в себя все возможные достоинства: ум, быстроту, остроумие, доброту, непретенциозность, волю, выносливость и смелость. В общем, человек без недостатков.

Почему я в таком порядке перечислил ее качества? Сделал я это подсознательно, не ставя перед собой задачу выделять их по степени важности. Но все же примечательно, почему именно ум я поставил на первое место. Так ли уж он необходим, чтобы переплыть океан? Не поставил бы я на первое место волю, выносливость и быстроту, если бы разыгралась большая буря? Даже в этом перечислении сказывается то, что мы дали себе отдохнуть.

26 ИЮНЯ, ДОНЧО

Вода попала в ухо Юлии

Снова со всех сторон накатывают большие волны. Одна из них неожиданно отшвырнула Юлию на мешки. Она мгновенно вымокла, а ее одежда вдруг изменила свой цвет. Юлия встала и со спокойствием немного раздосадованного человека сказала:

— Так не годится. Ухо залило водой, когда я и не купалась.

Затем она долго подпрыгивала на одной ноге и вертела головой.

Ночью мы оба не сомкнули глаз. Снова началась та же история, что и перед Лас-Пальмасом. Как мы справимся на этот раз?

Продвигаемся в хорошем темпе. Лаг по-прежнему цепляется за саргассовы водоросли. Они коричневые, и их цветочки имеют форму шариков. Обычно они плавают на поверхности в виде длинных гирлянд.

Нам остается плыть еще около 1200 миль, или 15 — 20 дней. По моим вычислениям, мы должны финишировать 13 июля в 20 часов 30 минут. Интересно, отгадаю ли я? Район, в который мы попадаем, отличается постоянством ветров. Поэтому я учитываю вероятность наступления штилевой погоды, предполагая, что она продержится не более трех дней.

Ближе всего Бразилия

Ближе всего мы находимся к Бразилии. Если бы мы шли на Мартинику, Доминику или Барбадос, то к концу месяца были бы уже там. Куба расположена дальше и гораздо северо-западнее. Это (повторяю!) очень затрудняет наше плавание. До сих пор течение сносило нас на юг. Правда, сейчас оно стало почти попутным. Его скорость всего 7—8 миль в сутки, но если бы оно, как и раньше, тянуло нас на юг, то за 20 дней мы были бы отброшены на расстояние, равное примерно протяженности Болгарии.

20° северной широты.

Самое хорошее положение. Отсюда намного легче выйти на линию кратчайшего пути к Сантьяго-де-Куба. Моя мечта добраться до 22° с. ш. Только тогда я буду уверен, что мы не минуем конечного пункта нашего путешествия.

Юлия и шариковые ручки устраивают мне номера

Юлия неожиданно взорвалась и обругала меня. Это с ней приключилось впервые. Знаю, она не виновата в этой вспышке и очень сожалеет о случившемся. Слишком велико напряжение, и неплохо, что она таким образом разрядилась. Теперь ей будет легче. Возможно, подобные моменты еще повторятся. Заключительный этап всегда тяжелее переносится.

Спрашиваю себя: обиделся ли я? Нет, только удивился и встревожился. Трогательная Юлия, очень люблю ее. Она выдержала самые трудные испытания и сейчас, когда нам вроде бы ничего не грозит, просто расслабилась. Подобную реакцию я наблюдал у многих людей.

Если бы я предупредил ее о возможности срыва после того, как стало полегче, смогла бы она удержать себя в руках? И чем мне, собственно, мешает этот взрыв? Выдержу. Прекрасно знаю, что все скоро станет на свои места. Вроде бы проявляю благородство и великодушие, но что-то гложет меня. А, это извечное сомнение в том, что к тебе относятся не так, как ты того заслуживаешь. Старое и опасное. Отдашься ему, и оно заведет тебя слишком далеко. Да и с какой стати здесь, в открытом море, уставшая Юлия будет все время воздавать тебе должное? И откуда ей знать, что именно я считаю "должным"?

Почти не ем. Нет аппетита. Я проглотил 5 маслин, полсухаря и 25 граммов зоопланктона за весь день. Пью много чая. Так продолжается уже несколько суток.

Шариковые ручки все время вставляют мне палки в колеса. Мне лень вести дневник, и я обвиняю в этом неудобное положение.

Чувствую себя хорошо. Стараюсь ни на что не жаловаться.

26 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Солнце добирается до меня

Оба мы мрачные, утомленные и мокрые. Льет дождь. Всю ночь мы занимались стакселом. Он зажил самостоятельной жизнью — полоскался, вырывался, издевался над нами, и Дончо провел уйму времени на носу в борьбе с несговорчивым полотном.

Ко всему прочему прошел еще один корабль. Мы видели его огни далеко на горизонте. Может ли так долго не везти с кораблями? В течение целого месяца мы лишь дважды их видели, да и то ночью. Боюсь, что нам так и не удастся сообщить о дате нашего прибытия. И никто не встретит нас. Хорошо было бы, если бы подольше продержался хороший ветер. В конце концов, наплевать на эту встречу, гораздо хуже, если нам придется торчать с обвисшими парусами на сильном солнцепеке.

Я принимаю душ прямо в океане. Висишь себе за бортом, держась за веревку, привязанную к мачте, и волны обмывают тебя. Это действие постоянно вызывает у нас стойкие положительные эмоции. Зато предметом каждодневных жалоб является то, что мы оба не можем больше сидеть. От соли и влаги у меня появились прыщи, и вследствие непрерывного сидения во время вахты выступили лиловые пятна. А стоять в этой раскачивающейся лодке трудно, и если не сохранишь равновесия, то украсишься еще одним синяком. Сейчас я уже не представляю себе, как мы доберемся до Кубы. Подтруниваем друг над другом, но выглядим неблестяще.

Теперь уже все тело покрылось прыщами. Десны у меня кровоточат, а ногти побелели. Немного опухли колени и щиколотки. А о мучениях в связи с жарой я уже и не говорю...

Я взорвалась и раскричалась на Дончо. Он очень удивился и ничего не сказал. Обиделся ли он? Весьма сожалею о случившемся. Вспышка не принесла мне облегчения, да и чувствую я себя виноватой. Впервые со мной такое произошло. Я не оправдываю себя этим, а просто хочу в дальнейшем остерегаться от ошибок.

27 ИЮНЯ, ДОНЧО

Ни лечь, ни сесть. Слалом на сухом месте

Моя кожа истончилась до предела. Сидеть больше не могу. 45 дней трусь о доски, веревки и паруса. Ни один самый выносливый сидень-бюрократ не выдержал бы. Я рассчитывал на 13-летние "тренировки" за институтскими столами, но они оказались недостаточными для океанского путешествия.

На "Джу" можно лежать или сидеть. Стоять трудно и рискованно. Пол и потолок пляшут. Во время бури я пытался закрепиться прямо на рубке, и Юлия рассказывает, что я извивался, как слаломист. Мне неясно, как мы будем передвигаться по земной тверди.

Для Тихого океана мы специально разработаем комплекс упражнений, которые нагрузят все мышцы. Сейчас напряжение падает только на те мышцы, которые необходимы только для повседневной работы. Особенно устают руки и плечи. Занимаюсь гимнастикой йогов. Дыхательные упражнения и некоторые асаны. Правда, в такую жару трудно сосредоточиться. Мне кажется, что "лотос" успокаивает меня, но трудно сохранить это положение в качающейся лодке. Все же удается сделать и другие асаны, но большой пользы это не приносит. Явно они разработаны для иных условий. Здесь нет и минуты, когда бы можно было расслабиться и отдалиться полностью упражнениям.

20° 10' сев. широты, 55° 20' зап. долготы — приблизительно вычисленные.

Видели птицу с длинным хвостом, отдыхающую на воде. Вспугнули ее, и она улетела. Встрепенулась сразу же, точно проснувшаяся Яна, без переходов и промедлений. Пробуждение и улыбки. Десяток раз в день вспоминаю ее улыбку. Моя Улыбашка. Как она чувствует себя в Институте педиатрии? Встает ли уже?

Мы находимся в 400 милях от ближайшего берега и в 1200 от Кубы. Это не так много по сравнению с тем огромным расстоянием, которое мы уже преодолели. Не так много, но все же нам осталось пройти примерно пять Болгарии. Не могу понять, почему я принял Болгарию за эталон. Одна Болгария, две Болгарии, десять... Наш путь до Сантьяго равен двадцати трем Болгариям.

Я прикинул это на логарифмической линейке. Странно, но здесь, в этой необъятной пустыне, Болгария кажется мне значительной. А вообще-то гораздо лучше, если твоя родина небольших размеров. В нашей маленькой стране почти нет мест, которых бы я не знал.

Веки мои воспалены, глаза болят. Юлия жалуется на то же. Сегодня она совершенно спокойна. Говорит, что долго переживала и сожалеет о вчерашнем.

— Ты сердисься?

— Нет, Юлия!..

Внешне вроде бы все обошлось. Я не сержусь, и она не сердится. Мы даже совершили все ритуальные обряды примирения.

Я натянут, как струна. Легко могу взорваться. Но этого не будет. Я теперь четко ощущаю, какое искушение ежедневных скандалов испытывают люди. У нас это не пройдет. Мы любим друг друга и уважаем. У меня и у Юлии есть свои слабости, и именно поэтому каждый из нас должен быть на высоте.

Нам всегда удавалось решать мелкие проблемы без того унижительного чувства, будто кто-то из нас идет на слишком большие уступки. Ведь в конце концов не так уж важно, что ты будешь пить — чай или кофе.

Ура! Нам повстречался корабль. Траулер "Кинг спорт". С него заметили нас, и мы передали сообщение в мегафон для Болгарии.

"Экспедиция "Планктон III".

Все хорошо. Чувствуем себя отлично. Прибудем Сантьяго 10. VII".

Это наш последний прогноз. Мы еще не успели убрать мегафон, а ветер стих. Четыре часа без передышки меняли мы галс и паруса. Ловим малейший ветерок. Результата почти никакого.

Переборщили мы с датой. Планировать какие-либо сроки на паруснике вообще немыслимо. Одно сказать можно точно — до 10 июля мы не придем в Сантьяго, но, что бы ни случилось, карнавал в Гаване застанем. Юлия много говорит о том, как мы будем веселиться, как она будет танцевать.

28 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Правила. Как относиться к своим детям

Человек рождает детей сознательно, по собственному желанию. И проявление заботы о них — дело совершенно естественное. Отсюда следуют некоторые правила.

Правило 1. Не воображать, что жертвуешь собой, растя детей. Если все же когда-нибудь мы забудем об этом и решим, что воспитание детей — наша великая заслуга, то нельзя допустить того, чтобы они поняли это.

Правило 2. Надо относиться к детям серьезно:

а) уважать их вкусы и мнения. Ведь дети так же, как и взрослые, относятся к своим пристрастиям основательно и упорно отстаивают свои мнения. Если все же придется поспорить с их мнением по какому-либо вопросу, то делать это надо тактично, помня о том, что любое изменение в наших собственных взглядах (так же, как и в их) сопровождается определенным душевным кризисом;

б) не выражать досаду, когда дети плачут. Несмотря на то, что это нас нервирует, следует сразу представить себе, как мы себя почувствовали бы, если бы плакали, а близкие вместо успокоения говорили бы нам: “Не реви, мне не хочется слушать”.

Правило 3. Стараться не бить и не наказывать детей, потому что так мы их унижаем, и НИКОГДА не бить и не наказывать их намеренно, рассудочно, с “воспитательной” целью. Хладнокровное битье и хладнокровное наказание являются чистой жестокостью.

Правило 4. Не срывать свое дурное настроение на детях. Вспомнить о том, что если кто-то посмотрел косо на вас, то наши ребятишки в этом не повинны. Если же все-таки мы не можем справиться сами со злостью, то уж лучше выместить ее на каком-нибудь более уравновешенном взрослом.

Правило 5. Позволить детям свободно и самостоятельно выбирать себе друзей. Если они нам доверяют, если спросят нашего совета, то следует им помочь. Но последнее слово во всех важных делах пусть остается за ними.

Правило 6. Не ждать от детей гениальности и не требовать, чтобы они сделали в жизни то, что не удалось совершить нам. Помогать им и любить их ТАКИМИ, КАКИЕ ОНИ ЕСТЬ.

Правило 7. Сделать все, чтобы отделить детей от себя, когда они станут совершеннолетними.

Правило 8. Не говорить с детьми утром. Задиристость и болтливость со стороны родителей перед завтраком могут травмировать и даже малосклонного к нервным потрясениям ребенка.

Правило 9. Не перегружать детей родительскими советами. Общеизвестно — редко кто прислушивается к советам, тем более к родительским, и нет оснований предполагать, что именно наши дети будут пионерами в этом отношении.

Правило 10. Никогда не говорить при детях о деньгах. Они и без того столкнутся с этой проблемой достаточно рано.

Правило 11. Помнить, что из всех видов наказаний, придуманных родителями, формула “извинись перед мамой за то, что ты ее обидел” (а в сущности, за то, что она тебя нашлапала) самая обидная.

Правило 12. Не следовать удобенькому методу воспитания при помощи поговорок типа: “Родитель никогда не обманывает” (чистая ложь), “Кто лучше знает, ты или мама?” (вариант “Спрашивай не старого, а спрашивай бывалого”). Это надежный способ подорвать доверие детей к нам.

Правило 13. Не требовать настойчиво от детей уважения и благодарности (см. правило 1).

Правило 14. Не ущемлять самолюбие детей каким бы то ни было способом. Поэтому:

а) одевать их лучше нас;

б) стараться, чтобы у них всегда было что-то особое (не обязательно более дорогое), чего нет у других детей;

в) с похвалой отзываться об их хороших качествах или способностях;

г) и еще раз: уважать их мнение.

Правило 15. Не делать детям формальных, набивших оскомину замечаний. Перед тем как сказать: “Не делай этого”, — подумать три секунды, действительно ли следует наложить запрет на тот или иной поступок ребенка.

Стараясь соблюдать эти негативные правила, другими словами, зная, как не надо воспитывать детей, стремлюсь понять, как надо воспитывать их.

Замечание: эти правила необходимо переписывать каждый год, так как к ним могут прибавиться новые, но и старые должны быть полностью сохранены независимо от изменений ваших педагогических воззрений.

28 ИЮНЯ, ЮЛИЯ

Вычисления без ветра

Вчера мы видели рыболовное судно. Интересно, что мы оба реагировали одинаково. Еще два года тому назад в Черном море, когда нам встречался корабль, у меня дрожали руки и ноги и я не знала, что схватить в первую очередь. А сейчас, после стольких дней одиночества, мы впервые повстречали людей и не испытали никакого волнения. Единственной нашей заботой было послать сообщение в Варну о том, что мы живы-здоровы и

прибываем в Сантьяго 10. VII. Я сказала это трижды в мегафон. Поняли они меня или нет, не знаю. Во всяком случае мы не слышали ничего из того, что они нам сказали.

У нас есть записка, написанная на английском языке. Мы привязали ее к железке, чтобы бросить ее на палубу, но корабль не подошел близко к лодке. Может быть, они тянули сети. В тот момент, когда я сказала “прибудем 10 июля”, ветер стих. Солнце печет страшно.

Безветрие очень тягостно, оно давит как камень. Солнце почти не движется. С какими только молитвами я не обращалась к ветру! А он и не дунул. Будет Дончо еще определять сроки, не спросив меня! Когда же мы все-таки прибудем?

28 июня, ДОНЧО

Доверие

Юлия усиленно портняжничает. Она шьет один и тот же нескончаемый купальник и зауживает вещи. Я говорю ей, что это бесполезно, так как она хуеет непрерывно.

По всему чувствую, что плавание скоро закончится. Даже по настроению Юлии.

Разумеется, мне хочется, чтобы оно кончилось, и все-таки что-то накрепко связывает меня с морем, с лодкой. Привык я очень к этой жизни.

Через четыре-пять дней мы войдем в зону ураганов. Они зарождаются около Малых Антильских островов, проносятся мимо Пуэрто-Рико, Гаити и Кубы, и далее их путь лежит на северо-запад. Очень беспокоюсь, однако миновать эту зону мы не сможем. А кроме того, мы ведь изучаем, как воздействуют экстремальные условия на человека. От всей души хочу, чтобы таковые не возникли, но если будет ураган, то мы еще поборемся и обязательно выстоим. По собственному опыту знаю, что невзгоды мобилизуют меня и я обретаю форму.

Честно говоря, я слишком рационалист, и не мое это дело гадать целыми днями, встретится нам ураган или нет.

Самочувствие вполне терпимое. Жалобы: десны, геморрой, воспаленные глаза, поверхностные царапины и ссадины. Ничего страшного. Занимают меня мысли о нашем местоположении, о ветре, о течении и тому подобных вещах.

Пока все идет отлично. И я радуюсь этому, так как много людей в Болгарии надеются на нас. Для всех, кто предполагает совершать морские путешествия, мы сделаем невозможное.

Мы устали, это бесспорно, мы уже не те, что были в начале, но я знаю и то, что человек забыл, какими огромными резервами он обладает. И если ты хорошо организован, то сможешь их использовать.

И наша деятельность служит тому подтверждением. Не прибегая к специальной тренировке, каждые два года отрываемся мы от своей среды и ставим себя в тяжелейшие условия. И результаты налицо.

Едва-едва дует. Потихоньку ползем. Печет страшно. За семь часов мы прошли 6 миль, и то, прибегая к невероятным ухищрениям.

Когда нет ветра, лодка издает странные звуки. Скрипит, стучит, стонет. К тому же обвисли паруса. Зрелище грустное. Для нашей оранжевой “Джу” покой — трагедия.

29 июня, ЮЛИЯ

Безветрие

Безмолвное, неподвижное безветрие. По всему телу разлилось нетерпение, оно пульсирует в твоей крови, ты ощущаешь бессильную ярость из-за того, что ничего, абсолютно ничего не можешь поделать. А остаются нам какие-то 1100 миль. При том, что мы уже прошли 3300 миль, эти две недели кажутся мне и вовсе скоротечными. Действительно немного, но если бы мы двигались. А учитывая то обстоятельство, что мы торчим на одном месте, совершенно безразлично, сколько осталось: тысяча сто миль или просто сто.

Море прозрачно-голубое, и все видно, как в аквариуме. Вокруг плавают маленькие рыбки. Появилось и несколько больших тропических рыб. Кружат в тени лодки.

Если зажигаю спичку, то пламя, не шелохнувшись, горит вертикально.

Я спрятала одну бутылку с шампанским, чтобы выпить его, когда мы увидим землю. Но сегодня мы опорожнили ее назло всему — штилю, солнцу, взявшемуся зажарить нас заживо... Хотя бы этим мы вызвали ветер! Лежим в рубке, при малейшем движении пот льется ручьями, страшно щиплет глаза. Единственный выход — притвориться мумией. А смотреть в потолок или не смотреть — это уж дело твое.

Но когда-нибудь ветер все же начнет дуть.

Я видела кита! Ну, не самого кита, а струю воды высотой в несколько метров. Жаль, что Дончо этого не заметил. Сейчас он мне не верит и утверждает, что то была подводная лодка с капитаном Немо на носу.

Возле нас так мало рыбы, что ни один серьезным рыбаком не выдержал бы. Около нас плавают одна-единственная золотистая рыба с пораненным боком.

Дочь Гурко

Не нахожу себе места. В большие бури, когда я не знала, смогу ли выдержать хотя бы еще один день, я все время напоминала себе о том, что я дочь Гурко. Это превратилось в девиз. В трудные минуты я говорила Дончо: “Ты же знаешь, что я дочь Гурко. А он мог выдержать гораздо более тяжелые вещи, так неужто я не смогу”.

Сейчас Дончо вытащил мой девиз на белый свет. Думая о папе, я приободрилась. Он из тех отцов, в которых невозможно разочароваться. Любой ребенок считает, что его отец самый сильный, смелый, самый справедливый. Но когда проходят годы и ребенок подрастает, то видит, что его отец самый обыкновенный человек. А я и сейчас думаю об отце то же, что и 15—20 лет тому назад.

29 ИЮНЯ, ДОНЧО

Кто утверждает, что неизвестность опасна?

Вчера после обеда я за полтора часа почистил лодку. При помощи кухонного ножа. Она сильно обросла всякой дрянью. Теперь она поплывет быстрее. До Сантьяго я к ней не притронусь.

Я погрузился в воду в футболке. Что-то обожгло меня через нее. Кожа на руке покрылась красными пятнами. У меня сильно болят лимфатические узлы под мышками. Рука онемела. Хорошо хоть, что пострадала правая рука. Ведь левой я все время держу румпель.

Мы поймали ведром медузу средних размеров — португальскую галеру. Этот пестрый пузырь, держащийся на поверхности, порой расправляет свое студенистое тело наподобие паруса и передвигается без помощи ветра. Она очень красива. Окрашена в различные оттенки красного, фиолетового и розового цветов. Мы видели акул. До сих пор они нам досаждали нечасто. Воды, в которых мы плаваем, пустынно. Почти нет жизни. Трижды я забрасывал удочку, но так никого и не поймал. Однако не переживаю, ведь я не рыбак. Если бы тут был мой зять Милко, он бы сошел с ума. А мне рыбацкая страсть непонятна.

Акулы появляются гораздо реже, чем мы ожидали. И они нас не преследуют. Я давно уже ищу этому объяснение. Быть может, оранжевый цвет нашей лодки их отпугивает?

Настроение хорошее.

Мы живем в полной неизвестности. Нас всюду подстерегают опасности. Откуда их ждать и в каком обличье обрушатся они на нас — предугадать невозможно. Они бесконтрольны. В любой момент может появиться огромная акула или рыба-меч и перевернуть или повредить лодку. Может налететь ураган, накатит крупная волна, мы можем ночью просто напороться на плавающее бревно, и тогда пластмассовый корпус треснет. Мы можем разболеться, можем сломать ногу или руку или отравиться планктоном, водой.

Есть и опасности другого рода. К ним относятся коралловые рифы, отмели, скалы, течения и прибои. Если добавить сюда еще и своенравные штормы и ураганы, картина приобретает совершенно законченный вид.

Все это, пережеванное во многих книгах, мне было ясно задолго до отплытия. Но когда человек хочет совершить что-то большое, он должен сперва ответить на вопрос, хватит ли у него сил бороться со вкрадчивой и однообразной неизвестностью. Он обязан порываться в своей прошлой жизни и быть самокритичным. Прежде всего необходимы сосредоточенность и внимательность, потому что цена ошибки достаточно высока.

Затем следуют хладнокровие и умение настойчиво бороться. При наличии этих качеств человек сможет справиться со своими недостатками и у него будет ровное и спокойное настроение.

Я знаю многих людей, убежденных в том, что они смогут прекрасно действовать в тяжелых условиях. Верю им, но в жизни предельные ситуации редкость, и пока ожидаешь их, чтобы проявить свои способности, можешь споткнуться на обыкновенной мелочи. Это в особенности характерно для морских путешествий. Отсюда и проистекают неудачи в подборе членов экипажа.

По-настоящему радуюсь тому, что Юлия понимает это и знает о подстерегающих нас опасностях, оставаясь совершенно спокойной. Умышленно избегаю слова "смелость". Я не могу точно сформулировать, что оно значит, но зато мне известно, насколько важно спокойствие. Ведь смелость иногда соседствует с безрассудством.

Перечислил эти ужасы и снова вспомнил об одиночестве. Повторяю, оно отнюдь не давит на нас. Даже после того, как уже 35 дней я не видел людей, я не восторгался встречей с кораблем. Для меня она была просто единственной возможностью передать весточку в Болгарию. Я представляю себе, как ее ждут. Все: родственники, друзья, знакомые. Верят ли они в нас по-прежнему?

Мы давно осознали, что наша радиостанция слишком слаба для того, чтобы в этих пустынных водах рассчитывать на чью-то помощь. Нам ясно, что мы совершенно одни и что выживем только тогда, если будем стойкими и не поддадимся панике.

30 ИЮНЯ, ДОНЧО

Китовая акула

Жара. Мы потеем, как кочегары.

Безветрие. Синее небо. Синее море. Волн нет. Стоим на месте. И печет. Я не представлял себе, что можно так катастрофически потеть.

Вчера вечером я почувствовал, что кто-то находится возле лодки. Не могу сказать, как именно я это почувствовал. Глянул — и увидел огромный плавник, черный и изогнутый. Спинной плавник акулы. На уровне борта. Я был изумлен. Впервые к нам приблизилось столь крупное животное. Его длина не менее 9 метров. Я осветил огромную голову акулы фонариком — никакой реакции, даже не попыталась подплыть ближе к лодке. Мы решили не беспокоить ее. Хотя если бы п захотели ее подразнить, то все равно не нашли бы подходящего для этой цели предмета. Ведь у нас нет не только гарпунной пушки, но и даже какого-нибудь плохонького пистолета. Ненавижу оружие. И чем бы оно помогло нам? В случае необходимости я решил отстреливаться сигнальными ракетами. Для человека это опасно, а для акул вряд ли. Наша акула оказалась деликатной: постояла пять-шесть минут и ушла.

Юлия охала и суетилась, утверждая, что можно было бы снять ее. Мне пришлось оправдываться тем, что было темно. По неписаному правилу интересные объекты всегда появляются при неподходящем освещении.

Я прекратил возню с парусами. В безветрие ничего не помогает. Устанавливаю их и предоставляю лодке полную самостоятельность. Иногда поправляю паруса. Убираю их только тогда, когда они совершенно обвисают, потому что волны раскачивают лодку и паруса трутся о мачту. Это может их повредить.

От скуки додумался до дистанционного управления румпелем, пропустив через блоки два тросика к мачте. Заменял сломанную часть оправы для очков. Так я проработал почти весь день.

Юлия штопает и заклеивает дыры в парусах. После месячной мороки она совершила открытие, согласно которому легче заклеивать, чем штопать. Это ее сфера деятельности, и сюда я не суюсь. Завтра поменяю все фалы и шкоты, осмотрю прорезиненные веревки и такелажные скобы. Много внимания уделяю корпусу лодки. Слежу за тем, чтобы не было никаких повреждений.

Если нам удастся довести “Джу” до порта в ее теперешнем состоянии, это будет большим достижением. Регулярно проверяю талреп и слежу, насколько натянута ванты. Мачта под напором парусов накренилась вперед. Попробовал с помощью вант устранить этот дефект — не удалось. Не помогли и клинья, которые я забил в скобу банки. Я демонтировал талреп и вынес его к носу. Положение мачты не изменилось, но я буду спокоен за парус.

Раздражает безветрие. Мы торопимся. Юлия беспокоится. Я тоже.

Появились рыбы. Давно не видел я их так отчетливо.

Фотографировал большие поля саргассовых водорослей, довольно хорошо освещенных. Мне не хочется этим заниматься, но я заставляю себя и веду подробную документацию.

Планктона мало. Долго держим сети в воде, добывая лишь незначительное количество, главным образом фитопланктон.

В этой жаре аппетит пропал окончательно. Целыми днями мучаемся, не находя себе места. Всюду пекло.

Я выдумал новую историю для Юлии, которая уже к этому настолько привыкла, что ежели я не выдам очередного рассказа вовремя или он будет плох, то она протестует, утверждая, что от тропического солнца у меня “размякли мозги”.

“25” в Бинае

— Юлия, в Бинае люди жили плохо. Не хватало риса и маслин. Фруктов, тканей, цемента, металлов тоже было мало. Они делали дома из глины и рисовой соломы. Отсутствовали трактора, и плодородные земли пустовали. Пески наступали, и пустыня возвращала себе то, что у нее отняли упорным трудом. Дети задыхались от пыли, их косили болезни. Мир давно отвернулся от некогда высококультурного Биная. Правители страны годами закрывали глаза на нищету и эпидемии. Некоторые даже утверждали, что это и хорошо; мол, действует естественный отбор. Продолжали работать лишь три института. В них было тихо и умиротворенно, как в лагуне. Бесшумные люди бесшумно занимались бесшумной наукой. Со временем они достигали ученых степеней. Однако механизм продвижения по лестнице карьеры оставался тем же.

Мечтали они об изобретении страшного оружия. Такой силы, чтобы наступила эпоха гуманизма. Ведь его мощь сделает невозможной любую войну, и соседи сами уступят свои земли.

Неожиданно самый старший и заслуженный ученый подал меморандум “О тотальном повышении прожиточного минимума и окончательной и полной ликвидации нищеты”. После долгого назидательного и смелого перечисления всем известных просчетов он предлагал совершить большой скачок. Простой, логичный и рентабельный!! Их институты должны были разработать способ миниатюризации людей. Ведь двадцатипятисантиметровый человек будет нуждаться в меньшем количестве риса, металла, тканей и т. д. Было доказано, что если сохранится нынешний уровень производства, то Бидай сможет прокормить все свое население и дать приют самым достойным людям из соседних стран и всех их поселить в обширных жилищах. И это будет легко сделать, потому что в пятиэтажном доме смогут жить тысячи мини-людей со своими семьями. Каждый получит отдельную комнату, а ученые — даже кабинеты. По этой же причине автомобили, вертолеты и яхты станут доступными для всех.

Небывало расцветут искусства и гуманитарные науки.

Маленькие габариты людей оценивались как большое преимущество и при овладении космосом.

Своей смелой откровенностью и глубиной доклад понравился управляющим. Особенно хорошо было воспринято предложение о создании мини-потребителей. Разумеется, были споры, по они возникли уже по поводу конкретной реализации этого в целом принятого плана. Долго обсуждалось, делать ли мини-здания на 50 тысяч или на традиционные 120 человек, и что будет выгоднее — поставить крест на старой культуре или выработать новую на базе прежней. И что лучше — новое строительство или реконструкция?

Один оратор заявил, что, согласно данным, полученным самыми современными вычислительными машинами, при уменьшении роста среднего человека в 7 раз его объем сократится более чем в 300 раз и ему понадобится в среднем в 200 раз меньше пищи. Впечатляющим было высказывание д-ра Те Це Бо о том, что в передовых странах расходы мускульной энергии людей составляют 1/28000 расхода всех видов энергии. И совершенно очевидно, если силу человека уменьшить в 100 раз, то это будет ничтожной частью общих энергозатрат, что общество вынесет без всяких потрясений. Это стало причиной новой дискуссии — какими все же быть людям: 25-сантиметровыми или 45, а то и 55-сантиметровыми.

Долго ломались копыя. Все выступавшие опирались на расчеты, один оптимистичнее другого, и наконец Великий управляющий решил принять первоначальное предложение старого ученого. Что было признанием его заслуг и памятником ему самому. Однако он, бедняга, не дождался конца споров и не вовремя умер. Всеобщего траура не объявляли, так как дебаты были тайными.

Повышенный тонус, осознание собственных достоинств отразились на управляющих. Их глаза смотрели проникновенно и умно, будто видели незримое. Они были уверены в том, что пример их страны потрясет мир, что все будут им подражать и Бинай станет основным экспортером революционных идей.

После многолетних дебатов положение по всем направлениям прояснилось. Необходимо превратиться в 25-сантиметровых. Никто уже не задавал себе вопроса: а нормально ли до такой степени уменьшаться? Ведь люди знали, что при теперешних своих размерах им трудно прокормиться. Но все же попробуй заставь 25-летнего мужчину стать 25-сантиметровым! Трудно действительно! Хороший проект мог рухнуть.

“Тогда?..”

“Что тогда? — орали опытные. — Национализируем газеты, журналы, радио и телевидение, будем насаждать культ мини-людей. Засыплем стандартного человека историями о красивых “25”, внушим ему, что он огромен и гнусен, что у него все плохо. Если это затянется, подождем. Дело настолько трудоемкое, что его завершить явно не под силу только одному поколению. Борьбу продолжат наши сыновья, но обязательно наступит время, когда люди сами будут просить нас сделать их “25”.

“А не лучше ли, если мы, управляющие, станем “25”?”

“Конечно, нет. Патриотично и смело, но глупо. Ведь если в Бинае не будет проведена хорошо обдуманная, продолжительная подготовительная кампания, то над нами, пигмеями, начнут смеяться, и мы потеряем свой авторитет. И попробуй с 25-сантиметрового величия без авторитета поработай на благо Биная”.

“Если тяжело осуществить проект сразу, то почему бы с помощью этой огромной информационной машины не начать уверять людей, что красивые люди маленького роста, незаметно год от года снижая эталон?”

“Умно! Так будет продолжаться до тех пор, пока мы не достигнем уровня 50 сантиметров и не применим вариант инженера Хуа-Ло. Тогда наступит полное изобилие, и заманенные люди сами пожелают уменьшиться до 25 сантиметров”.

Один ученый утверждал, что самым безболезненным образом можно перейти к “25”, если всем людям без исключения в пищу будут добавляться препараты, которые приведут к рождению только “25” и изменят психику человека настолько, что ему будут нравиться исключительно маленькие люди.

Но тут раздалась протестующие голоса:

“Не ослабит ли это “25” военную мощь страны и как мы справимся с военной угрозой с севера и запада, с юга и востока? Не использует ли враг нашу слабость, чтобы закабалить нас?..”

— Дончо, хватит, ты увлекся.

— Юлия, ты рассеянный человек. После стольких слов ты даже не поинтересовалась, действительно ли в Бинае, когда захотят, тогда и выведут “25”...

1 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Юлия становится мистиком

Море спокойное. Необычное и дразнящее. Ночью звезды отражаются в океане, как в ведре с водой, поставленном на бетонной набережной. Точно такое затишье мы наблюдали перед Кавказом.

Палуба накалена. Нельзя ступить.

Солнце весь день висит над нами. Единственное место, где есть тень, — это рубка. Но там душно и плохо пахнет. Перед выходом из рубки надеваем обувь. Доски обжигают, а до металлических деталей дотронуться немислимо. Хорошо, что в Варне мы некоторые из них покрасили в белый цвет. За 20 часов прошли 2 мили.

Безветрие. Четвертый день безветрие.

— Не бывает вечного штиля, как не бывает вечных попутных ветров.

Легко так говорить, но, когда ждешь так долго, возникает желание выругаться.

Юлия совершает языческие обряды, вызывая пассат. Я застал ее шепчущей:

— Ну, ветерок, милый мой, дунь, прошу тебя, дунь!

Утверждает, что если мы будем хорошо относиться к ветру, то он появится.

Каково?! Совершенно нормальный человек превратился в мистика.

Рассказал ей о своих опасениях, и мы посмеялись. Затем выяснилось, что на “Джу” нет суеверных людей и мы заснули бы даже на кладбище.

Все время лезут в голову старые крестьянские молитвы о дожде. Постоянно представляю себе, как в адскую жару по растрескавшейся земле движется группа людей в черном. Впереди священник, иконы, хоругви.

Обманываю себя тем, что принудительное бездействие — это отдых. Воистину отдыхаем в поте лица своего! Куда бы мы ни легли, куда бы ни сели, всюду остаются мокрые пятна.

Самочувствие отличное. Нервы в порядке. Думаю о ветре. Сержусь на штиль. Испытываю радость от того, что у меня есть Юлия и Яна. Наша милая, маленькая Яна. Мечтаю с ней поиграть! С нетерпением жду, когда мы вместе поедем в Созополь. Сяду на террасе возле моря в тени и буду пить ледяную содовую воду. Ничего другого сейчас в голову не приходит. Это предел моих теперешних мечтаний, что свидетельствует о том, насколько я далек от нормального образа жизни. Настолько, что, по-моему, даже бессмысленно думать о ней. Грезы не помогают мне, но и не мешают. Просто это “из другой оперы”. У нас есть цель, и она занимает меня больше всего.

21°20' сев. широты. 58° зап. долготы. Остаются всего лишь 17°, или 1020 миль.

Курс 282°.

Достигнем 22° сев. шпроты и тогда займем идеальную позицию по отношению к Сантьяго. Даже сейчас наше местонахождение не так уж плохо. У меня такое чувство, будто Сантьяго уже у меня в “кармане”. Это неизменно бодрит меня.

Возле нас много рыб размером в 30—40 сантиметров. Плещутся не переставая. Вода недвижима, точно в бассейне. Видно очень ясно, как в аквариуме. Все рыбы одного вида. Правда, в их компанию затесалась одна корифена с огромной раной. Она мне симпатична.

Я бросил за борт болт, и он долго опускался прямо под лодкой. Вертикальная видимость отличная, но неприятно то, что мы еле плетемся и что нет течения, а если и есть, то оно довольно слабое как на поверхности, так и на глубине в 30 метров.

До сих пор мы не предпринимали никаких агрессивных действий по отношению к своим спутникам. Поэтому рыбы и не боятся. Плывут себе спокойно, даже позволяют гладить их по спине. Не могу представить себе, чтобы эти красавицы попались на крючок. Ни за что не стал бы я их ловить. Да и чистота опыта с планктоном нарушилась бы, если бы мы стали есть рыбу. Запутались бы наши научные штудии, потому что в океане трудно определить ее состав и калорийность. А ведь еда, которую мы взяли с собой, исследована доктором Пенчевым в Институте питания.

По-прежнему преобладает фитопланктон. Он придает дурной привкус нашей основной пище.

Безветрие разлагает

Жара и пот. Выдерживать трудно.

Проклятое безветрие раздражает нас.

Ждем.

Юлия читает и вздыхает от жары.

Измерения, которые мы проводим каждую неделю, показывают, что моя талия стала тоньше на целых 22 сантиметра. Должно быть, раньше я походил на бочку. Физическая сила уменьшилась на 30 процентов. Зато очень быстро восстанавливается пульс после предписанных упражнений. 60 ударов. Bravo.

Мне ничего не хочется делать. Солнце печет. Столько солнца я никогда не видел. С нетерпением жду пяти часов, когда немного спадет жара.

Из-за голода мы стали сонливыми и рассеянными. Как-то вообще понизился тонус. Это самое ярко выраженное последствие принудительного безделья.

На закате солнце увеличивается до невероятных размеров. Напоминает огромный таз для варки варенья. Оно сопровождается оранжевыми облаками. Это верный признак ветра. И так уже в течение нескольких дней ждем, ждем, и все напрасно. Развеян еще один миф.

Мы уже пережили многое: штормы, ветры, волны, штиль, жару. Осталось только благополучно возвратиться в Софию.

Строю планы новой экспедиции. Эх, если бы в Тихом океане было прохладнее!

С тех пор как существует мир, чередуются ветер и безветрие. Это так же естественно, как ночь приходит на смену дню. И я не злюсь. Пусть себе печет! Пусть не дует. Подождем.

— Дунешь, ветерок! Дунешь, выбора у тебя нет!

Лежу, читаю и плавлюсь, а голова гудит от жары.

Я приготовил все для большого ветра. Паруса свернуты так, что десяти движений будет достаточно для того, чтобы их натянуть. Время от времени поливаем себя водой из ведер или купаемся в океане. Не помогает. Вода теплая. Мне кажется, что я и в ней потею.

Лаг показывает, что мы прошли 1,6 мили. Течение относит нас на северо-запад. И оно уже ополчилось против нас.

Мое состояние сродни настроению человека, стоящего в очереди. Разница, однако, заключается в том, что в очереди никогда не знаешь, хватит ли тебе того, за чем стоишь, а ветер обязательно будет. 21° 30'с. ш., 58° 10' з. д.

С широтой все в порядке. Для нас сейчас главное — долгота. Она для нас важна, так как мы должны прибыть в Сантьяго-де-Куба.

1 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Опять не двигаемся

Хочется клубники, мороженого и брынзы, причем чтобы всего этого было в изобилии. Нет, не голод мучает меня и не гастрономические галлюцинации, но это бездействие скоро доконает меня. Как вспомню, что мы предполагали закончить плавание 10—12 июля, мне становится грустно. Беспомощно торчим на месте. У нас нет ни барометра, ни термометра, даже определить температуру воздуха не можем. На палубу нельзя ступить. Дончо учил меня ходить по огню, но по палубе босиком я не пройду.

Перекаемся относительно того, кому орудовать камерой. Съемка фильма также стоит нам невероятных усилий. Надо одеваться, заряжать камеру, в поисках подходящих ракурсов висеть на канатах. Можно снимать с пяти-шести точек. В других местах нельзя закрепиться. Черно-белая отснятая пленка подпортилась от влаги, несмотря на то, что она находилась в контейнере.

У нас есть всего лишь двенадцать цветных катушек, и мы их экономим. Снимаем только, когда нас не заливают волны. А в бурю необходим третий человек для того, чтобы держать камеру.

2 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Мы видели танкер

Пятидесятый день плавания.

Около 3 часов ночи мы заметили корабль, который, к моему ужасу, прошел всего в 3 метрах от носа лодки. Если бы дул небольшой ветерок, мы бы врезались в его корму. Я ругался, проклиная все на свете, и впервые испугался.

Чего было больше — страха или злости? Все равно. Это были достаточно сильное переживание. Мы кричали. Они кричали. В конце концов последовало дежурное и успокаивающее:

— О'кей.

Затем:

— Вы нуждаетесь в помощи?

— Нет! Сообщите в Варну, что все отлично. При бываем 15—20 июля в Сантьяго-де-Куба. Привет друзьям и родным. Яне — поцелуи.

— Повторите!

Они ничего не поняли и удалились. К моему удивлению, капитан, которого я поносил, остановил огромный танкер и вернулся. Из-за этого маневра он потерял целый час. Возвратился, чтобы вновь спросить, куда точно передать сообщение, и опять не понял. Мы вновь прокричали текст телеграммы. Он повторил его, и мы успокоились.

Стало ясно, насколько примитивен мегафон. Для "Планктона IV" возьмем репродуктор. Мы будем говорить, а наши голоса с помощью техники будут слышны на большом расстоянии. Батарейки легко хранить, хорошо упаковав их в картонные коробки и завернув в полиэтиленовую пленку.

Я бесконечно благодарен этим неизвестным морякам. Мы спросили, как называется корабль, но ответа не расслышали и не узнали даже порт приписки. Во тьме нам не удалось ничего прочесть. Говорили они по-испански. Будем надеяться, что благодаря этой книге до них дойдут слова нашей признательности.

Погода начала меняться. Вчера мы прошли 11 миль. Это кое-что да значит. Сейчас в пятый раз моросит. Каждый раз я пытаюсь вымыться пресной водой, но не успеваю даже намочнуть.

Если бы мы рассчитывали на дождевую воду как на питьевую, мы бы уже давно скончались. До сих пор не было такого дождя, чтобы нам удалось собрать хотя бы два литра воды.

Легкий ветерок дует со всех сторон. Дует с юга, востока, севера.

— Пусть дует все равно откуда! Пусть даже встречный ветер! Отсюда и он поможет нам добраться до Сантьяго.

Опять пошел дождь. Я только намылился, а он сразу же прекратился. Юлия прыгала и пела песенку экспедиции:

Нам, зайчишкам голым, голодно и больно,
Ничего вторые сутки мы еще не ели,
Все же нам живется радостно и вольно,
День-деньской плясали мы, спозаранку пели.

Песня бессмысленная, но для нас вполне подходящая.

Обрушился ливень. Отовсюду течет.

Подул сильный ветер.

Поднимаю весь комплект парусов, и полный вперед. Мы искупались и охладились.

Вот это погода! Это дождь!

Курс 250°.

Viva Cuba!

Теплый чай

Я устал. Десять дней почти ничего не ем. Только чай да чай. Положение таково, что хотим мы того или не хотим, но приходится существовать в тяжелейших условиях. Если раньше мы их пытались искусственно смоделировать, то теперь они стали действительностью. Через несколько дней мы ощутим результаты. Я еще держусь. Сегодня впервые проявились в полную силу знакомые мне по черноморскому плаванию сонливость и вялость. Может, из-за того, что я простыл на ветру? Я сидел голым более четырех часов. Болит голова.

Обливаюсь водой, но облегчения не наступает. Обычно, когда появляются облака, мы раздеваемся. В солнечную погоду находиться на палубе без одежды опасно, обезвоживается организм.

Ветер стихает. Быстрее бы выбраться из этого района, где так долго держится штиль. Только бы двигаться.

Снова ветер. Уже тот, который дует подолгу. Удобный для нас, для "Джу" и ожидающих в Болгарии.

Пьем только горячий чай. Это по-русски. Утверждают, что он помогает во время жары. Я этому верю. Несмотря на то, что вода пропахла и имеет отвратительный вкус, каждый раз радуюсь чаю — нашему единственному гастрономическому развлечению. Он связывает нас с обычным образом жизни. В моем институте я пью его по три-четыре раза в день. Когда я вернусь, то возобновлю свои чаепития. Буду ли я вспоминать об Атлантике?

2 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Наконец-то послали весточку

Идет дождь. Мы уже 50 дней в океане. Опять нет ветра, но погода, по крайней мере, изменилась. Лучше уж проливной дождь, чем это убийственное солнце. Течет из всех щелей люка, но мы нашли сухое место, прижались друг к другу, и нам уютно. Слушаем музыку, курим и разговариваем. Снаружи льет, как из ведра, и капли стучат по крыше рубки. Лодка почти не движется. Только волны раскачивают ее. Оба мы надеемся на то, что, как только дождь прекратится, подует наконец наш ветер. Мы выкупались под дождем. Не помню, уже с каких пор мы не одевались ни днем, ни ночью.

Вчера ночью видели испанский корабль. С него тоже нас заметили. Он прошел совсем рядом с “Джу”. И у меня затряслись поджилки. Спросили, нужна ли нам помощь. Мы сообщили, что у нас все в порядке. Кружили возле лодки, пока не поняли нас. Явно передадут. Я страшно этому радуюсь. Это первые за истекший месяц сведения, которые поступят от нас. И дома будут знать, что мы живы и здоровы.

Жаль, что я не знаю испанского. Все члены экипажа высыпали на палубу. Что-то кричали, махали руками, освещали нас прожекторами.

Они были очень милы.

3 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Авитаминоз

Прекрасный ветер. Всю ночь мы летим как на крыльях. Огромные волны. Управляешь румпелем, и все у тебя внутри поет. Кругом брызги и пена. В темноте волны как бы подкарауливают лодку. Благодаря какому-то волшебству полностью сливаешься с морем, предугадывая их возникновение. Точными движениями проводишь лодку между двумя вздыбившимися волнами. Впереди вьется белый барашек только что обрушившегося гребня волны, и ты спокоен до появления следующего вала.

Небо темное, а ты пытаешься удержать в поле зрения одновременно компас и стаксель. Стаксель очень чуток. Если начнет легко подрагивать, это значит, что он сейчас поймает прямой попутный ветер. Немного погода ветер наполнит стаксель и послышится треск. Если стаксель делает сложные продолжительные движения, то мы вот-вот совершим поворот через фордевинд — это самый опасный маневр.

Поведение грота уравновешенное и грубоватое. Неповоротливостью и прямолинейностью он напоминает фельдфебеля в отставке. В темноте с трудом различаю его очертания, пытаюсь понять, как он ведет себя. Мне он не нравится. Все предвещает поворот на фордевинд. Грот угрюмый и мрачный, и перемены в его настроении не заметны. Держится, держится вполне нормально, ч вдруг с неожиданной ловкостью перекинется на другую сторону. Он мне несимпатичен, я предпочитаю характеры более открытые. Как у Локомотива. Я даже не придумал для грота прозвища.

Каждый день появляются птицы. Но вряд ли это свидетельствует о близости земли.

Преобладает фитопланктон. Ночью океан слабо фосфоресцирует. Несколько дней мы не встречаем рыб. Шторм разогнал их.

Худею классически, по всем описанным в литературе приметам. Нам явно не хватает витаминов. У Юлии появились большие белые пятна на ногтях, некоторые побелели полностью. У нас обоих сильно кровоточат десны. Причина? Опять-таки недостаточное количество витаминов. Над нами нависла угроза цинги — этого бича мореплавателей прошлого. Лет сто прошло с тех пор, как моряки одолели эту болезнь. В английском парусном флоте каждый день в обязательном порядке пили сок, изготовленный из плодов цитрусовых. А сейчас и корабли стали намного быстрее, и оборудованы они холодильными установками, дабы хранить свежие фрукты и овощи.

Юлия все еще мучается с прыщами. Они появляются десятками. Но выбора нет, и приходится терпеть. Уж она-то знает, что это за состояние, когда даже сесть спокойно не можешь.

Снова я начинаю фантазировать. Мои истории успокаивают меня. Не являются ли они показателем того, что я тоскую по нормальной жизни, или все у меня настолько обострено, что мозги мои не могут отдыхать.

* Время по Гринвичу. (Примеч. авт.)

Глава VIII ПОСЛЕДНИЕ 900 МИЛЬ

4 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Идет дождь

Тоска овладела мной. Я не предполагала, что буду так скучать по Яне. Почему меня не будет рядом с нею, когда она начнет разговаривать, когда сделает свои первые шаги? Я уверена в том, что я для нее менее необходима, чем она для меня.

Как многообразны мои проблемы! Мне гораздо труднее, чем Дончо. Речь идет не о физических неудобствах. Я со всем свыклась. На меня они не производят впечатления.

Я даже не знаю, волнует ли что-нибудь Дончо. Он выглядит гораздо более сильным и уверенным, чем я.

Сегодня дождь шел по крайней мере раз тридцать. Облако проходит — он прекращается, а минут через 15 снова припускает с новой силой. Мокрее быть не может. Вода везде. Хорошо хоть, что дует наш ветер, и мы опять продвигаемся.

Оба мы общительные и, кроме как в экспедициях, редко бываем одни. Я, кажется, хуже Дончо переношу отсутствие людей.

На суше, если ты попытаешься изолироваться, будешь избегать людей, органы чувств у тебя все равно будут работать в диапазоне звуков, запахов, картин.

А здесь, куда ни помотришь, вода. Действительно, море бывает очень различным — то добрым, то свирепым. Меняет и свой внешний облик, проходя через целую цветовую гамму. И все-таки достаточно глянуть вокруг, чтобы понять — ты один. Может быть, поэтому я радуюсь всему живому.

Даже не испытываю ужаса от присутствия акул, который мне вдалбливали на суше. Они любопытны и часто подплывают к лодке, но сохраняют нейтралитет. В этой части океана (а мы уже приблизились к Карибскому морю) обитают акулы с темно-серой спиной и белым брюхом. Их тела совершенны. Они излучают силу. Как будто акула напоминает — я хищник. Всмотриваясь в нее, вижу, что ее мышцы вроде бы и не напрягаются, а плывет она быстро. Отталкивается она едва заметными движениями хвоста. Но когда рядом акула замечает другую рыбу, разбойница резко стартует, и через мгновение завязывается свирепая схватка. Море буквально кипит, на поверхности проступают кровавые пятна. Самое упорное сопротивление оказывают дельфины. Здесь мы видели больших дельфинов, таких же сильных и быстрых. И конечный результат схватки дельфина и акулы заранее предугадать невозможно.

Появление больших рыб предвещают летающие рыбки. Со всех сторон в воздух взлетают стайки этих малюток, и после непродолжительного скольжения над водой они погружаются в океан. Иногда со страха они взлетают прямо перед лодкой. Они, бедняжки, самые запуганные — вечно всего боятся.

4 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Не пью оранжевую воду

Трудная ночь. Непрерывно шел дождь. На лодке не осталось сухого места. Мы мокрые, постельные принадлежности тоже. Причем впервые в этом не повинны волны.

Дует пронизывающий ветер. Сидеть негде, а делать нечего. Я подложил под себя надувной матрац, но он лопнул. Едва примостился на мешочках с песком. Вдыхаю, верчусь и не могу найти удобной позы.

Погода плохая, но, по крайней мере, нет солнца. Продолжает идти дождь. Я уже и не знаю, что нам мешает больше всего.

Дождь усилился. Я стою, завернувшись в стаксель, и, вероятно, похожу на бедуина. Воду мы не собираем, так как, стекая с парусов, она окрашивается в оранжевый цвет. К тому же у нас есть еще наполненный до краев резервуар. Мы бережем его от загрязнения, потому что консервированная вода испортилась. Мы не обязаны пить оранжевую воду, раз мы находимся на оранжевой спасательной лодке.

21° 10' с. ш., 61° з. д.

Мы в ста тридцати милях от островов Мартиника и Сомбреро. В 240 — от Пуэрто-Рико. В 840 — от Кубы; между этим последним островом и нами находятся байка и коралловые рифы. К остальным островам путь чистый. Ход средний.

Чередуются солнце и дождь. Типичная для тропиков погода.

Самочувствие отличное. Слабость от голода. И неиссякаемая вера.

Качества путешественника

Чтобы организовывать морские экспедиции, человек должен обладать многими качествами.

Попытаюсь их перечислить:

- выносливость, воля, хорошая реакция;
- крепкие нервы и психика;
- организаторские способности;
- осторожность на берегу, смелость в океане;
- умение предвидеть мелочи;
- способность убеждать.

Он должен научиться:

- проводить исследования;
- работать с парусами;
- разбираться в навигации;
- быть веселым и приветливым;
- не рыться в воспоминаниях и не быть болтливым;
- уметь снимать кинокамерой и фотоаппаратом;

— вести дневники;

— писать статьи;

— писать книги;

— не быть мелочным.

И если осилишь все это:

— не быть подверженным морской болезни;

— выносить голод и жажду.

И наконец, чтобы тебя не подавляло одиночество.

Звучит нескромно, но я знаю, что мы обладаем всеми этими качествами, а именно это и предопределяет мою веру в успех.

5 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Уважение в повседневности

Всем своим существом ощущаю берег, хотя море совершенно не изменилось.

Земли и в помине не видно. Новые птицы не появляются. Веток и бутылок в воде не обнаружил, а говорят, что это самый верный предвестник суши. Но ощущаю берег, даже чую, где он находится. И мне грустно. У меня масса причин желать окончания путешествия, но с прибытием в порт мы закрываем еще одну страницу нашей жизни. И такую прекрасную.

Как меняет человека одна подобная экспедиция! Я всегда считал, что многое умею, что я хорошо организован, но сейчас об этом знает много людей. А это уже совсем другое.

В сущности, все останется по-прежнему. Я вернусь в институт, Юлия — на студию. Налягу на занятия в аспирантуре и разверну подготовку к броску через Тихий океан. Но есть и нечто иное. Важное. Поважнее газетных статей и телепередач. Это Юлия и я. Мы любим друг друга. Мы семья, и взаимного общения нам ничто не заменит.

Я посмотрел на несчастные семьи и знаю, что это такое. Мы пронесли нашу любовь сквозь многие трудности и опасности. Не знаю, она ли сделала возможными наши экспедиции или они взрастили эту любовь, но я уверен: в этих условиях можно легко разочароваться в своем спутнике и даже возненавидеть его.

Юлия, я от всего сердца хочу, чтобы наши отношения постоянно обновлялись. Мы сейчас воспринимаем друг друга совершенно иначе, чем шесть лет тому назад. Гораздо тоньше и глубже. И считаю, что этот процесс будет продолжаться. Внутри себя бережно храню уважение к тебе и веру в тебя. По-моему, без этого нельзя. Просто, если этого не будет, рано или поздно все взлетит на воздух. Я все испытал к тебе, но никогда мои чувства не были пресными.

6 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Ничего нового—планктон отвратителен

В течение часа дождь шел пять раз. Один раз очень сильно. Я давно не видел такого дождя. Плотная стена. Парит, и мы рады, когда идет дождь. Становится немного прохладнее.

Я вспоминаю слова Винни-Пуха: “Чем больше идет дождь, тем больше дождь идет”.

Ветер попутный. Мы движемся вперед. “Джу” превосходна. Все в порядке. Я даже не менял парусов, так и оставил те, с которыми мы вышли, а у нас ведь есть еще и резервные. Старые, бракованные, со склада “Вторсырья”, выдержали. В некоторых местах рвутся по шву, но Юлия их зашивает и заклеивает. Моя цель закончить путешествие без аварий. В трансокеанских экспедициях редко это бывает. Может быть, плавание на “Джу” станет нашей третьей безаварийной экспедицией? Как только подумаю об этом, на душе становится весело. Я все сделаю, чтобы не оказаться хватушкой.

Идем без затруднений. Ветер умеренный, да и волны тоже небольшие. Заступаем на вахту, каждые два часа сменяя друг друга. Днем тяжело, солнце жжет, и по четыре часа выдержать невозможно.

Остается 600 миль. Приближаемся к Пуэрто-Рико. Затем проследуем мимо Гаити. Через Наветренный пролив войдем в Карибское море и еще через 120 миль достигнем Сантьяго.

20° 45' с. ш., 64° 20' з. д.

Позиция отличная, при любом ветре гарантирующая прибытие на Кубу. Если не помешает ураган. Здесь проходит большая часть июльских ураганов. Самая опасная зона длиной в 360 миль, от 62° до 68° западной долготы. При такой скорости через четыре-пять дней этот страшный район останется за кормой.

Море ласковое и веселое. Я не в обиде на него. Беспокоят по-прежнему всякие кожные болячки. Впрочем, они отодвинулись на задний план. Все мысли сосредоточены на ураганах. О них я думаю постоянно, несмотря на то, что небо чистое и ничто не предвещает осложнений. Даже наоборот — дует попутный и сильный ветер, наша мечта. Спешу, лодочка!

Юлия прекрасно переносит все невзгоды, в том числе повышенную влажность. Прыщи продолжают беспокоить ее. Как целебно влияет на нее собранность! Я уверен, случись это в Софии и длись болезнь целых два месяца, у Юлии совершенно расстроилась бы нервная система. Сейчас, когда у нее нет выбора и она окружена многочисленными неприятностями, приходится воспринимать их как неизбежность.

Похоже, что “неизбежность” одна из мощнейших опор нашего существования. Я не был в окопах пли фашистском концлагере, но уверен в том, что именно эта “неизбежность” придает силы, чтобы все перенести.

Одновременно заходит луна и восходит солнце. Ночи светлые. Полнолуние. Южное небо потрясает. Новехонькое и обильно обсыпанное звездами. Луна будет служить нам верой и правдой до 15 июля, и мы благополучно минувем рифы.

Лодка идет прекрасно. Скорость и пройденное расстояние вселяют надежду на то, что совсем скоро мы прибудем в Сантьяго-де-Куба.

Птиц нет. Рыба пропала. Пустыня. Очень редко доносится гул самолетов. Пролетают они высоко, и мы их не видим. Это проявление человеческой деятельности, а для нас соприкосновение с цивилизацией.

Вчера мы пересекли торговый путь Гибралтар —Панама. Сегодня — Ла-Манш — Панама. За много дней впервые представились реальные шансы повстречать корабль.

Надеюсь, нам удастся послать еще одну телеграмму. Вести от нас так редки, что в Софии наверняка обрадуются.

Вероятно, уже давно поползли слухи о том, что мы утонули. Видимо, те, кто интересуется нашим путешествием, разделились на две группы: одни верят в то, что мы живы, другие не верят. И простое “о’кэй” будет на руку оптимистам.

К сожалению, на этих морских путях вероятность встречи с кораблем ничтожна. Курс наш таков, что мы пересекаем их под прямым углом. Если пройдет корабль и нас заметят, то это будет большая удача.

Давно пришлось смириться с тем, что от пищи я не получаю удовольствия. Так будет, по крайней мере, до тех пор, пока буду находиться на “Джу”. Ну и пусть. Для большей части людей пища перестала быть необходимостью. Они набивают себе желудок по привычке или ради вкусовых ощущений. При продолжительном голодании большая часть мучений возникает из-за того, что нарушается стереотип поведения. Во время изысканного обеда редко задумываюсь о том, сколько калорий я потребляю и каков же состав продуктов. Более того, если и подумаю об этом, то наверняка испорчу себе аппетит. Обычно меня волнуют мысли о вкусе, аромате, о приправах и винах. Если освободиться от этих размышлений, то, значит, тебе удастся преодолеть страх перед голодом и ты сможешь долго голодать.

7 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Рифы, поджидающие жертву

Мы находимся в самой горячей точке. Большинство самых свирепых ураганов пронесется именно здесь, в северной части океана, недалеко от Пуэрто-Рико и Гаити. Еще три дня, и мы покинем опасный район. Если ураган обрушится на нас, нам будет тяжело. Мы, конечно, вступим в борьбу, но ведь “Джу” для этого не приспособлена. Мы любим ее и восхищаемся ею, но это не мешает нам ясно представлять ее возможности. Ураган явно не по ее части.

Где-то рядом банки: Навидад, Силвер-Банк и Монте-Кристи. Эти отмели отмечены на картах. В специальной литературе подробно описывается, где расположены скалы, которые сохнут, то есть торчат над водой, и все возвышенности морского дна, находящиеся на глубине менее 5 футов. Существуют и скалы, которые обнажаются только тогда, когда расходятся две волны. Одним словом, это одно из самых неприятных для мореплавателей мест. В Черном море все эти опасности обозначены маяками и мигалками, а здесь они спокойно поджидают жертву, сохраняя свое первозданное естество. Вот почему этот район можно назвать кладбищем кораблей и соответственно раем для искателей сокровищ.

Многие авторы называют эту зону “Треугольником смерти”. А мы как раз движемся по одной из его сторон. До сих пор ни в одной из книг мне не удалось обнаружить удовлетворительных объяснений того, почему здесь пропало без вести такое огромное количество кораблей и самолетов.

Я уже с трудом поднимаю паруса. Даже при нормальном ветре требуется большое усилие. Заставляю себя все время двигаться, чтобы не размякнуть окончательно. Но я знаю, хорошо знаю, что мы не исчерпали своих возможностей, что у нас еще есть силы и что мы не поддадимся панике при любых обстоятельствах. А непосредственно перед финишем мы не станем суетиться. Никаких ошибок не допустим из-за того, что нам хочется побыстрее прибыть в Сантьяго. Нужно быть внимательным и собранным.

“Поспешай, не торопись!”

Проходим мимо жемчужин испанской короны и убежищ древних и нынешних диктаторов. С момента открытия этих островов им не везло. В качестве первой меры испанцы применили геноцид, уничтожив аборигенов.

Мы все еще не видели земли. Да и корабли нам не встречаются. Они нам и не нужны. В этом сумасшедшем океане нам не хватает только врезаться в любопытный корабль.

По моим подсчетам, в понедельник 15 июля мы будем в Сантьяго. Если будет дуть ветер, разумеется.

С завтрашнего дня надо быть настороже. Мы решили снова нести поочередно ночную вахту. Завтра или послезавтра войдем в район скал, рифов и отмелей. В рубке передохнуть нельзя. На нее солнце обрушивает всю свою мощь. Внутри душно и жарко. Предпочитаю находиться на солнце, защитив голову пробковым шлемом.

Движемся с “невероятной точностью”. Вот оно, торжество моей упрощенной навигации!

Я спокоен. Чувствую себя отлично.

Жалобы: десны, натерты седалище и поясница, боли в печени, солнце и жара. Но терпеть можно.

И тут же последовала расплата: сказал, что у меня все хорошо, и вспомнил о неприятностях. Более легкого способа отравлять себе жизнь еще не выдуманно: вспоминать о плохом, думая о хорошем. Это не занятие для мореплавателя!

Вера в успех придает нам силы. Я убежден в том, что наши исследования полезны. Может быть, это и смешно, но те малые крохи знаний, которыми мы обогатим человечество, являются для нас мощным стимулом.

За нашей экспедицией следит весь мир. Сейчас гораздо пристальнее, чем вначале. Мы давно уже перестали быть просто Папазовыми — мы “болгарская экспедиция”. И мне приятно, что на корме все время развеивается флаг Болгарии. Иногда он нам мешает, но мы и снимаем его даже в самых пустынных районах. Никогда в Софии я бы не поверил тому, что этот флажок, привязанный к необтесанной палочке, может стать таким дорогим. Он связывает нас с родиной, свидетельствуя о том, что все должно закончиться хорошо.

20° 20' с. ш.. 66° 40' з. д.

С завтрашнего дня начинаем приводить в порядок и рассортировывать скарб.

Сегодня у матери Юлии день рождения. Я уверен, что она сказала: “Хоть бы мне дожить до тон поры, когда Юлия будет по-настоящему счастлива...”

7 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Глаза мамы

Милая мама... Сегодня у нее день рождения. Сколько слез она пролила из-за меня! Об этом знает только она. Представляю себе, как все собрались дома: мама, папа. Роси, мой брат. Каждый ей что-нибудь подарил.

А она в который раз удивляется: как же так получилось, что ее маленькая, славная девочка, которая всю жизнь играла па пианино, отправилась бродить по свету.

Мне грустно без мамы. Ей выпала самая тяжелая доля — сводящий с ума страх и ожидание на брегв. Ей потруднее там, в Болгарии, чем нам здесь, в океане.

Пытаюсь думать, как, вероятно, думает она. Чутьем матери она чувствовала, что ее дитя в опасности, но ничего сделать не могла для того, чтобы спасти его. Взяла себя в руки и даже не попыталась остановить нас. В то время, когда все в ней кричало: не надо, не уезжай! Она замолкла, замкнулась в своем страдании. Только глаза ее выдавали. Они так и остались в моей памяти, оберегая меня.

В последнее время я часто вспоминаю о маме и папе. За эти два года они прочли больше книг о морских путешествиях и экспедициях, чем я. Может быть, ищут ответа на вопрос, зачем мне все это. Только бы они не думали, что ошиблись с моим воспитанием. Я благодарна им за то, что они сделали меня такой, какая я есть.

8 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Приближаемся к суше

Ночи превратились в какой-то кошмар. На горизонте мелькают зарницы. В воздухе чувствуется напряженность. Время от времени луна показывает свой огромный желтый бок, и тогда волны оживают, как призраки. Оба мы считаем, что именно здесь зарождаются ураганы.

Проходим в сотне миль от Пуэрто-Рико. Море кишит акулами и дельфинами. Уже видели и чаек. Пахнет сушей.

8 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Угасаем

Ровно два месяца тому назад, 8 мая, мы вышли из Гибралтара. Сейчас находимся почти в конце пути. Остается семь-восемь дней.

Крепкий ветер. Погода изменчивая. Признаков урагана нет. В течение нескольких дней мы движемся там, где обычно расположен эпицентр ураганов. Еще два-три опасных дня, и все. Но в данный момент мы следуем по пути ураганов. И надеемся на успех. Кажется, пока все обстоит хорошо, поскольку радиостанции передают только музыку и ничего не сообщают об ураганах.

Гаити и Пуэрто-Рико мы не увидим. Специально отплыли подальше, чтобы быть спокойными, если начнется шторм. Все же мы идем достаточно близко от их берегов для того, чтобы успеть скрыться в каком-нибудь заливе, если по радио услышим предупреждение о приближении урагана. Надеюсь, что этого не случится. Лопну от злости, если мы не прибудем прямо в Сантьяго-де-Куба. Не хочется никаких отклонений от ранее объявленного плана. Конечно, я никогда не стану рисковать только ради этого. В море можно быть кем угодно, но только не догматиком. Это было бы глупо. До сих пор нам удавалось избежать неприятностей. В конце надо утроить бдительность.

После каждой пройденной мили мне свободнее дышится, с каждым часом вероятность опасности уменьшается.

Вечером мы проплывем в десяти милях от мели Навидад. Там нет опасных для нас скал, но максимальная глубина 2,1 метра. Еще немного, семь дней, нам будет тяжело.

Чувствую себя уверенным и твердым.

За два месяца мы натренировались и выдержим.

Мы совсем похудели. Вероятно, представляем собой жалкое зрелище, но силы еще есть.

Следующие ночи будут тоже трудными. Снова наш путь пролегает через рифы и скалы. К сожалению, луна стала появляться позже. Это небольшая потеря, потому что до сих пор почти все время небо было затянуто облаками. Но все же с луной, даже закрытой тучами, как-то веселее.

Слышим Пуэрто-Рико

В эфир пробилась радиомаяка. В сущности, только один. Пуэрто-риканский. Это берег нас приветствует. Надеюсь услышать и другие. Определяю наше положение комбинированным способом: широту по высоте Полярной звезды и по радиопеленгу на Пуэрто-Рико.

Радиопеленг условный, потому что мы его берем с помощью самого обыкновенного транзисторного приемника и лодочного компаса.

Я снова поменял фалы стакселя. Они из проволоки, соединенной с мягкой нейлоновой веревкой. Проволока совершенно изъедена ржавчиной.

Продолжаю каждый день неизменно проверять все слабые места шлюпки. Мне это неприятно, но я предпочитаю заранее устранить повреждение, а не суетиться и не рисковать тогда, когда что-нибудь вдруг случится.

Аварии чаще всего происходят в самый неподходящий момент — в сильный ветер или вблизи скал, и времени для устранения неполадок не хватает.

Честно говоря, я бы не поверил, если бы мне сказали, что подобная скучная проверка доставляет кому-то удовольствие. Я знаю, что она необходима, и поэтому заставляю себя. Такая же необходимость, как планктон и жалкие два квадратных метра палубы. И понимая, что выбора нет, я легко переношу все это. Нужно уметь и приспосабливаться.

Юлия счастлива. Лежит, поставив рядом транзистор. Слушает Брамса, Скрябина. Целиком ушла в музыку. Говорит, что эстрадные мелодии надоели ей до тошноты.

Со вчерашнего дня я готовлю тексты для телеграмм о благополучном окончании экспедиции. Чтобы по прибытии в порт их сразу же отослать. Тогда-то я и добавлю некоторые конкретные данные.

Представляю себе, как удивятся люди, которые, если произойдет авария, обнаружат лодку, а в ней уже написанные торжественные телеграммы. Не подумают ли они, что под самый конец мы расслабились и недооценили опасность?

Но что бы там ни было, мне все равно приятно их сочинять. Да я и не могу сидеть без дела. А кроме того, я не суеверен.

"...июля 1974 года

Сантьяго-де-Куба

Председателю Комитета по науке, техническому прогрессу и высшему образованию

Начо Папазову.

Уважаемый товарищ Папазов.

С большой радостью сообщаем Вам об успешном окончании третьей экспедиции по программе "Планктон".

С благодарностью вспоминаем о внимании, заботах и доверии, которыми Вы нас окружили.

Научная программа выполнена. Мы собрали новые данные: о психофизической устойчивости человека в чрезвычайно тяжелых условиях, о планктоне как о будущей пище человечества и о возможностях самого массового спасательного средства — обыкновенной открытой бескилевой шлюпки.

Продолжительные штормы и напряженная обстановка утомили нас. Юлия похудела на ... килограммов, я на ... килограммов. Независимо от этого мы вполне здоровы и пребываем в прекрасном настроении. Мы горды достигнутым.

Наш ...-дневной переход в маленькой лодке, оснащенной примитивными парусами, оказался безаварийным. У нас не было ни одного серьезного повреждения. А такое редко бывает во время трансокеанских путешествий.

Общественность оценивает эксперимент достаточно высоко. Газеты, телевидение и радио хвалят нас. Евровидение транслировало две передачи о "болгарской экспедиции", а в Гибралтаре, на Канарских островах и в Испании мы дали несколько телевизионных интервью. Нас объявили первыми людьми в мире, которые пересекли океан, никогда его ранее не видев.

Товарищ Папазов, еще раз благодарим Вас.

Велика наша благодарность профессору Хр. Кортенскому, человеку, который первым оценил важность эксперимента, и тт. Серафиму Пырванову и Маргарите Игнатовой, без организаторского таланта, поддержки и сердечности которых путешествие не состоялось бы.

Успешный финиш экспедиции является предпосылкой расширения и углубления исследований четвертого этапа программы "Планктон" — перехода через Тихий океан *.

адрес	С уважением
Сантьяго-де-Куба	Д. Папазов
Республика Куба	Ю. Папазова"

К моей радости, я не совсем отвык от того, что я называю сейчас "посторонней деятельностью", вроде подготовки обыкновенных телеграмм. Но при наших обстоятельствах эта работа утомила меня. Немного погодя я прочитаю телеграммы Юлии и попрошу ее переписать их. Мой почерк некрасив и неразборчив.

"Посторонней деятельностью" я не занимался около двух месяцев. Все наши действия, да и их направленность определялись научными исследованиями и проблемами, имеющими отношение к плаванию на "Джу". Но мысли благодаря напряжению были обострены. Иногда я приходил в такое возбуждение, что в голове с поразительной скоростью мелькали идеи, сцены, абстракции. Забывал я их быстро, но оказывалось, что через некоторое время они вновь всплывали. Не знаю, как у других людей, но, когда мне приходится заниматься новой задачей, решение зачастую приходит мне в голову как-то вдруг, неожиданно, в долю секунды. Я не сторонник теории интуиции, но, когда начинаю анализировать это решение, выясняется, что оно наиболее оптимальное. Сознание — это "черный ящик". Знаешь, какие данные вводишь в него и какой получается ответ, но, что происходит между "входом" и "выходом", неизвестно.

Переживания не сделали меня серьезнее. Я не утихомирился, и меня не клонит к "уравновешенности". Продолжаю мечтать о делах, которые требуют больших усилий.

Я всегда любил примитивные суда. С огромной радостью я бы поплавал на древних ладьях. Широких и “добродушных”. После плавания на нашей “Джу” путешествие на яхте кажется мне роскошью, легкой прогулочкой. Всю жизнь я занимался спортом, но у меня нет стремления, тяги к соревнованиям в море. Представляю себе, как бы смеялся Джошуа Слокам **, если бы ему предложили участвовать в регате или “поп stop” — кругосветке ***.

19° 50' с. ш., 68° 05' з. д.

Адская влажность. Еле дышим. Типичные тропики. Это влияние суши. В груди что-то словно сжимает. Хуже, чем в прачечной. Напоминает душное облако теплого пара, которое выдыхают старенькие локомотивы на станциях.

Опустился туман. Хорошая предстоит ночь — туман и мели. А как пик, как итог — ураган. Не хватает, чтобы еще появились корабли, тогда кто-нибудь из нас может не выдержать и попросит оказать помощь.

9 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Акулы в Антильском течении

Рано утром мы вошли в Антильское течение. Это плюс 12 миль в день в западном направлении. Вполне подходяще. Северозкваториальное течение осталось далеко за кормой. Бывали моменты, когда оно было нам товарищем, а иной раз и мешало. После того как это течение долго пыталось отбросить “Джу” на юг и мы его остерегались, оно стало вести себя благородно, начав работать на нас. По моим расчетам, с его помощью мы прошли 400 миль, что составляет 1/10 нашего пути. Оно сэкономило нам, по крайней мере, пять дней, и мы ему благодарны.

Мы уже прямо против Гаити. Будем плыть в 10—15 милях от берега. Длина острова равна 300 милям. Затем пересечем Наветренный пролив и подойдем к Кубе. И после 80 миль пути прибудем в заветный Сантьяго-де-Куба.

К радости, туман рассеялся. Дышится полегче.

В Антильском течении преобладает зоопланктон. Мы консервируем часть улова для пробы, а остальное съедаем. Никогда не выбрасываем добытый планктон, за исключением тех случаев, когда нам кажется, что он ядовит. Красноватый цвет — это сигнал об опасности. В океанах часто большие стаи рыб отравляются красным планктоном. А мы не намерены подражать им.

Возле нас кружат три-четыре большие акулы. Усиленно охотятся, и мы становимся свидетелями разворачивающихся драматических действий. Снимать их не успеваем, потому что они появляются на доли секунды и исчезают, а наши фотоаппараты не снабжены соответствующими видоискателями. Не прощу себе этой ошибки. Камеры нам принесли в последний момент, и я ахнул. В большой суматохе это показалось мелкой неприятностью. Вопреки своему характеру я смирился. В Софии это кажется мелочью, а здесь приходится расплачиваться. Таким образом, мы лишились многих интересных кадров. Аппарат хорош, но для суши, когда ты снимаешь стога сена.

Пока я занимался подготовкой экспедиции, мне довелось встретиться с различными людьми. Многие из них были доброжелательны. Оказалось, что чрезвычайно трудно одновременно проявлять настойчивость и быть корректным; добиваясь своего. Я всегда старался никого не задеть, но без споров обойтись невозможно. Особенно когда обсуждаются проблемы надежности.

Умение выслушивать дается нелегко. Нам советовали люди компетентные, полукомпетентные и скучающие. Со специалистами просто. Общий язык с ними всегда найдешь. Но остальные обижаются, если замечают, что ты раздосадован. Ты должен отсеивать, забывать пустые рекомендации, иначе можно сойти с ума. Если бы я внял всем советам, мы бы уже потонули. Пусть меня извинят доброжелательные советчики, но сейчас я могу признаться, что заинтересованность, написанная на моей физиономии, отнюдь не мешала мне моментально забывать о лишнем.

Разговаривал я и с доброхотами, которые рассказывают назидательные истории и с самым благожелательным видом, раздуваясь от собственной значительности, предсказывают, что ты кончишь плохо.

Основной их аргумент: “До поры кувшин по воду ходит”. Эту фольклорную жемчужину я слышал, по крайней мере, сто раз. Станным образом этот тип людей ищет опору в вековом опыте нашего народа. Станным образом повторяет одни и те же две-три поговорки: “На дерево без корня не лезь”, “Не думай, что море по колено”. Ничего не имею против пословиц, но я заметил, что в нашем случае их используют в качестве обоснования пессимистических прогнозов. Может быть, “осторожные” люди прикрывают поговорками собственное бессилие?

Есть и третья группа. Это завистники. Чему точно завидуют — не знают, но изначальная разъедающая зависть блестит у них в глазах. Никто из них не предложил заменить нас и на тех же условиях отправиться в путь. Но завистник убежден в том, что именно мы испытаем что-то настоящее, чего нельзя упустить. И как раз здесь он прав, тысячу раз прав. Мы испытываем радость борьбы.

Продолжаем идти в зоне ураганов, отмелей и коралловых рифов.

Днем почти нет тумана. Видимость две мили.

Много птиц. Питаются остатками от акульных пиршеств.

Честно говоря, я стал профессионалом. Могу провести лодку где угодно. Мои движения стали настолько четкими, действия настолько автоматическими, что я прилагаю теперь гораздо меньше физических и психических усилий.

Через шесть-семь дней будем в Сантьяго.

Юлия мучается из-за прыщей и одиночества.

Никаких кораблей. Только южноамериканская музыка. Хороший признак, потому что, если бы надвигался ураган, все станции забились бы тревогой. Мне уже до смерти надоела эта музыка, да и от рекламных передач, одинаковых и на Антильских и на Канарских островах, я дурею окончательно, но выключать нельзя: можем пропустить возможное сообщение об урагане. Жаль, что наш простенький транзистор не имеет той частоты, на которой передают прогноз погоды. Есть специальные станции, которые периодически зачитывают сводку синоптиков о погоде в различных районах океана.

Землю мы должны увидеть завтра, и то, если туман полностью рассеется. В настоящее время видимость достигла трех-четырех миль. Мы не врежемся в прибрежную скалу, но я нервничаю, так как где-то южнее, совсем рядом, находится Гаити.

Хорошо, что влажность уменьшилась. Уже дышится легко. Вчера за день и ночь мы намучились. Столько раз волнами заливало нас и столько раз мочили дожди, что мы уже привыкли спать на мокрых простынях. Но этот туман застал нас врасплох. Такого еще не было: дышишь, и что-то душит тебя. Грудь сжимает, а ноздри щекочет сладковатый аромат. Если это входит в экзотический ассортимент тропиков и так пахнет на Кубе, то, признаться, я разочарован. Ненавижу тяжелые и сладковатые запахи.

9 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Женщины в море

Я читала почти все о женщинах, которые отправлялись в море — с экспедициями или на парусниках. Восхищаюсь Эн Дэвидсон, Анной Мюллер, которая довела лодку с умершим отцом до суши, Розы Смит. С удовольствием прочла книгу Ани ван дер Виле.

В Варне мне попали в руки номера газеты, в которых опубликованы интервью Района Карлипа, победителя кругосветной регаты 74-го года. Из его ответов можно было попятить, почему семейный экипаж "Саю-лы II" победил морских волков "Великобритании II". Он сказал, что при успешном переходе мимо мыса Горн на "Саюле II" кричали, пели, веселились. Это уже свидетельствует о той атмосфере, которая царит на яхте. В ее создании немалая роль принадлежит женщине.

А решиться на морское путешествие может только тот, кто этого страстно хочет. Нельзя отправляться в путь только из-за любви к приключениям. Это не моцион, который поможет сохранить психологическое здоровье.

Женщине труднее во всех смыслах. Есть дела, для которых требуется грубая физическая сила (конечно, в лодке вроде нашей). Например, для того чтобы поднять грот, я повисаю всеми своими пятьюдесятью килограммами в воздухе и все равно, если дует сильный ветер, не могу сдвинуть его с места. Или вычерпывание тысяч ведер воды. Но это не то, из-за чего я бы не предприняла путешествие в одиночку. Дончо вселяет в меня и уверенность и спокойствие. Если бы я была одна, то вопрос о том, где я нахожусь, не перепутала ли я чего-нибудь, свел бы меня с ума. Я бы задавала его, наверное, раз по 200 в день. А сейчас бывают дни, когда я даже и не думаю об этом. И опять это заслуга Дончо.

О себе скажу, что хотя я и умею многое, однако одну меня в плавание не затынешь.

И после меня будет плавать много женщин. Я позволю себе дать им один совет: не отправляйтесь в путь с человеком, которого вы не уважаете, как бы вы ни были в него влюблены.

10 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Я не суверен

Ночью был туман. Такой густой, что его можно резать ножом. В 20 метрах ничего не было видно. Хорошие шуточки устраивает нам побережье. Туман и рифы. Ко всему прочему нет возможности определить наше местоположение. Солнце и звезды затянуты облаками. Иду по "нюху" и по верному компасу. Мой взгляд все время прикован к его циферблату.

Сегодня днем или к вечеру должна появиться земля. Очень важно определить, где мы находимся. Это будет нетрудно сделать после первого же замеченного маяка. Даже если я не пойму, что это за маяк, пойдем вдоль берега. Он тянется строго в западном направлении. В семи-восьми милях от него довольно безопасно. Когда берег станет отдаляться к югу, это будет значить, что мы в Наветренном проливе. Просто и надежно, но необходимо, чтобы рассеялся проклятый туман. По моим расчетам, мы сейчас около Силвера, самого опасного места в районе. К вечеру должны покинуть эту зону. Так, по крайней мере, я считаю, но полной уверенности нет. Юлия верит мне, и проблемы навигации ее не волнуют. Все же она ворчит из-за того, что земли не видно.

— Если я сегодня не увижу землю, то возвращаюсь,

После короткой паузы добавляет уже очень серьезно:

— Не могу думать ни о чем другом, кроме еды.

Явно сильный голод мучает ее. Ничего, еще немного, и мы попадем в "цивилизованный" мир. Надо беречь себя еще несколько дней.

Ночная вахта начала утомлять меня. Мы передвигаемся как одурманенные.

Бессонница. Если когда-нибудь я и включу в экспедицию третьего человека, то только при условии, что он возьмет на себя все ночные вахты.

Я напрягаюсь из-за вещей, которые еще несколько дней тому назад легко переносил.

Все больше опасаясь, как бы чего не случилось с Юлией.

От слабости дрожат ноги, и, когда нас качает, мы не можем сохранить равновесия. На финише человек всегда расслабляется. Так было во всех наших предыдущих экспедициях. Так получилось и сейчас.

Маслины кончаются, осталось всего лишь несколько штук. Мы почти не едим. Планктон и 20 граммов сухарей в сутки. Неделю тому назад Юлия стала выдавать только по три маслины в день, полагая, что они очень крупные. Обычно мы их съедали сразу. С нетерпением жду завтрашнего дня. Это компотный день. Не могу себе представить, есть ли что-нибудь вкуснее компота из абрикосов? Никогда он мне не надоест.

Если бы несколько месяцев тому назад мне пришлось прочесть о том, что кто-то провел спасательную лодку без карт и лоций через "Треугольник смерти", то я не поверил бы в это.

Сегодня, как и раньше, твердо могу заявить — пусть нас поглотит туман и разразится шторм, пусть все

обернется против нас, — мы доберемся. Выжмем из себя все, но доберемся. Знаю, что заранее говорить и писать об этом не принято. Что тысячелетиями бытующее суеверие противится этому. Человек привык склонять голову перед природой, притворяться скромным, и если ему что-либо удавалось, то он почитал причиной этого случайность. И все это делается подсознательно, чуть ли не для того, чтобы не возмущать темные силы природы. Поколениями человек преклонялся перед ней, преклоняюсь и я, но не считаю себя беззащитным.

Мы переплыли океан

Сегодня 10 июля, в среду, в 11 часов 30 минут мы увидели землю. Гаити! Ура!

Впервые болгарский экипаж пересек океан.

Это уже свершившийся факт.

Что бы теперь ни случилось, куда бы нас ни забросили штормы, мы переплыли океан! От Европы до Америки, в самой широкой части. Преодолели почти двойное расстояние от Англии до Северной Америки.

Все во мне поет от счастья.

Юлии плохо. Радуетя через силу. В последние дни она сильно похудела. Остается совсем немного. Хорошо, что она волевой человек. Она выдержит.

Не могу наглядеться на эту полоску берега. Победа! 15 дней тому назад я сказал, что мы увидим берег 10 июля. И это сбылось, как в сказке. До этого момента, включая и сегодняшний день, мы вели свою спасательную лодчонку практически безошибочно. Я горд и доволен.

Мы смогли, Юлия, смогли. Спасибо тебе!

Поднялся сильный ветер, появились волны. Пока нет ничего страшного, скорость даже увеличилась.

Курс 270°, прямо на Сантьяго.

Чем ближе финиш, тем беспокойнее я становлюсь. До сих пор я воспринимал штормы как нечто нормальное, само собой разумеющееся, сейчас я расцениваю их как помеху, злой умысел. Не могу отказаться от мысли, что ничего в мире не произошло бы, если бы еще недельку не было шторма.

Вот уже несколько часов не удается написать и двух слов. Снова ад и сумасшедшие волны.

Очень сильный ветер. Более восьми часов идем со скоростью восемь узлов! Это невероятно! Не могу поверить ни лагу, ни самой "Джу". До сих пор столь бешеный темп нам не удавалось поддерживать. В среднем мы делали по четыре узла при хорошем попутном ветре. Волны все еще не очень большие. Но ветер? Его вой в вантах нестерпим. Стонет, свистит. В воздухе носится водяная пыль. Гребни волн оставляют за собой длинный белый след.

Если будем идти так быстро, то через два дня достигнем Сантьяго и опередим съемочную группу телевидения.

10 июля, юлия

Земля!

Мы пересекли океан! Наконец-то увидели землю! Боже мой, как я рада. За полчаса до этого я объявила, что если до завтра не увижу землю, то возвращаюсь назад. Точно так же вели себя бунтовщики на кораблях Колумба.

Немного погодя Дончо сказал, что видит какие-то неясные очертания сквозь марево.

Я всматривалась в океан со вчерашнего дня. Ночью я проглядела все глаза. И... ничего. Приз в 100 песо, который предназначался тому, кто первым заметит землю, совершенно честно выиграл Дончо. К тому же он блеснул своими навигаторскими способностями. Ведь десять дней тому назад он мне сказал: "В среду 10 июля мы будем на 70-й долготе и увидим землю".

Как мне хочется увидеть людей, зайти в кафе, побродить по улицам!

Еще несколько дней терпения.

Дует лучший ветер на свете. "Джу" летит, скользя по волнам, и я счастлива.

11 июля, дончо

Что страшнее — поймать за хвост ураган или черта?

Самая трудная ночь. Мы так устали, словно на нас пахали. Глаз не сомкнули. Не знаю, смогу ли описать эту ночь.

На закате солнца я увидел скалу. Она показалась мне похожей на Монте-Кристи (ее фотографии есть в лоции). Значит, подумал я, мы отклонились от курса на десять миль и попали в самое отвратительное место— где-то здесь находятся три отмели, разбросаны многочисленные рифы и подводные скалы. Сердце у меня сжимается, когда я слышу эти жуткие завывания ветра и вижу надуленные гребни волн. Если наткнемся на риф, то разобьемся.

Солнце зашло, и темнота окружила нас. Затем сгустился туман. В этом положении маяк заметить невозможно. Незаметно ветер сменил направление. Волны вздыбились и начали нас заливать.

Лодку несет к берегу, и пора сделать поворот, потому что, даже если нам удастся благополучно пройти банки, мы разобьемся о прибрежные скалы. Пришлось, хотим мы этого или нет, рисковать, так как этот маневр мог привести к тому, что грот сметет ванты, и мы потеряем мачту. А нет мачты — нет и хода, следовательно, полная беспомощность и бессилие перед рифами и скалами.

Время идет. Наткнулись прямо на одну слегка прикрытую пеной отмель. Жуткое место. Шторм, темень и подводные скалы.

Выбора нет. Тогда?

— Давай, Юлия!

Снимаю стаксель и одновременно пытаюсь удержать грот, чтобы не позволить ему переброситься на другую сторону. Парус грохнул и припечатал меня к мачте. Лодка накренилась, раздался треск. И все в порядке.

“Джу” развернулась. И ванты целы, и команда не попадала за борт.

Я глубоко вздохнул, но, к моему огромному удивлению, грот не сдался и трахнул меня. Я вцепился в борт. Лодка совершила поворот через фордевинд и пошла прежним галсом. Мне не хотелось верить — “Джу”, такая аккуратная, и вдруг ошиблась в такое времечко.

Вся возня началась снова. Я вяло сопротивлялся. Но и этого оказалось достаточно, и мы победили. Легко ушибся, и все. Пронесло.

Но буря не затихает. Два часа мы будем идти на 330°, чтобы убраться подальше от этого “гостеприимного” берега.

Не является ли эта буря началом урагана? И что мы будем делать, если это действительно так? Пенистый гребень захлестнул нас, и лодка вновь полна воды. Меня беспрерывно болтает, и я злюсь, что не могу орудовать ведром так же ловко, как и прежде.

Сколько мы еще выдержим? Сколько продлится буря? Не знаю. Но силы у нас есть, и мы будем бороться. Промокли до костей, страшно устали, так как приходится бесконечно вычерпывать воду и до рези в глазах всматриваться в темноту. Ждем рассвета.

Волны. Волны на любой вкус. Состояние идиотское. Я совершенно не уверен в том, что мы видели именно Монте-Кристи. И слава богу, если я ошибся. Тогда напрасно мы так волновались. Если сегодня выглянет солнце, то определю долготу я буду знать точно, где мы находимся.

Позже опять возобновилась борьба двух выдохшихся, изможденных людей с бурей. Нас по-прежнему заливало. Я все ждал, когда же стихнет ветер. Наконец рассвело. Снова красивые облака, подсвеченные лучами восходящего солнца. В общем, отличная картина для любования с берега. Но мне все это не нужно. Я так и не смог определить наше местоположение. Широта меня не волнует, потому что мы плывем вдоль северного берега Гаити и, следовательно, знаем ее. Важна долгота, только она может указать нам точно, где мы находимся.

Я еще возбужден и не могу заснуть. Наверное, немного погода я расслаблюсь. А усталость разлилась по всему телу.

— Bravo, Юлия, выдержали!

Как раз такую жизнь я и люблю Радуюсь из-за того, что ты справился, напрягая последние силы, победил и можешь сражаться еще. Я испытываю чувство удовлетворения, так как за бортом ласково плещется море. Ты расслаблен и ни о чем не думаешь. Ты сильный и уверенный. Ради этого стоило бороться с бурей.

Прошедшая ночь была из тех, которые никогда не забываются.

11 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Мы по-прежнему хозяева положения

Лег, который Дончо опять исправил, показывал восемь узлов. Это с нами впервые. А таких огромных волн я еще не видела. Непрерывный рев начал действовать мне на нервы. Ночь осталась в моем сознании как дьявольское действие волн и грохота.

Чтобы четче рассмотреть берег, мы отклонились довольно далеко па юг.

Начало рассветать. И в этот момент мы заметили внушительную, причудливой формы скалу.

— Монте-Кристи! Монте-Кристи!—закричал Дончо. — Немедленно на север, иначе мы разобьемся!

Мы повернули на 330°, и волны стали заливать лодку прямо через борт. Мы не только не могли уберечься от них, но и опасность перевернуться была очень большой.

Время от времени Дончо кричал: “Юлия, мы по-прежнему хозяева положения”. Этим кличем он подбадривал меня в Черном море. Сейчас он вспомнил об этом очень кстати.

Хорошо Дончо, он невероятно спокойный. Даже если бы он родился в лодке, то ему бы не удалось так приспособиться.

Мы находимся близко от берега, и поэтому погода быстро меняется. К утру ветер уменьшился, а днем совсем стих.

А перед этим мы прошли мимо острова Тортуга. Здесь два века тому назад пираты прятали свои сокровища, которые они добывали, грабя корабли. На нас никто не обратил внимания. Может быть, на острове не осталось ни одного достаточно смелого потомка пиратов, который отважился бы выйти в море в такую погоду, или, может быть, нам нечем соблазнить отважного корсара? Думаю, и двести лет тому назад на нас никто не напал бы.

12 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Снова безветрие

Со вчерашнего дня, с одиннадцати часов, полный штиль. Ночью ветер продолжался всего лишь два-три часа.

Снова торчим на месте.

Карибское море оказалось коварным.

Всего я ожидал, но только не штиля. Это просто нелепость — находимся всего лишь в 3° долготы от заветной цели. И опять невыносимая жара и печет солнце.

Беспокоюсь за Юлию.

Этот океан издевается над нами. То шторм, то затишье.

Хватит!

В конце концов, мы находимся недалеко от земли, а еще со времен скандинавов известно, что существуют прибрежные бризы, которые утром дуют в одну сторону, вечером — в другую. Даже только с их помощью мы доберемся до Сантьяго, Нам осталось преодолеть расстояние, равное расстоянию от Софии до Салоник. Каких-то жалких 180 миль.

И подуло. Но с северо-запада. Встречный ветер. Мы лавируем и движемся со скоростью в один узел. Слабенько. Нигде не читал, что здесь бывают северо-западные ветры. Все справочники предвещали нам попутный ветер. Наверное, долго он не задержится.

Я благодарен и ему, лишь бы дул. Плавимся. Спрятаться негде. В июле в тропиках стоят самые жаркие дни. Солнце безжалостно. Удивляюсь, как мы до сих пор выдерживали.

Еще немного, Юлия!

Мы вошли в Наветренный пролив. Опять полный штиль. Только ночью дул слабенький ветерок. Двигались медленно. Сплошные неудачи. Нет ни ветра, ни планктона.

Днем дрейфует. Паруса спущены. Жарко.купаемся, но облегчения никакого. Море какое-то не такое. Не освежает. Мне оно кажется утомленным и теплым.

Вода кристально чистая. Много рыбы. Я видел знаменитую рыбу-меч. Она кружила около нас в течение часа. Царственное создание. Хрупкий пластмассовый корпус "Джу" сейчас весь светится — он не преграда для солнечных лучей. А тем более для рыбы-меч. Если она бросится на лодку, то проткнет ее без особых усилий. Это только теоретическая возможность, и вряд ли она будет нас атаковать. Поэтому спокойно радуемся ее красивым движениям.

Приводим в порядок скарб.

Хотя бы течение влекло лодку за собой.

Такое ощущение, что моя голова размягчилась от солнца и жары. Нет охоты писать.

Вода испортилась. Продолжаем ее кипятить. Думаю только об окончании экспедиции.

Ждем.

Обвисшие, тяжелые паруса. Без ветра они мертвы.

Жестокое солнце. Весь день оно висит точно над нами.

Повторяю про себя стихи:

Одинок, как ветер
В прериях Линкольна,
Как бутылка виски
На столе, за которым
Никто не сидит.

Привязались, и никак не могу от них отделаться. Все в нас устремлено вперед, а торчим на одном месте. Иногда мне хочется выть. Иногда ругаться. Сижу и заставляю себя не думать. Внушаю себе, что штиль не страшен.

Хочу рассказать сказку Яне. Но она такая маленькая, что представляет себе все только в цветах и звуках. Поймет ли она меня?

Изнуряющее безделье. Обливаясь потом, пытаемся заняться пожитками.

Удивляюсь, откуда столько пота. Неужели человек потеет и тогда, когда организм полностью обезвожен? Не является ли все же обильное потоотделение результатом нервной встряски?

Мы голодны

Едва ходим. Любое движение связано с огромными усилиями. Убрал часы, чтобы не следить за каждой уходящей минутой. Не могу, к сожалению, повлиять на погоду, хотя иногда говорю Юлии, что благодаря "черной магии" ветер подчинится мне. Она, чтобы потешать меня, делает вид, что верит.

12 ИЮЛЯ, ЮЛИЯ

Ожидание

Я уже начала собирать наш скарб и с огромным удовольствием выбрасываю ненужные вещи, которые мы везем с собой.

Возможно ли, чтобы именно сейчас, когда до Сантьяго осталось всего три дня пути, перестал дуть ветер? Весь день повторяю себе, что этого быть не может, что сейчас он подает.

А в мыслях я уже добралась до Софии и уже обнимаю Яну.

13 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Юлия увидела Кабо Майей

Снова ветер. Дует с вечера. Это прибрежный бриз. Наконец-то! Теперь, даже если днем не будет попутного ветра, при помощи вечерних бризов мы все равно доберемся. Находимся совсем уже недалеко от Кубы. Через несколько часов должны увидеть землю или маяк. Юлия беспрерывно всматривается. Очень хочет на этот раз первой увидеть землю.

Странно, но я не ощущаю особой радости. Конечно, прибытие на Кубу снимет то огромное напряжение, которое мы сейчас испытываем. Опять же это врачи и покой для Юлии. Однако дней десять назад я думал, что сойду с ума от радости, когда увижу берег Кубы.

Конечно, будет громко сказано, если я заявлю, что сожалею об окончании экспедиции, но мне нравится наша лодка и эта трудная жизнь.

Не надо расслабляться.

Внимание!

Приближение к финишу всегда чревато неприятными последствиями.

Все же мели и скалы остались позади, а Карибское море чудесное.

Много рыбы. Появляются прибрежные акулы. Плещутся дельфины. Мы снимаем их свадьбы.

Цвет воды изменился. Стал светло-зеленым. Снова подул легкий ветерок.

И вот Юлия увидела Кабо Майей.

Ура!

21 час, 13 июля 74-го.

Прибыли.

14 ИЮЛЯ, ДОНЧО

Плываем вдоль Кубы

Куба видна. Это прекрасно! Лучший остров в мире! Огромные и глубокие заливы. Мы всего в нескольких милях от берега.

Всю ночь мы с восхищением рассматривали Кабо Майей. Сколько я о нем слышал! Юлия, милая, увидела его первой.

Сейчас я уверен в том, что мы прибудем точно в Сантьяго. Нам удалось совершить тяжелое путешествие на открытой лодке, которая полностью зависит от ветра. Наша "Джу" настолько беззащитна, что меня не покидает чувство, будто я вычерпал из нее, по крайней мере, пол-океана.

Юлия на седьмом небе. Отдых близок.

Я как будто заново родился. Не чувствую ни усталости, ни голода. Мучительная бессонница прошла.

Ничто не может нас остановить. Если обрушится ураган, мы спрячемся в каком-нибудь из заливов. Берег рядом.

Только идем медленно. Наши мечты давно обогнали "Джу".

У нас есть еще силы. Мы в полной боевой форме. Мне кажется, что я прощаюсь с невзгодами.

Пусть дует ветер!

Вперед!

Если все будет нормально, то завтра финишируем.

Забрасываю сети для планктона. Юлия неожиданно выкрикивает: "Ни пуха ни пера!" Смеемся от души. Через силу ем планктон Карибского моря. Это уже третий вид планктона, который нам доводилось ловить — до этого был черноморский, потом атлантический, а теперь добываем и карибский. Как дойдет до дела, то мы издадим атлас морей, обозначив вкусовые качества планктона. И карибский ничем особенным не отличается.

Предпоследнее бритье

Это мое предпоследнее бритье на “Джу”. Делаю это с большим удовольствием. Море ласковое, не качает. Рано утром мыльная пена долго не засыхает. Сейчас понимаю, какой эквилибристикой я занимался, когда пытался побриться, держа в руке не зеркало, а рукоятку румпеля.

Усиленно втираю крем. Хочу выглядеть свежим при первой встрече!

Юлия смеется и утверждает, что я наконец-то стал заниматься своей особой. Если после этой экспедиции я начну обращать внимание на покрой своей одежды, то это будет для нее самой большой наградой. Она говорит, что отправилась со мной в плавание только потому, что стыдилась моей расхлябанности на берегу... Я напомнил ей, что застучал ее как-то во время вахты— она обрабатывала свои волосы перекисью водорода.

Милая Юлия знает, что на Кубе преобладают брюнетки, и не упустит случая появиться там во всем своем русом великолепии.

16 ИЮЛЯ. ДОНЧО

Вопросы

Продолжаем собирать поклажу. Собираем и сортируем. Снова появились вспухшие мешки. Почти как в сказке об Али-Бабе и сорока разбойниках. Как мало еды мы съели! Мешков столько же, сколько их было при отплытии. Да и по габаритам они такие же.

Встретит ли нас Митко Езекиев и съемочная группа с телевидения? Как будет на Кубе? Прибыл ли д-р Пенчев? Вот вопросы, которые нас сейчас волнуют.

Меня очень интересуют и результаты биохимических анализов проб крови и мочи, которые мы собирали. Каковы будут показатели окончательного осмотра?

Болгары на пирсе

Приближаемся к Сантьяго.

Нас никто не встречает.

Входим в гавань порта.

Ура! Ура! Болгарский корабль “Васил Друев”.

Он проплывает мимо.

Рев сирен и воздушные поцелуи.

— Прошу сообщить в Варну. Все идет отлично.

На этот раз я уверен: весть дойдет до Болгарии.

Радиограмма

Болгарский морской флот

Дата 16/7

Варна

Недалеко от входных маяков порта Сантьяго-де-Куба, не имея возможности остановиться и поздно уведомленные пилотом, разошлись с лодкой “Джу” семьи Папазовых, благополучно прибывшей на Кубу. Обменялись традиционными морскими сигналами при встрече и приветствовали их “добро пожаловать”. Были счастливы и посылают привет Варне.

(КАП. ПЕТКОВ, РАДЕВ)

Опустили паруса, и вот затарахтел наш двигатель. У нас есть подробный план порта, и мы спокойны. Внимательно оглядываем каждый катер в поисках Митко и остальных встречающих. Никого нет. Уже плывем полтора часа. Появляются пирсы, направляемся к ним.

И видим, что на причале находится болгарская колония почти в полном составе.

Поцелуи, объятия, поздравления.

Остается еще одна формальность — составление протокола о наличии топлива, пищевых запасов и внешнем виде “Джу”. Оказалось, что мы израсходовали всего двадцать литров газойля. Последним расписался консул Болгарии на Кубе...

Конец “Планктона III”. Наступает время “Планктона IV”.

Два дня спустя

Нас сразу отправили в военный госпиталь. Здоровье в полном порядке. Я похудел на 18,5 килограмма, а Юлия — на 9 килограммов.

Все время даем интервью. Нас уже узнают на улицах.

Ожидаем с нетерпением возвращения в Болгарию. Очень хочется обнять Улыбашку Яну.

* После того как мы прибыли в Сантьяго, мы заполнили пустые места: "Юлия похудела на 9 килограммов, я на 18,5 килограмма", "наш 64-дневный переход" и "прибытие — дата 16 июля 1974 года— в Сантьяго-де-Куба". *(Примеч. авт.)*

** Капитан Джошуа Слокам — первый человек, который в одиночку совершил кругосветное путешествие на парусной яхте. *(Примеч. авт.)*

*** Кругосветка без остановок в промежуточных портах. До сих пор только пять яхтсменов ее успешно закончили. *(Примеч. авт.)*